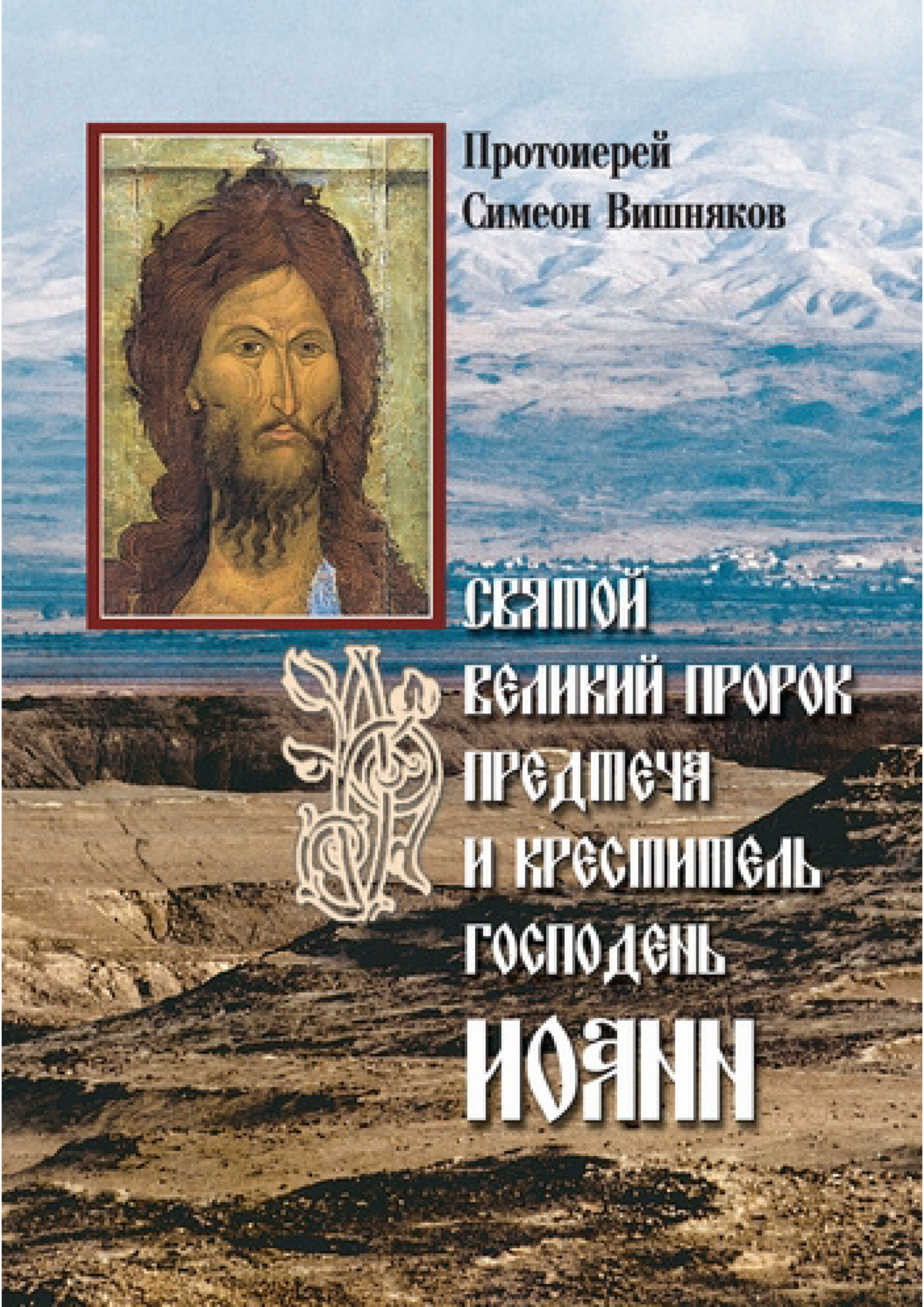

Протоиерей
Симеон Вишняков
Святой
великий пророк
предтеча
и креститель
Господень
Иоанн

Annotation

Книга «Святой Великий Пророк Предтеча и Креститель Иоанн» составлена в соответствии с ходом евангельских событий и отличается широтой охваченных тем. На ее страницах представлена историческая действительность, в которой проповедовал Предтеча Господень, объяснены ветхозаветные священнодействия и обряды, дана характеристика правителям Палестины и последователям раввинского учения: фарисеям, саддукеям и ессеям.

В основе книги – Священное Писание. Евангельский текст и толкования святых отцов постепенно раскрывают читателю личность великого Крестителя и его служение миру перед выходом Христа на проповедь.

В приложении публикуется акафист святому Иоанну Предтече, в церковных песнопениях названному «покаяния всемирным проповедником».

Протоиерей Симеон Вишняков

Святой Великий Пророк Предтеча и Креститель Господень Иоанн

СКАЗАНИЕ

о святом Предтече Господнем Иоанне

Приближалось время пришествия на землю Мессии, Чаяния всех народов. Дни, предопределенные для этого в пророчестве Данииловом (см.: Дан. 9, 24–27), подходили к концу. Жезл правления отнят был из рук Иуды, как это предсказано было патриархом Иаковом (см.: Быт. 19, 10). Иудеи томились под чужеземным игом. Могущественный Рим прекратил свои завоевания. На всей земле был глубокий мир; все и всюду ожидали явления Великого Властителя. Но Грядущему Царю, праведному и спасающему, должен был предшествовать необыкновенный посланник.

Мессия до своего пришествия на землю предызображен, возвещен и описан был ветхозаветными патриархами и пророками. И светлый лик Предтечи Господня представал пророческому взору ветхозаветных прозорливцев.

За много веков до своего явления на земле святой Иоанн изображен в писаниях пророческих как Предтеча, провозвестник Сына Божия, как приуготовитель путей Мессии, как Ангел, вводящий Христа на чреду евангельского служения, как глас Бога Слова, предназначенный расположить к Нему сердца людей и открыть миру новые тайны…

Евангелист Лука повествует, что родители святого Иоанна Предтечи жили в дни Ирода, царя иудейского. Этот Ирод был первый царь-иноплеменник[1], поставленный римлянами для управления Иудеей; он достиг царского венца хитростью и коварством, угодничеством и подкупами сильных в Риме[2]. Всю жизнь свою Ирод трепетал на своем троне, опасаясь, что у него похитят царство, и все усилия употреблял на то, чтобы непомерной царской пышностью заставить иудеев забыть о своем темном происхождении. Окружив себя довольно сильной партией единомышленников (иродиан), Ирод уничтожил все архивы, в которых хранились родословные прежних иудейских царей, начиная с Давида, и постоянно старался ослабить силу и влияние первосвященников на народ, возводя и низводя их только по своему личному произволу[3]. Нещадно предавал он смерти всех, кто или по своему высокому положению, или по влиянию на общество, или по богатству представлялся опасным для его честолюбия. Подозрительный и свирепый, он не пощадил даже троих своих сыновей и любимой жены Мариамны, осудив их на смертную казнь.

И в такое темное царствование были еще в иудейской земле светлые личности, привлекавшие к себе и особенное Божье благоволение, и искреннее народное уважение. Таковы были родители Предтечи – Захария и Елисавета.

Оба они происходили из благородного священнического рода[4]. Захария был из поколения Авии, отправлявшего чередой служение при храме Иерусалимском, а Елисавета имела по прямой линии своим родоначальником первого первосвященника Аарона.

Благородная чета поддерживала честь своего славного происхождения блеском своих собственных добродетелей. По свидетельству слова Божия, оба они были праведны не только пред людьми, но и пред самим Богом, ведающим самые тайные человеческие помышления. Оба они поступали по всем заповедям и уставам Господним беспорочно[5]. Редкое между людьми нравственное совершенство! Если Захария и Елисавета были праведны пред Богом, то эту праведность приобрели они не только своими человеческими силами, но, преимущественно, помощью и милостью Божьею. Они принадлежали к числу тех благочестивых душ в народе иудейском, которые с крепкой верой в Божественные обетования

предавались надежде, что скоро должен явиться обетованный Мессия.

Но и праведным Своим Господь попускает иногда терпеть лишения, чтобы усовершенствовать их в любви к Себе, терпении и уповании. Праведные Захария и Елисавета были богаты духовными сокровищами, но лишены были утешения иметь детей. В них даже исчезла сама надежда чадородия, потому что Елисавета была бесплодна, и оба они были уже в летах преклонных. Но Премудрый и Всеблагой Господь, иногда долго испытывая твердость веры и упования Своих избранных, потом не только исполняет их пламенные желания, но и награждает их тем, на что они едва ли могли надеяться. Так и праведным Захарии и Елисавете определено было Господом не только дожить до радостных дней пришествия Мессии, но и быть родителями его Предтечи. Самим своим зачатием святой Иоанн должен был стать Предтечей Мессии. Бесплодное лоно его матери, ставшее чудесно плодоносным, явилось предвестием преестественного чуда зачатия и плодоношения Девы.

Праведные родители Предтечи – Захария и Елисавета жили в древнем городе Иутты[6]. Когда наступала очередь служить в храме Иерусалимском, Захария приходил в Иерусалим и жил в нем всю неделю своей очередной службы. Смена священнических очередей была определена законом[7]; но никому из священников одной и той же череды не предоставлялось навсегда одно и то же священнодействие: каждый из них получал то или другое назначение при богослужении по жребию. Таким образом, иному приходилось служить утром, иному – вечером; одному – заколоть жертвы, другому возносить всесожжение, третьему– совершать каждение и т. д.

Жребий каждения почитался особенно счастливым жребием служения, наиболее угодным Иегове. Каждение совершалось дважды в день – утром и вечером.

Священник, назначенный совершать каждение, после предварительного омовения рук и ног брал с жертвенника всесожжения горящие угли, клал их в золотую кадильницу, входил в первую часть храма, называемую «Святая святых» за первую завесу, поставлял кадильницу на жертвеннике курения или золотом алтаре, потом наполнял обе горсти своих рук мелко истолченными благовонными веществами и сыпал их на горящие угли. Дым от сжигаемых благовоний, как облако, покрывал алтарь и потом возносился к небу; священник между тем молился: «Вечный Боже, – взывал он Иегове, – да прославится имя Твое, и да святится оно в сем мире, который Ты создал по благому Своему соизволению! Да продлится над нами Твое Царствие; да наступит искупление; да придет к нам желаемый Мессия!» Во время совершения каждения было всегда значительное число молящегося народа. Простые люди не входили внутрь храма, но стояли у внешней решетки в тишине, благоговейно. Некоторые падали ниц, соединяя свои молитвы с молитвой священника.

Такой жребий служения в храме Иерусалимском, по усмотрению Божию, пал на долю Захарии, когда он в порядке своей череды служил пред Богом[8].

И вот после того, как он, совершив законное каждение, произнес из глубины своей души пламенную молитву к Господу и готов был отойти от алтаря к народу, чтобы преподать ему обычное благословение, ему явился Ангел Господень, стоявший по правую сторону кадильного жертвенника.

Неожиданное явление Ангела поразило Захарию: смущение объяло всю его душу, и на него напал великий страх, ведь в то время люди верили, что явление небесного существа предвещает человеку близкую смерть.

Небесный посланник поспешил успокоить трепещущего старца. *Не бойся, Захария,* – сказал ему Ангел, – *ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн. И будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются. Ибо он будет велик пред Господом…* (Лк. 1, 13–17).

Эта утешительная речь божественного посланника уменьшила страх в душе Захарии, но проречение о вещах, для Захарии неожиданных и удивительных, не успокоило смятение в его уме.

Священник и учитель Израилев, знавший пророчества и бесчисленные памятники промышления Божия о Церкви, Захария не оказал полной веры ангельскому возвещению, не внял, что спасение Израиля готово уже совершиться…

Ангел ответствовал Захарии: *Я – Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие* (Лк. 1, 19).

Чтобы уничтожить в душе Захарии всякое сомнение о чистоте существа, с ним беседующего, небесному вестнику достаточно было открыть свое имя. «Гавриил» значит «сила Божия»; слова предстоящий пред Богом означают, что он есть Ангел света, близкий к Творцу вселенной. Имя этого Ангела известно было Захарии из Книги пророка Даниила, которому Гавриил открыл тайну о пришествии Мессии, Его смерти и благотворных ее действиях на избранных. Указывая на свое имя и свое особое преимущество, Ангел Божий невольно приводит Захарии на память обетования Божий, описанные у пророка Даниила, и уверяет в несомненности своих предсказаний.

Не ожидая от Захарии ответа, но зная его мысли и чувства, Архангел властью божественного посланника произносит приговор за его неверие. *И вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые исполнятся в свое время* (Лк. 1, 20). Действительно, слово как бы замирает на устах Захарии; язык его связуется, его слух закрывается[9].

Захария сделался глух, потому что не вполне был внимателен к вещанию Архангела; нем – потому что оказал ему противление в своем слове.

По закону, после совершения каждения священник должен был отходить от кадильного жертвенника с благоговейным поклонением головы к внутреннему святилищу, совершая поклонение имени Божию. Народ, молившийся в это время, знал, сколько нужно времени для принесения фимиамской жертвы; но так как был отделен завесой и не мог видеть, что случилось с Захарией, то удивлялся, что он так долго медлит в святилище и не возвращается преподать обычное благословение.

Еще больше поразил молящихся вид Захарии, когда вышел он из священного места. На лице его, до этого ясном и спокойном, отражались смущение и радость, которыми исполнена была душа благочестивого старца во время беседы его с посланником Всевышнего. Но когда Захария вместо обычных слов благословения стал объясняться с народом знаками, всех объял невольный трепет: из такой необычайной перемены в нем поняли, что ему было видение в храме.

По закону Моисееву, при двойном телесном недостатке священник не был допускаем к отправлению богослужения; между тем евангелист замечает о Захарии, что он не прерывал своего очередного служения до конца недели. Ясно, что все, при глубоком уважении к благочестию Захарии, убеждены были, что и немота, и глухота произошли в нем по воле Божией.

Когда окончились дни служения Захарии при храме, он возвратился в свой дом вполне уверенный в истинности данного ему обетования, но не без сокрушения в сердце о том, что прогневал он Господа первоначальным своим недоверием.

Благословенная чета недолго ожидала исполнения ангельского слова: Елисавета зачала вожделенный плод. Пять месяцев не открывала она никому из посторонних этого дара Божия. В тишине уединения благодарила она Господа, что Он в дни старости призрел на ее смирение и по милосердию Своему избавил от неплодства. В иудейском народе неплодие супругов почиталось явным знаком неблаговоления Божия, и на неплодных смотрели с презрением.

В Нижней Галилее, в нагорной лощине находится небольшой и незнатный прежде город Назарет. Во всем Ветхом Завете нигде не упоминается о Назарете. Как вообще вся Галилея, населенная жителями из бедных иудеев и разных племен языческих, так, в частности, Назарет во времена евангельские не пользовались особым народным уважением. Местоположение Назарета прекрасно: с вершин окружающих его гор открывается величественная картина долины Эздрелонской, гор: Фавора, Гелвуйских, Кармила, Ермона; а на заднем плане – Средиземного моря. В Назарете жила близкая родственница (двоюродная сестра) праведной Елисаветы, Пресвятая Дева Мария[10]. Она родилась в окрестности Назарета, но провела свое детство не в родительском доме. По обету праведных своих родителей посвященная Господу, Она с трехлетнего возраста воспитывалась при храме Иерусалимском. Здесь, рано осиротев, дала она перед Господом необыкновенный между иудейскими девами обет – провести всю жизнь свою в чистоте девства. После достижения четырнадцати лет, когда по узаконенному иудеями обычаю юным девам не позволялось больше пребывать в ограде храма, Дева Мария, по особенному внушению и устроению Божию, после общего согласия и молитвы всего сонма священнического, после данного Ей откровения свыше обручена была благочестивому восьмидесятилетнему старцу Иосифу, который под именем мужа долженствовал быть хранителем ее девства и ее попечителем. Иосиф был родственником Пресвятой Девы – происходил также от древнего царственного, но уже слившегося теперь с народом потомства Давидова[11]; жил с семейством своим от первой жены своей Соломии в небогатом доме в Назарете; питался от трудов плотничества.

В доме Иосифа Пречистая Дева Мария не изменяла того образа жизни, какой Она вела при храме Иерусалимском. Пребывая большей частью в уединении и безмолвии, Она изливала праведную душу свою в пламенной молитве к Господу, читала Священное Писание, предавалась богомыслию, занималась рукоделием. Предание говорит, что по устроению Божию Пресвятая Дева и в Назарете трудилась для храма, пряла червлень и багряницу[12] для новой завесы перед Святая Святых. Истекал шестой месяц после зачатия Елисаветой Предтечи и четвертый пребывания Святой Девы в доме Иосифа. Однажды Пречистая Дева, прочитав пророчество Исайи об Еммануиле, озаренная Божественной любовью и пламенным нетерпением узреть обетованного Мессию, молилась Господу и думала: «Когда настанет то вожделенное время и Создатель мой благоволит сойти с Небес и принять на Себя плоть человеческую?» В это мгновение предстал пред Ней Архангел Гавриил и, как бы отвечая на молитвенное ее размышление, произнес: *Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! благословенна Ты между женами* (Лк. 1, 28).

Дивное послушание Пречистой Девы преклонило Ее душу под осенение Духа Святого, соединило Ее волю с волей Божией, отверзло Ее сердце для входа силы Вышнего; и Вечный Свет пришел и засветил в Ней жизнь, новую не только для земли, но и для неба – небесную в земной, вечную во временной, Божескую в человеческой, всеоживляющую в умирающей. – *И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины* (Ин. 1, 14). Небесное посольство достигло своей цели, *и отыде* от Марии *Ангел* в горнюю страну света.

Два или три дня после архангельского благовестил Пречистая Дева оставалась в Назарете, по преданию, праведного Иосифа в это время не было в Назарете: для своих обычных занятий он вызван был в другое место. А ближайшими родными Ее были тогда Захария и Елисавета, жившие от Нее далеко. Известие Архангела о неожиданном чревоношении Елисаветы и слух о чудном онемении Захарии возбудили в Пречистой Деве желание посетить их[13].

Предание говорит, что Дева Мария на пути в Иутту заходила в Иерусалим воздать поклонение Господу в Его святом храме и представить священникам храма заказанное ей рукоделие. Первосвященник, благословляя Деву за трудолюбие, вдохновенно сказал Ей: «Мариам, Господь Бог возвеличит имя Твое, и ты будешь благословенной во всех родах земных». Присутствующие при этом в храме, за исключением Самой Богоматери, понимавшей истинный смысл этих слов, приняли их за простую похвалу. Из

Иерусалима Пречистая Дева пришла в Иутту, вошла в дом Захарии и словами «мир тебе» приветствовала свою любимую родственницу Елисавету. Господь явил в этом свидании двух святых жен новые чудесные знамения. Приветственное слово Марии слышит Елисавета, но таинственную, чудесную силу его первым ощущает незримый в утробе Иоанн и через него уже и матерь его, Елисавета.

Еще во чреве матери исполнившись, по предсказанию Архангела, Духа Святого, Иоанн радостным взыгранием начинает великое служение свое, указав миру его Спасителя. Гласом Иисуса Христа через приветствие Марии Иоанн не только сам исполнился Духа Святого, но исполнил Тем же Духом и матерь свою Елисавету. *И Елисавета исполнилась Святого Духа* (Лк. 1, 41). Озаренная Им, она видит теперь перед собой не простую, бедную, хотя и любимую свою назаретскую родственницу, но величайшую из жен – Матерь Господа Своего! В живом сердечном восторге, не имея сил удержать святых своих чувствований, громким голосом воскликнула она Пречистой Деве: *Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего!* (Лк. 1, 42) В ясном свете видит праведная Елисавета все свое ничтожество перед Великой Посетительницей, в глубоком смирении не находит в себе ничего такого, чем могла бы она заслужить честь этого посещения; а между тем первая на земле сподобляется приветствовать в своем доме Матерь Божию! *Откуда это мне,* – говорила она, – *что пришла Матерь Господа моего ко мне?*

О! блаженна Ты, уверовавшая: все совершится так, как возвещено Тебе Господом (Лк. 1, 42–45). Во вдохновенном приветствии праведной Елисаветы слышались Пречистой Деве слова архангельского благовестия. Теперь Она убедилась, что тайна воплощения в ней Сына Божия Самим Духом Святым открыта любимой ее родственнице. Глубокое, живое чувство радости и умиления при мысли, что наступило время избавления Израиля, что готово открыться на земле вожделенное Царство Обетованного Мессии, до того преисполнило сердце Благодатной Девы, что из уст ее невольно излилась вдохновенная песнь хвалы и прославления Господу, сотворившему дивные чудеса: *Величит душа моя Господа,* – воскликнула теперь любившая прежде молчание Святая Дева, – *и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе Моем!* (Лк. 1, 46–55).

Тихо и радостно потекли дни пребывания Пречистой Девы в доме Захарии. При печальной немоте его Святая Мария была для Елисаветы Ангелом утешителем. В благоговейных беседах проводили время Богомудрые Жены, размышляя о милости Божией, явленной над ними и превзошедшей все их ожидания. Доверчиво открывая друг другу свои душевные тайны, свои радости и надежды, свои заботы и желания, Святая Дева и праведная Елисавета старались доставить себе взаимное утешение, назидание и укрепление в своей необыкновенной судьбе. Покорные Божиему предопределению, радостно видели они, как начинает исполняться тайна спасения мира посредством благословенных плодов их чревоношения.

Около трех месяцев пробыла Святая Дева у праведной Елисаветы. По словам святого Амвросия, причиной такого довольно продолжительного пребывания Преблагословенной Девы в доме Захарии была не только искренняя, сердечная привязанность Марии к Елисавете, но и благодатное возрастание пророка, предназначенного на великое служение.

Еще до рождения Иоанна Пресвятая Дева Мария, с благословения своих любимых родственников, возвратилась в Назарет.

Между тем для праведной Елисаветы наступило время разрешения от бремени, и она родила сына, как предсказано это было Архангелом Захарии[14].

Если в народе, ревновавшем о чадородии, неплодные, думая, что над ними тяготеет гнев Божий, скорбели о своем бесчадии и, несмотря на личные нравственные свои совершенства, были предметом не только сожаления, но и поношения со стороны людей, их окружающих, то разрешение неплодия, особенно таких лиц, от которых, по-видимому, нельзя было и ожидать чадородия, не только благотворно действовало на сердца самих рождающих, но как бы мгновенно изменяло по отношению к ним мысли и

чувства других людей. Так было и с Захарией и Елисаветой. Радостью и весельем исполнились сердца родителей Предтечи, потерпевших такое долгое и тяжкое испытание бесчадия. Весть о необыкновенном разрешении Елисаветы, тщательно скрывавшей от людей свою беременность, скоро разнеслась по всем окрестностям Иутты и поразила ее соседей и родственников. Все они теперь обрадовались ее счастью и видели в этом чудном событии явление особенной, великой к ней милости Господней. Так исполнились слова Архангела к Захарии: *И будет тебе радость и веселие, и многие о рождении* (твоего сына) *возрадуются* (Лк. 1, 14).

У иудеев восьмой день после рождения младенца мужского пола в доме его родителей был днем радостного семейного праздника. В этот день над новорожденным по закону совершалось обрезание, через которое младенец еврейский вступал в завет с Богом и в общество избранного народа Божия[15]. Для участия в семейной радости и молитвенных благожеланиях новорожденному приглашались знакомые – соседи и родственники. При совершении обрезания присутствующие пели обыкновенно псалом 127-й: *Блажени еси боящиеся Господа.* Такой же семейный праздник был и в доме праведного Захарии на восьмой день после рождения сына. После совершения обряда обрезания по древнему обычаю новорожденному давалось имя[16].

Право нарекать имя новорожденному предоставлено было отцу; но в настоящем случае из-за глухонемоты Захарии между присутствующими возник вопрос: каким именем назвать новообрезанного? По древнему обычаю нарекать новорожденного именем отца или какого-либо близкого и более уважаемого родственника, собравшиеся в доме Захарии хотели назвать младенца именем отца его – Захарией. Услышав об этом, Елисавета, знавшая, какое имя должно быть дано ее младенцу, сказала окружающим: «Нет, не Захария, но Иоанн да будет имя ему».

Елисавета могла знать имя ее младенца или по предварительному письменному извещению от Захарии, или по внушению от Духа Святого, как об этом говорится и в богослужебной книге: «Пророкова сущи супруга, и пророческая родительница Елисавета святая, бяше и сама дара пророческого исполнена и пророчески веляше нарещи рожденное их отроча тем именем». Но родственники возразили ей, что во всем их родстве нет никого, кто бы назывался таким именем, и за разрешением этого дела обратились к отцу младенца.

Захария с покорностью и терпением переносил наказание, изреченное ему словом архангельским; но по тому же слову он мог надеяться, что с рождением ему сына разрешатся узы его языка и слуха. Сын рождается, и истекает уже восьмой день после этого события; на радостный праздник обрезания младенца собрались друзья Захарии, но сам он все еще немотствует. С живым сочувствием следил он теперь своим взором за всем, что делалось вокруг него, но не мог еще принять деятельного участия в том, что так близко касалось его сердца… Когда родственники стали знаками[17] спрашивать его о том, как бы он хотел назвать своего сына, Захария попросил передать ему дощечку для письма и написал на ней: *Иоанн – имя ему.* Все родственники удивились тому, что вопреки их ожиданиям и желаниям отец и мать без видимого между собой соглашения одинаково нарекли своего младенца необычным в их семействе именем.

Это удивление перешло потом в страх, когда вдруг все услышали, что у Захарии, лишь только написал он имя младенца, снова открылся дар слова. Написав имя «Иоанн», которое по повелению Божию он должен был дать своему сыну, Захария явил теперь полную веру бывшему ему архангельскому извещению, и это послушание веры не только вернуло его слух и язык, но и низвело на него благодать Святого Духа. Милости Божий, в таком изобилии излившиеся на Захарию, исполнили сердце его глубокой благодарностью, и первыми звуками возвращенного ему дара слова была хвалебная песнь Господу Благодетелю.

Благословен Господь Бог Израилев, – воспевает Захария, – *что посетил народ свой, и сотворил*

избавление ему; и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока своего; как возвестил устами бывших от века святых пророков своих, что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас; сотворит милость с отцами нашими, и помянет святой завет свой, клятву, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, по избавлении от руки врагов наших, небоязненно служить Ему, в святости и в правде пред Ним, во все дни жизни нашей (Лк. 1, 68–75).

Озаренный Духом Божиим, праведный Захария еще не осуществившееся предсказание ему Ангела о пришествии Мессии видит как бы уже осуществившимся и благословляет Господа, посетившего Своей милостью народ Свой и ниспославшего ему нетерпеливо ожидаемое им избавление через Мессию – потомка Давидова. Благодатное царство Мессии будет состоять в том, что народ иудейский, освобожденный Им от порабощения врагом, озарившись новым светом богопознания, будет уже безбоязненно, в святости и правде служить своему Господу.

Обращаясь потом к сыну своему – младенцу, как бы уже понимающему его пророческое слово, Захария говорит: *И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего; ибо предьидешь пред лицем Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, коим посетил нас Восток свыше, просветить седящих в тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира* (Лк. 1, 76–79).

Для изображения будущего пророческого служения богодарованного ему сына Захария заимствует черты то из архангельского о нем благовестия, то из пророчеств Исайи, Захарии и Малахии. Этот сын – пророк Всевышнего, величайший из пророков – предназначен Господом приготовить путь для Мессии, показать давно и с нетерпением ожидавшему его народу иудейскому, что спасение его зависит единственно от Мессии, вразумить этот народ, что желаемое им спасение заключается не в избавлении его от политического рабства иноплеменникам, теперь его угнетающим, но в очищении души его от грехов – рабства тягчайшего и вечного; что избавление это даровано будет иудеям не по каким-либо их заслугам и не потому, что они *семя Лвраамле,* но единственно по неизреченному милосердию Бога через воплощение Единородного Его Сына, Который, как Восток (Отрасль) свыше, прольет Свой благотворный свет не только на иудеев, но даже на язычников, находящихся во тьме и тени смертной, на крайней степени неверия и нечестия.

Святой Иоанн с первых дней своей жизни уже начал исполнять свое высокое предназначение. «Что отроча сие будет?» – гадали в нетерпении люди.

В еврейском семействе ряд детей начинался первородным сыном; на него возлагались лучшие надежды и благословения отца и матери; братья его относились к нему с особенным уважением; он имел над ними силу и власть, в некотором роде отцовскую. Семейная важность первородных была ценима так высоко, что слово первенец сделалось выражением особенных достоинств и отличия. При разделе родительского наследства первенец получал вдвое больше, чем братья. Это право было так священно, что никакой отец без особенного повеления Божия ни в каком случае не мог изменить его. Но главное преимущество первенцев израильских состояло в том, что они посвящались Богу и Ему особенно принадлежали. *Отдавай Мне первенца из сынов твоих* (Исх. 22, 29). *Освяти Мне каждого первенца… Мои они,* – говорил Господь Израилю в Своем законе (Исх. 13, 2). Такая заповедь о первенцах дана была народу еврейскому в память о том, что в ночь перед исходом его из Египта Ангел-погубитель всех первенцев египетских не коснулся первенцев еврейских.

При посвящении первенцев еврейских Господу знаменательно было их посвящение, и потом – выкуп. Посвящение совершалось через сорок дней после рождения младенца мужеского пола. Эти дни назывались днями очищения для матери[18]. После дней очищения мать приходила в храм после совершения утреннего каждения и молитвы и ожидала обряда очищения у врат, находившихся на

восточной стороне храма. Она приносила с собой очистительную жертву. Эту жертву составляли – от лиц богатых – однолетний агнец во всесожжение и молодой голубь или горлица в жертву за грех. Люди небогатые могли приносить только двух горлиц или, вместо них, двух молодых голубей, одного – во всесожжение (вместо агнца), а другого – в жертву за грех. При вратах храма священник принимал приносимое для жертвы и после окончания обыкновенного всесожжения приносил жертву, требующую очищения. Кровью этой жертвы окроплял он мать младенца, после чего она объявлялась чистой. Когда бывало много требующих очищения, священник приносил от всех одну общую жертву. Если принесенный младенец был первенец, то священник поставлял его пред Господом, или освящал его. Как совершалось освящение первенца, подробно неизвестно: весьма вероятно, что над ним совершался обряд возношения. Священник брал дитя на руки и, обратясь к алтарю, возвышал оное, как бы вручая его Господу.

Как посвященный Господу, каждый первенец израильский был лицом церковным. Но так как право священства и все службы церковные при храме самим Богом предоставлены были одному только колену Левиину, то за первенца из других колен назначен был выкуп, называвшийся *ценой искупления.* Размер его составлял пять сиклей серебра.

Нет сомнения, что обряд принесения в храм и посвящения Господу совершен был и над первенцем Захарии и Елисаветы. На это не указано в Евангелии но, основываясь на словах евангелиста Луки, что родители святого Иоанна *оба были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно* (Лк. 1, 6), и принимая во внимание неотложную для каждого израильтянина обязательность закона о посвящении первенцев Богу, мы должны допустить, что и святой Иоанн, как первенец, после истечения сорока дней со своего рождения был принесен своими родителями в храм Иерусалимский и посвящен Господу.

Особенность посвящения Иоанна Господу состояла в том, что он, как потомок Левия, не был искуплен, но по обычаю священничества только представлен был своим отцом в храме сонму священников, чтобы имя его было внесено в список потомков Аарона и чтобы утверждены были за ним права на служение перед алтарем Господним.

Наконец, из слов Ангела, возвестившего Захарии, что его сын *велик будет пред Господом, не будет пить вина и сикера, и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей* (Лк, 1, 15), праведные родители святого Иоанна могли уразуметь, что сыну их предназначено совершить великое свое служение как назорею. Нет сомнения, что и сами они в чувстве живой любви и благочестия желали посвятить Господу дарованное им дитя как чистую благодарственную жертву. Какое же время могло представиться им удобнее, какие часы знаменательнее часов посвящения сына их Господу при принесении его в храм? Весьма вероятно, что в это время святой Иоанн посвящен был Господу как назорей, на всю его жизнь[19].

Дети ветхозаветных священников принадлежали Господу и с младенчества посвящались на служение Ему; но родителям дозволялось брать их в свои дома для воспитания. С юных лет дети потомков Левия могли служить при храме; но священное помазание, а с ним вместе и право на совершение богослужения они получали не ранее двадцатипятилетнего возраста. Таким образом, святой Иоанн по совершении над ним обряда посвящения Господу в храме Иерусалимском передан был священником на руки своей праведной матери. С живой радостью, с благими надеждами, с глубокой благодарностью к Господу возвратилась она в свой дом. Жизнь в ней как бы обновилась для того, чтобы воспитать дорогое дитя. Равным образом и праведный старец Захария чувствовал себя как бы возродившимся в лице своего сына; в нем пробудились силы и бодрость духа, оживляемые надеждой, что всем, к чему только способна была святая душа его, послужит он сыну своему – выполнит предназначенное ему свыше великое посланничество… Без сомнения, праведники пламенно молились Господу продлить их жизнь до того радостного часа, когда Ему благоугодно будет призвать их сына на великое служение; но Господь не сулил

исполниться их святым ожиданиям.

По свидетельству древнего церковного предания, слух о необыкновенных обстоятельствах, окруживших зачатие и рождение сына священника Захарии, долетел до царя Ирода. Подозрительный и коварный Ирод тогда как будто не обратил на это никакого внимания. Между тем родился Христос, Спаситель мира. Чудная звезда привела восточных мудрецов на поклонение Ему. Прибытие их в Иерусалим и вопрос их – *где родившийся Царь Иудейский* – возмутили властолюбивого Ирода, который как иноплеменник постоянно трепетал за свое царство, сознавая, что оно ему не принадлежит. Взволновались все жители Иерусалима, опасаясь, чтобы встревоженный тиран-честолюбец не прибег к обычным ему в подобных случаях жестокостям. Эти опасения действительно оправдались. Когда Господь через волхвов разрушил хитрость Ирода – выведать через них о времени и месте рождения Богомладенца, чтобы беспрепятственнее и вернее выполнить свой тайный замысел его убийства, – тогда Ирод в неистовом гневе издал поразившее даже язычников бесчеловечием повеление – избить в Вифлееме и его окрестностях всех младенцев мужеского пола младше двух лет, надеясь, что среди этого всеобщего избиения погибнет и новорожденный Царь Иудейский[20]. Тогда Ирод и вспомнил о сыне священника Захарии, о котором недавно рассказывали ему столько чудесного. «Уж не этот ли младенец будет Царем Иудейским?» – представилось подозрительному тирану, и он стремился погубить его, послав убийц в дом Захарии. Но рука Господня спасла святого младенца. Захария был в это время на череде своего служения в храме Иерусалимском; в Иутте, в доме его, оставалась одна праведная Елисавета со своим сыном. Между тем весть о бесчеловечном приказе Ирода дошла и до Елисаветы. Вскоре в Вифлееме и его окрестностях раздались жалостные вопли и стоны отцов и матерей, у которых были убиты дети. Елисавета, опасаясь за дорогого своего сына, убежала в соседние пустынные горы и со слезами молилась здесь Господу защитить ее и младенца. Скоро с вершины одной горы увидала она толпу воинов, приближавшихся к ней. Сокрыться от них Елисавета не могла. Подбежав к одной отвесной скале, она с крепкой верой в Бога воскликнула: «Гора Божия, прими матерь с сыном». Скала чудным образом раскрылась, приняла ее и снова замкнулась за ней, скрыв ее от преследователей.

Воины донесли Ироду о безуспешности своих поисков. Неутомимый в злобе тиран послал их в храм спросить Захарию, где он скрыл своего сына. Старец ответил посланным: «Я теперь служу Господу Богу Израилеву и не знаю, где сын мой». Услышав это от своих слуг, Ирод приказал сказать Захарии: «Скажи истину, где твой сын? Или не знаешь, что кровь твоя в моей руке?» Священник Божий отвечал посланным: «Бог мне свидетель, что я не знаю, где мой сын. Вы можете пролить кровь мою, но Господь примет мою душу, потому что вы прольете кровь неповинную!» Предание свидетельствует, что Захария в это время был не один в храме: его окружало множество собратий – священников, книжников и фарисеев, но все они питали тогда глубокую ненависть к Захарии. Эта ненависть возгорелась в них по следующему обстоятельству. Когда Пресвятая Дева Мария в сороковой день после рождения Спасителя пришла в храм Иерусалимский для законного очищения, Ее с Предвечным Младенцем принял праведный Захария и поставил Пречистую Деву не там, где обыкновенно стояли жены, а на месте, назначенном для девиц, где не дозволялось стоять замужним. Книжники и фарисеи, заметив это, негодовали; но Захария объявил им, что Дева не перестала быть чистой, хотя и стала Матерью. Когда же они не хотели верить этому, то святой Захария сказал: «Естество человеческое и все, что создано, подвластно своему Создателю. И по Своей всемогущей воле Он может устроить в создании Своем так, чтобы и Дева рождала, и родившая осталась Девой. Вот почему и эта Матерь поставлена мной с девицами, как Дева истинная!» Такое открытое исповедание Таинства Воплощения Бога Слова, соединенное со столь знаменательным действием в знак приснодевства Богоматери, возбудило во всех иудеях, окружавших Захарию, глубокую к нему ненависть и поселило в злобных их сердцах ужасное намерение – предать его смерти. Они ждали только благоприятного для этого случая, и вот случай этот представился… Беззащитный старец пал под мечами

убийц, присланных Иродом, и кровь его осталась на мраморном помосте между храмом и жертвенником (всесожжения) в вечное осуждение бесчеловечных убийц[21]. Господь Иисус Христос, обличив жестоких иудеев в убийстве стольких пророков, прорек им страшное наказание и за убиение праведного Захарии: *Да приидет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником* (Мф. 23, 35)[22].

Праведная Елисавета, рукой Божией сокрытая от убийц, посланных Иродом, поселилась со своим младенцем-сыном в горном ущелье, в скале, где нашла удобную для этого пещеру. Внизу этой пещеры струился источник чистой, прохладной воды, а вверху росло густое, покрытое плодами финиковое дерево.

Но недолго наслаждался святой Иоанн нежной заботливостью своей матери: через сорок дней после мученической смерти Захарии скончалась и праведная Елисавета. Таким образом, с раннего детства суждено было святому Иоанну остаться сиротой в мире. Но Господь повелел Своему Ангелу питать и хранить сироту-младенца в пустынной пещере.

Жизнь святого Иоанна в пустынном уединении до призвания его на общественное служение покрыта таинственностью. Только несколько указаний на это можно находить в слове Божием и писаниях отеческих. Молчание евангелистов о первоначальной жизни святого Иоанна Предтечи можно объяснить их желанием изобразить преимущественно общественное его служение, также как и при изображении земной жизни Самого Спасителя. «В пустынях ходя, – говорит Святая Церковь, – яко светосиянно жил еси царски; власы вельбужи покрываем, яко царску обнося красоту, над страстьми воцарился еси».

Как устроилась нравственная жизнь избранника Божия с первого обнаружения его сознания до полного укрепления его характера, на это Евангелие указывает только в общих чертах: *Младенец возрастал и укреплялся духом,* – говорит святой евангелист об Иоанне, – *и был в пустынях до дня явления своего Израилю* (Лк. 1, 80).

Для человека возможны два способа возрастать: один способ возрастания телесного, где воля человека нисколько не может участвовать; ибо *кто из нас, заботясь, может прибавить себе росту, хотя на один локоть* (Мф. 6, 27). Второй способ возрастания – духовный, в котором принимает деятельное участие личная свобода человека. Об этом духовном возрастании и говорит здесь евангелист. Святой Иоанн возрастал духом, то есть дух его не пребывал на одной степени первоначального в нем состояния, но постоянно развивался во всех своих силах и способностях.

Сыну Захарии предстояло быть особенно твердым и мужественным. Духовные силы человека сами по себе слабы. И исполины телесными силами бывали слабы духом. Источник духовной крепости для человека есть Дух Святый. При Его благодатной помощи человек не только может свою плоть покорить владычеству души своей, но и твердо отражать и побеждать всякое внешнее мудрование плотское – *всякое возношение* ума человеческого, *взимающееся на разум Божий.* Чем же в пустынном своем уединении святой Иоанн привлекал к себе свышние благодатные силы для духовного своего укрепления?

Благословенный плод праведных родителей, святой Иоанн наследовал от них любовь и благоговение к Господу, веру и преданность обетованиям и заповедям Божиим. С детства знал он, что вся жизнь его земная, как жизнь назорея, нераздельно посвящена единому Богу, и потому, естественно, уклонялся от всего мирского, шумного, обольстительного. Первоначальным средством общения его с Богом была его детская, чистая и пламенная молитва, ставшая впоследствии постоянной потребностью его души. С развитием его самосознания раскрывалось в нем и богопознание, которое почерпал он в Слове Божием. Дух Святой, исполнивший Иоанна еще в чреве его матери, несомненно, был и постоянным его руководителем при чтении Слова Божия: Он внушал ему верные понятия о Боге, открывал ему свойства Моисеева закона и его цель, проливал свет на все ветхозаветные пророчества о Мессии и на время их исполнения. Чтение Слова Божия сопровождалось богомыслием, которое устраняло его от увлечений и

занятий земными предметами. Внимательно следя за своей совестью, храня ее в ненарушимом спокойствии, святой Иоанн столько утвердился в истине и добродетели, что никакие искушения не могли уже отклонить его от прямого пути истины. Все это образовало в святом Иоанне тот строго нравственный, отшельнический дух, которым отличалась вся земная жизнь праведника.

Внутренняя чистота души святого Иоанна, глубокое подвижническое его настроение отражались в самой его внешности. Глава его, как назорея, покрыта была длинными, волнистыми волосами. Одежду носил он из грубого, жесткого верблюжьего волоса. У иудеев лица из священнического сословия обычно носили льняную, чистую белую одежду, но Иоанн, по словам Златоуста, для того власяную носил одежду, чтобы и самой одеждой научить нас удаляться от человеческого и ничего не иметь общего с землей, но возвращаться к прежнему благородству, в каком был некогда Адам, прежде чем возымел надобность в пище и одежде. Таким образом, сама одежда Иоанна служила знаком и царского достоинства, и покаяния.

Блаженный Иероним говорит, что Иоанн в знак проповедуемого им покаяния имел одежду из волос верблюда, согбенного животного. Чресла его препоясаны были широким кожаным поясом. Пищей для великого пустынножителя служили акриды[23] и дикий, полевой, не сладкий на вкус мед. И эту малопитательную пищу святой Иоанн употреблял в таком незначительном количестве, что Господь Иисус Христос говорил об этом иудеям, как о предмете им известном: *пришел Иоанн ни ест, ни пьет* (Мф. 11, 18).

Евангелие не указывает нам, в каких именно пустынях иудейских подвизался величайший из пророков Господних; но до сих пор сохранилось живое предание о местах его уединенных подвигов. До семнадцатилетнего возраста он пребывал в пещере в одном часе пути от Иутты, где сокрыт он был со своей праведной матерью от злобы Иродовой. В годы юношеские святой Иоанн избрал для своего пребывания более строгую, малоплодную и скалистую местность близ Хеврона. Перед своим призванием на проповедь народу иудейскому Предтеча жил недалеко от Иерихона, в пещере, в скале, недалеко от того места, где евреи чудесно перешли Иордан под предводительством Иисуса Навина при возвращении из Египта в обетованную землю.

Безысходно ли жил святой Иоанн в пустынях до дня явления своего Израилю? Нет сомнения, что великий подвижник предпочитал тишину пустынного уединении мирскому шуму и волнению, глубоко сознавая, что одно из верных средств не заразиться людскими пороками – удалиться от грешного человеческого общества; между тем с достоверностью можно предполагать, что он оставлял иногда свою любимую пустыню для того, чтобы пойти, например, в Иерусалим. Всего скорее, из пустыни он выходил в дни великих иудейских праздников: Пасхи, Пятидесятницы, Кущей. Такое путешествие в Иерусалим обязательно было для всякого иудея. Господь предписал в своем законе: *Три раза в году весь мужеский пол должен являться пред лице Иеговы, Бога твоего, на место, которое изберет Господь Бог твой: в праздник опресноков, в праздник седмиц и в праздник кущей, и никто не должен являться пред лице Иеговы, Бога твоего, с пустыми руками, но каждый с даром в руке своей, смотря по благословению Иеговы, Бога твоего, какое Он дал тебе* (Втор. 16, 16–17). Сам Господь Иисус Христос с двенадцатилетнего возраста Своего подчинялся этому закону. Святой Иоанн, как назорей, как сын священника, как Предтеча Мессии, сознающий свое назначение, должен был исполнять этот закон Божий. Весьма вероятно, что перед такими праздниками выходил он из своего пустынного уединения и смешивался с толпами народа, со всех сторон стекавшегося в Иерусалим. Его необыкновенная наружность не могла не обращать на него внимания спутников; но привычка святого Иоанна к молчанию, его глубокое смирение невольно удерживали его спутников от праздного любопытства или бесполезных бесед. Во время таких путешествий святой Иоанн имел возможность ближе познакомиться со свойствами и образом мыслей своих современников, с духовными потребностями разных классов иудейского народа, приметить в городе и храме многое, чего не примечали тогдашние учителя и блюстители народного благочестия или оставляли

без внимания. Мало отрадного представлялось богопросвещенному взору будущего проповедника покаяния в современном ему иудейском народе. И, возвращаясь в свою пустыню, он усиливал подвиги своего благочестия для духовного своего укрепления, предвидя те сильные препятствия, которые неминуемо предстояли ему при исполнении великого его назначения.

Раввины времен Предтечи были, по слову Господню, вождями слепыми, а народ иудейский представлял собой смятенное и изнуренное стадо овец, блуждающих без пастыря. Простой класс иудейского народа томился духовной жаждой, постоянно старался слушать раввинское учение и изъяснение закона; но сухое и безжизненное учение раввинов не трогало простых сердец, не просвещало ума, потому что сами учителя не имели духовного чувства божественной истины: они привязывались к слову и букве закона, но не проникались его духом и истиной. Они не руководили к спасению, но только обременяли народ измышленными преданиями и заповедями, которые без нужды и пользы увеличивали и без того тяжелое рабство закону. Ограничивая всю праведность исполнением обрядов и хранением преданий, раввины подавляли в народе сознание человеческой немощи и необходимости в божественной помощи. Таким образом, иудейские законоучители, современные Предтече, по слову Господню, *взяли ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали* (Лк. 11, 52). Мало того, что иудейские раввины так гибельно действовали на своих единоплеменников, в неразумной ревности многие из них ходили в дальние языческие страны, переходили море и сушу, чтобы обратить хоть одного язычника в иудейскую веру; но когда обращали его, то делали его сыном геенны, вдвое худшим, чем были сами[24].

Самыми ревностными последователями раввинского учения и проповедуемой им законной праведности были фарисеи. Эта секта выделилась из народа перед восстанием Маккавеев, среди горячей борьбы с приверженцами эллинизма. Фарисеи вначале были строгими ревнителями и блюстителями закона Моисеева, но большинство их скоро потеряло свой первоначальный характер. Понемногу их праведность утрачивала свою искренность и любовь к закону и переходила в праведность только наружную, лицемерную. Внутренним характером фарисейства времен Предтечи была духовная гордость, высокое мнение о своей святости и праведности. Между тем праведность фарисеев была только лицемерием – орудием, которым они покоряли умы и сердца простого народа, всегда способного увлекаться внешностью; все дела свои делали они с тем, чтобы видели их люди. Ходили они, например, тихой величавой поступью; голова их склонялась к земле, глаза были полузакрыты; губы двигались, как бы произнося слова молитвы или закона. В одежде их было много особенностей. Принимая в буквальном смысле слова Моисея: *Положите сии слова мои в сердце ваше и в душу вашу, и навяжите их в знак на руку свою, и да будут они повязкою над глазами вашими* (Втор. 11, 18, см. также Втор. 6, 8), фарисеи делали широкие и красивые ящички, вкладывали в них листки из папируса или пергамента, на которых написаны были священные изречения, и прикрепляли их к головной повязке на лбу и к одежде на левой руке, напротив сердца.

Такие ящички (филактерии) носили они не только тогда, когда приходили в храм или синагогу, не только во время домашней молитвы, но и когда проходили по улицам и возлежали на пиршествах. По краям их пышной верхней одежды шла широкая лента ярко-красного цвета. Это было знаком национального отличия иудеев и напоминало им о законе, а у фарисеев это было и знаком непримиримой их вражды ко всему иноплеменному. На семейных праздниках и в синагогах фарисеи всегда занимали первые места; ласково принимали почтительные приветствия на площадях; любили, когда из-за чувства уважения простые люди, указывая на них, говорили: «учитель, учитель!» Если фарисей раздавал милостыню бедным, он делал это преимущественно в синагогах и на людных улицах, где иногда с помощью трубы созывал к себе нищих. С особенным усердием фарисей молился в храме и синагогах; а если застигал его положенный час для молитвы на улице, то непременно останавливался он на углах, где проходило больше народу, чтобы видели примерное его благочестие. Время поста было праздником для

фарисейского лицемерия: являлись они тогда среди народа с лицами мрачными, унылыми, неумытыми; волосы на головах их были беспорядочно сбиты и посыпаны пеплом; одежда их была разодранная и нечистая. Субботу хранили они с такой суеверной строгостью, что не дозволяли не только дел самых ничтожных, но и безотложных дел любви и милосердия. Считали великим грехом не совершать установленных преданием омовений своего тела и своей столовой посуды. Они платили десятину от всего, что приобретали, даже от таких предметов, о которых и не упомянуто в законе, например мята, анис, тмин. С особенным усердием строили и украшали гробницы праведников и пророков, убитых их предками; но в то же время перед народом порицали своих отцов и хвалились, что они сами не допустили бы подобных злодеяний. Так праведными казались они снаружи, а внутри полны были лицемерия и беззакония; сострадания, правосудия, милости в них не было. Лучшие из них, почитая для себя достаточным воздержание от преступных действий, без зазрения совести позволяли себе преступные мысли и желания; более грубые обирали вдов, грабили сирот и под личиной религии совершали все, к чему увлекала их собственная несправедливость и жестокость.

Между тем это наружное благочестие, эта лицемерная набожность фарисеев сильно действовала на народ, привлекала к ним глубокое уважение.

Самое гибельное из фарисейских заблуждений, перешедшее от них и усвоенное большинством народа, было ложное понятие о Мессии как царе-завоевателе и о видимом земном Его царстве. Пророчества об уничижении Мессии, о Его болезнях и страданиях ради нас, о взятии Им на Себя грехов мира, о Его искупительной смерти – все эти пророчества, несогласные с односторонними и чувственными понятиями фарисеев, или вовсе устраняли из внимания, как непонятные и необъяснимые, или перетолковывали их сообразно со своими взглядами и самомечтательными ожиданиями. По их понятиям, достаточно было быть потомком Авраама путем обыкновенного исторического происхождения, без всякого отношения к нравственным совершенствам, чтобы иметь право на участие в будущем славном Царстве Мессии. «Весь Израиль будет причастником будущего века (т. е. Царства Мессии), – говорили раввины, – потому что каждый израильтянин более значит в очах Божиих, чем все бывшие и будущие народы». *Ради нас* (иудеев), – говорится в Книге Ездры, – *Ты, Господи, создал мир. О прочих же язычниках, от Адама происшедших, Ты сказал, что они ничто* (Езд. 6, 55–56). Отсюда проистекла глубокая ненависть фарисеев и единомысленных с ними из народа к иноплеменникам; отсюда – самое горячее, нетерпеливое желание свергнуть с себя иго римлян и отмстить им за все те бедствия, какие потерпели они от своих притеснителей. Фарисеи сознавали и чувствовали свое политическое бессилие открыто бороться со своими поработителями, и всю надежду возлагали на небесную помощь ожидаемого Мессии – Победителя. «Он придет внезапно, – говорили они, – поразит иноплеменников, очистит всю землю Обетованную, соберет из рассеяния десять колен Израилевых, займет трон Давидов, будет царствовать во всем блеске земного своего величия. Народ Великого Бога будет плавать тогда в золоте и серебре и облекаться в багряницу; к его ногам море и суша повергнут свои сокровища». Современные Предтече фарисеи верили, что Спаситель Израиля должен прийти скоро; взоры всех к Нему стремились, все сердца израильтян тосковали по Нему. Что Бог именно за грехи народа предал их на время в руки иноплеменников – это фарисеи хорошо понимали: доказательства гнева Божия были видны им на каждом шагу; но они в то же время убеждены были, что Он не может гневаться на избранных сынов Своих вечно. Как вспомнил Он о них в Египте и Вавилоне, так вспомнит и еще раз. Поэтому добрый патриот (каким считал себя каждый фарисей) должен стараться, чтобы пришествие Избавителя не застало его неготовым, его меч – заржавевшим, тетиву его лука – порванной, острие меча – притупившимся… Мечтая о восстании, молодые фарисеи зорко следили за событиями дня, возбуждали народ, готовили войну. В каждом уличном смятении, в каждом народном волнении против римлян фарисеи непременно участвовали. Кто знает, думали они, быть может в одну из таких битв прозвучат трубы небесных воинств и Господь Сам снизойдет на землю, чтобы с

пламенным мечом стать во главе Своих сынов. В таких жалких мечтах, при таком глубоком ослеплении и с такими неукротимыми стремлениями фарисеи скоро и навсегда погубили свое любимое отечество.

Кроме фарисеев, важнейшими из иудейских религиозных сект были саддукейская и ессейская секты.

Современная Предтече секта саддукейская была немногочисленна в сравнении с фарисейской, но политически сильная. К ней принадлежали большей частью люди знатного происхождения, занимавшие высокое положение в тогдашнем иудейском обществе: сыновья Ирода, первосвященники с их семействами, члены некоторых знатных фамилий со своими родственниками. Имея постоянные связи с иноземцами, саддукеи питали привязанность к эллинскому образованию и римской цивилизации, но нимало не заботились о том, чтобы свои познания сделать полезными для страны, которой управляли, и для простого народа, который в душе презирали. В обыденной своей жизни саддукеи были людьми тихими, спокойными, свободными от фарисейского фанатизма и равнодушными к людской о них молве. Опасаясь потерять многое из того, чем владели, и зная, что ничего существенно полезного они не получили бы от политических перемен, саддукеи заботливо охраняли существующий тогда порядок в стране, стараясь не допускать никакого, особенно военного вмешательства римлян. Не разделяя фарисейских понятий о будущем Царстве Мессии, едва ли даже веря в Его пришествие и не обращая внимания на мечтания, какими жила тогда большая часть простого народа, саддукеи тогда только принимали на себя деятельную роль, когда дело касалось общественного порядка или угрожала опасность их высокому положению или богатству.

В отношении к ветхозаветному учению саддукейство было сущей ересью, а потому саддукеи свои верования содержали в тайне и хитро лицемерили, когда им предстояло действовать среди народа в храме или в Синедрионе; когда им нужно было исполнять какие-либо обязанности по общественным должностям, они подражали фарисеям – иначе народ не потерпел бы их.

Саддукеи принимали одно только Пятикнижие Моисеево, но отвергали писания пророков, равно как и все устные религиозные предания, всякие дополнения и объяснения закона. Они приносили жертвы в храме, но домашних молений не совершали. Нужда высшего освящения, высших нравственных подвигов ими не сознавалась. Не веря в награды и наказания человеку в загробной его жизни, они отвергали бессмертие души и вообще бытие всего духовного мира. Убежденные, что душа умирает вместе с телом навсегда, саддукеи почитали обладание лучшей земной долей единственным блаженством человека, единственной целью его земной жизни. Богатый и образованный саддукей был вполне доволен, когда мог сладко есть, пить и спокойно веселиться, не обращая внимания на томимого голодом бедняка, который лежал иногда у ворот его дома.

Простой народ и фарисеи ненавидели саддукеев за их жизнь и убеждения.

Среди нравственного растления и духовного помрачения, в большинстве современного явлению Предтечи народа иудейского резко выдавалась немногочисленная, но замечательная по своему устройству секта ессеев[25]. Как общество эта секта образовалась не более ста пятидесяти лет до Р. Х. – немного ранее времен Маккавейских, когда верные сыны Израиля, спасаясь от кровавого преследования, воздвигнутого на них Антиохом Епифаном, принуждены были скрываться в горных пустынях и пещерах и вести здесь жизнь уединенную и сокровенную. Ессеи жили в разных местах Палестины, но преимущественно у западных берегов Мертвого моря.

В Писаниях Нового Завета не упоминается о ессеях, вероятно, потому, что ни Сам Господь Спаситель, ни Его Предтеча, ни Его апостолы не имели с ними прямого соприкосновения. И это очень естественно. Секта ессеев была скрытная, замкнутая, отличавшаяся нетерпимостью. Новые члены при вступлении своем в общество ессеев давали клятвенный обет (единственно позволенный у ессеев) – никому не открывать учения своей секты. Ессеи не ходили ни в Иерусалим, ни в храм для молитвы; в городах и селениях открыто

не проповедовали своего учения. Гордые своей собственной мудростью, услаждавшиеся своей мнимой праведностью, они и могли слышать проповедь покаяния из уст Предтечи, раздававшуюся близ места их жительства, но не хотели идти на его призывание.

Большая часть ессеев пребывала в безбрачном состоянии; общество их преимущественно восполнялось детьми, которых они брали на воспитание. Посторонних лиц ессеи принимали с особенной осмотрительностью и после строгого трехлетнего испытания.

Все доброе в правилах ессейства заимствовано было из ветхозаветного учения, но так как это заимствование не подчинено было руководственному началу Церкви, то отсюда произошла только форма нравственной жизни, без нравственной силы и духа. Так, например, у ессеев не было рабов; но низшие члены в их обществе считались нечистыми, исполняли все черные работы, связаны были безусловным повиновением в отношении к старшим. Безбрачие их имело побуждением и целью не высоту целомудрия, но один только внешний покой от земных забот, недоверие к женщине и взгляд на материю как источник зла или греха. Тело они считали темницей души. В мелочности, внешней законности ессеи едва ли не превосходили даже фарисеев. Никто из иудеев не соблюдал так строго субботы, как ессеи: в этот день они не возжигали огня, боялись переставить сосуд с одного места на другое. Омовениям в холодной воде ессеи приписывали какое-то освящающее действие и спешили омыться всякий раз, когда почитали себя нечистыми – хотя бы от прикосновения к низшему члену своей секты. Намащение тела елеем, так полезное и употребительное на Востоке, ессеи запрещали у себя, как скверну. Пища, приготовленная не членом секты, почиталась нечистой…

Основное вероучение ессеев было заимствовано также из Ветхого Завета, но оно дополнялось и искажалось у них многими чуждыми воззрениями. В качестве руководства для исследования истины они принимали, кроме ветхозаветных, некоторые другие книги, вероятно, писания древних мужей их секты. Священное Писание изъясняли иносказательно. С чистым понятием о Боге они соединяли какое-то особенное уважение к солнцу: в молчании ожидали они его восхода, и первые лучи его приветствовали молитвами, чтобы оно озарило их своим небесным светом.

Были ли у ессеев какие-нибудь мессианские ожидания – сомнительно. Учение об Ангелах, которому ессеи придавали весьма много значения и которое хранили в особой тайне, делает вероятным предположение, что для них был чуждым пророческий образ Ангела Великого Совета. Ессеи, по всей вероятности, считали Ангелов единственными посредниками между Богом и людьми и, удалив от себя всякое ветхозаветное откровение о Едином Истинном Посреднике, предались неразумному почитанию Ангелов. Если же у ессеев и были какие-либо мессианские ожидания, то, по крайней мере, для них была невозможной мысль о явлении на земле Бога во плоти. Этой великой тайне христианства в ессейском учении прямо противоречит представление о материи как злом начале и о теле как темнице души. В мироправлении ессеи допускали участие судьбы. Дара пророческого, по их понятиям, можно было достигать внешними средствами, например изучением Писания, различными омовениями. Душа человеческая, по учению ессеев, образована из тончайшего эфира и заключена в тело как в темницу вследствие своего падения. Освобождаемая смертью из этой темницы, она улетает на небо, чтобы наслаждаться бессмертием, а тело, принадлежащее материи, разрушается. Вечная жизнь праведных будет протекать по ту сторону океана, в прекрасной стране, где не будет беспокоить их ни дождь, ни снег, ни зной и где непрерывно будет освежать их тихий ветерок с моря; злые снидут под землю, в темную и хладную пропасть, исполненную нескончаемыми мучениями. Понятие о душе и загробной жизни заимствовано ессеями у греков. Итак, в ессейской секте много было доброго, но многое достойно осуждения.

Между тем некоторые из западных писателей утверждают, что в этой секте воспитался и к ней

принадлежал святой Пророк и Креститель Господень Иоанн! Так как подобные мыслители не представляют на это никаких исторических доказательств, то такое мнение является одним предположением. На чем же оно основывается? На том ли, что святой Иоанн вел строгую, пустынную жизнь, подобие которой мы видим у ессеев или, лучше, у ферапевтов? Но это сходство естественнее всего объясняется тем, что святой Иоанн был назореем, от чрева матери своей посвященный Богу, и что во всю земную жизнь свою сознавал он свое великое предназначение; к ессеям ничто его не привязывало, ни обстоятельства его рождения, ни предварительное его воспитание. Иные говорят, что подвижническая жизнь святого Иоанна, а потом его проповеди происходили близ того места, где было главное общество ессеев. Но это справедливо может указывать только на то, что святому Иоанну не могла быть неизвестной ессейская секта, что от его внимательного взора не могли укрыться ни уединенная жизнь ессеев, ни их учение, ни их обычаи, точно так же, как известны ему были и другие религиозные иудейские толки с их особенностями.

Иосиф Флавий, говоря об Иоанне Крестителе, прямо противополагает проповедание его о крещении ессейским омовениям. «Сие омовение (крещение), – проповедовал Иоанн иудеям, – тогда только угодно будет Богу, когда вы станете употреблять его не для одной чистоты тела, но и для очищения себя от пороков, расположив к истине сердца ваши». Кроме того, ессеи не проповедывали своего учения вне мест своего обитания, привязаны были к обрядовой внешности; а святой Иоанн был призван на поприще общественной деятельности – возвысить свой грозный голос против лицемерия и пристрастия к внешности, главных пороков иудейских, и преклонить людей к покаянию и внутреннему благочестию. Само требование покаяния проистекало у святого Иоанна из указания на грядущего Мессию; но у ессеев не заметно было ни ожиданий, ни представлений о Мессии.

Нет, святому Иоанну нечего было заимствовать у ессейской секты! В святом Иоанне при содействии Святого Духа постепенно собиралась и готовилась самостоятельная сила, могущая благотворно действовать на современников.

Святой Иоанн провел более тридцати лет своей жизни в пустыне; но он не объявлял прав своего священнического происхождения, не являлся для этого в храм Иерусалимский и не принимал помазания, которое давало потомкам Аарона право служить на том единственном в мире алтаре, на котором почивал Истинный Бог. Он довольствовался тем, что постоянно приносил сам себя в чистую, духовную жертву Господу. Равным образом сознавал он и свое великое призвание, но знал также и то, что никто сам собой не должен присваивать себе честь, но только званный от Бога – и потому смиренно ожидал призывного к себе гласа Божия.

В пятнадцатый год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвероластником в Галилее, Филипп, брат его, четвероластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвероластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне (Лк. 3, 1–2).

Такими точными чертами обозначает святой евангелист Лука время вступления святого Иоанна Предтечи на общественное пророческое служение, перечисляя современных гражданских и церковных правителей, и указывает на его происхождение.

Прежде всего, евангелист упоминает о Тиверии – сыне Августа и его преемнике на императорском римском престоле, – потому что в это время почти все известные народы были покорены римскому владычеству. Август умер в 767 году от основания Рима; Тиверий еще за два года до смерти Августа объявлен был его соправителем; следовательно, пятнадцатый год его правления падает на 780 год, когда святому Иоанну было более тридцати лет. Понтий Пилат управлял провинциями Иудеи[26]. Ирод Антипа, сын Ирода Великого, был правителем Галилеи и Переи. В управление Филиппу назначена была Итурея и Трахонитская область.

Лисаний был правителем Авилинии – Сирской области между горами Ливаном и Антиливаном, примыкавшей с северо-востока к Галилее. Первосвященником иерусалимским был тогда Иосиф Каиафа; наместником был его тесть Анан, или Анна.

Итак, наступило время, предопределенное Богом и предвозвещенное пророками, когда пришедший на землю обетованный Мессия должен был устроить новое, благодатное Свое Царство.

Послушный велению Божию, святой Иоанн оставляет свое глубокое пустынное уединение. Есть предание, что Предтеча жил тогда в горных пустынях Кармила (где некогда обитал пророк Илия и где имел свою пророческую школу). Он идет в страну Иорданскую и сначала появляется в пустыне Иудейской, которая простиралась на несколько километров к западу от Мертвого моря и пересекалась горами и небольшими ручьями.

Первая пророческая проповедь Предтечи Господня раздается между Иорданом и Иерихоном, где израильтяне под предводительством Иисуса Навина чудесным образом перешли эту реку[27]. Временем явления здесь Предтечи полагают дни праздника Труб, который совершали иудеи довольно торжественно: несколько дней не производили никаких полевых работ, приносили Господу частые жертвы, читали в собраниях книгу закона, который изрек Господь при звуках громов и труб на Синае. Этот праздник отправлялся в первый день тисри – первого месяца в гражданском году у иудеев. Особенностью этого праздника было то, что иудеи в это время старались посредством омовений очистить себя от греховных нечистот, допущенных ими в предшествовавшем году. Праздник Труб нераздельно совершался с праздником Сеней, или Кущей. При объяснении времени первого явления Предтечи с проповедью на Иордане обыкновенно берут во внимание то, что святой Иоанн, вероятно, полугодом ранее Иисуса Христа вступил на свое служение.

До явления Предтечи иудеи более трех веков не видели и не слышали среди себя пророков. Люди благочестивые и внимательные к знамениям времен принимали это долгое молчание Духа Божия за указание на близкое пришествие Мессии, Которого ожидали все иудеи с живым нетерпением. И вот, наконец, Предтеча, как Ангел Божий с неба, является на берегах Иордана среди множества иудеев, стекшихся сюда из разных мест Палестины для совершения обычных в праздник Труб омовений. Скоро народная молва о святом Иоанне как необыкновенном подвижнике стала ходить не только в окрестностях Иордана, но и в Иерусалиме и других городах, и многие из иудеев пожелали видеть ближе этого человека Божия и услышать его слово.

Дать понятие о своем лице, с достоинством пророка объяснить характер своего посланиичества, возвестить, что утешения, обетованные Израилю, уже готовы излиться на него, уверить Иерусалим, что бедствия, какие вытерпел он под игом вавилонским и под игом римлян, послужили к очищению грехов его; научить иудеев самих себя расположить к тому, чтобы в сердцах своих приготовить путь Господу через покаяние и обращение к Нему, противопоставить унижению, отвержению и немощи грешного творения благость, величие, могущество и мудрость Всевышнего; наконец, указать миру на необычайность средств, какие употребляет Господь для достижения Своих целей – вот что, в общих чертах, Предтеча Господень раскрыл в своей первой речи к народу.

Вдохновенные звуки пророческого голоса Предтечи, его знание Святого Писания, близкое его применение к настоящему случаю, глубокая убедительность, которою он был проникнут, неотразимая сила его слова, благоухание добродетелей, которое исходило от всего святого лица его, – все это заставляло слушателей видеть в нем существо как бы неземное… Все вокруг него невольно поражены были благоговейным удивлением; все они чувствовали, что учение нового пророка приносит им лучшую, более питательную пищу, чем какую доставляли им тогдашние книжники; у всех пробуждалось живое желание слушать его ближе, более и долее… Можно сказать, что со времени первой же своей проповеди Предтеча

Господень имел столько же учеников, сколько было его слушателей… Молва о нем скоро разнеслась по всем окрестным странам и влекла видеть и слышать нового, чудного пророка, нового Илию. *Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему* (Мф. 3, 5)[28].

Нет сомнения, что евангелисты передали нам не все беседы, какие вел святой Иоанн Предтеча со своими слушателями[29]: они сохранили нам только некоторые характерные изречения Крестителя Господня, составлявшие сущность его проповедей к народу. Весьма вероятно, что высокий проповедник развивал и делал понятным для народного ума то, что Святому Духу угодно было сохранить для нас из его бесед.

С первого взгляда представляется неясным и как бы странным то, что провозвестник Евангелия – посланник, предназначенный самим Богом, чтобы возвестить народу израильскому о вожделенном для него пришествии Мессии, начинает свое служение проповедью о скорбном для человека-грешника подвиге покаяния. Не приличнее ли было бы для Предтечи Мессии возвестить своим соотечественникам, что наступают времена Мессии, что блага небесные готовы последовать за временными несчастиями, что свобода, мир, спокойствие и благоденствие родной земли готовы заменить скорби и страдания, унижение и тяжесть подчинения чужеземному игу?

Подобными надеждами современные Предтече книжники утешали народ иудейский в состоянии его унижения и рабства, что по их учению большая часть народа ожидала Мессию – Освободителя, первым делом Которого будет возвратить иудеям гражданскую их свободу и национальную самостоятельность.

При таком учении забыто было или неправильно толковалось то, какими чертами изображали пророки Мессию, Который должен был спасти людей, возродить их души и предложить им блага иной жизни. Иудеи готовы были восторженно принять *Освободителя* обетованной им земли, попираемой теперь язычниками, принести все жертвы, решиться на все опасности, перенести все тяжести, бестрепетно стать перед лицом самой смерти, лишь бы содействовать видам такого освободителя и дать ему средства возвратить им свободу.

Но сколь неправильно понимали иудеи посланничество, какое предназначили они своему Мессии, столько же обманывались они и в средствах для своей деятельности – с целью содействовать успеху Его пришествия. Действительно, Истинный Мессия должен был требовать со стороны иудеев содействия и жертв, но не таких, на которые они были готовы. Так как Царство, которое Он имел утвердить, и освобождение, которое Он имел совершить, были духовные и небесные, то и содействие, которое нужно было оказать Ему, должно было иметь характер исключительно духовный; ибо то, что предстояло Мессии победить и подчинить Своим законам и покорить Своей власти, были души и сердца иудеев, омраченные заблуждениями, волнуемые страстями, плененные грехом. А для этого прежде всего нужно было покаяние! Предтеча Мессии, предназначенный приготовить для Него путь, ничего другого не мог проповедовать своим современникам. Потому святой Иоанн, повторяя слова, произнесенные некогда пророком Исайей, объясняет, что ему назначено исполнить их, и призывает своих слушателей: *Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему* (Лк. 3, 4). Этот иносказательный язык, обыкновенно употребляемый пророками, был понятен его слушателям.

Предтеча как бы так говорил иудеям: «Откройте вновь путь Господень, проложите его и чаще ходите по нему, поступая по Его заповедям, и неизменно следуйте по этому прямому направлению: Господь уже близко; Царь Небесный Сам идет к вам; Он несет с Собой награду; но пусть никто из вас не думает, что можно прийти к Нему путем неровным и извилистым. Кто идет такой дорогой, тот никогда не встретит Его, потому что Господь есть сама правота и любит прямоту; только по пути прямому, по пути справедливости и по стезе добродетелей Он придет к вам. Итак, вы, блуждающие, остановитесь, отыщите свой древний путь, возвратитесь на стезю, которую вы оставили. Своими грехами вы уклонились от этого пути; своим

покаянием возвратитесь на него. Тогда вы приготовите путь Господу, сделаете прямыми стези, по которым Он придет к вам».

Таким образом, увещевая иудеев приготовить путь Господу, Предтеча внушает им оставить путь ожесточения и греха.

Постоянным местом его проповеди была пустыня, а не места многолюдных собраний.

Святой Иоанн избирает места пустынные для своей проповеди по повелению Божию, избирает потому, как говорит святой Максим Исповедник, что «здесь не было ни шумной толпы, могущей прерывать его проповедь, ни слушателей неверующих, могущих оскорблять его». В пустыне святой Иоанн мог проходить свое пророческое служение тихо и невозмутимо. Сюда приходили слушать его преимущественно те, которые по чистой, бескорыстной религиозной ревности искали у него слова спасения. В этих пустынных местах приготовил святой Иоанн те толпы слушателей, сокрушавшихся о грехах своих, которые шли потом к Иисусу Христу и не хотели расставаться с Ним. С другой стороны, святой Иоанн оставил мир в самом нежном возрасте для того, чтобы сохранить себя чистым и непричастным грешной суете мирской. В пустынном уединении находили его толпы, отовсюду стекавшиеся к нему слышать его слово и принимать от него крещение, но сам он никого не искал и никогда не переставал трудиться над своим нравственным усовершенствованием. Вот почему тотчас после своей проповеди уходил он в пустыню от толпы и не позволял ей следовать за собой…

Евангелисты не указывают ясно, что было предметом первых речей святого Иоанна к народу иудейскому после того, как он открыто объявил о своем небесном посланничестве. По евангелисту Матфею, святой Иоанн возбуждал иудеев к покаянию, говоря им, что *приблизилось уже Царство Небесное* (Мф. 3, 2); евангелисты Марк и Лука повествуют, что святой Иоанн *явился крестя в пустыне* (Мф. 1, 4), *и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов* (Лк. 3, 3).

Из евангельских сказаний видно, что Предтеча Господень в начале своего проповедания говорил собравшемуся вокруг него народу о трех различных предметах: покаянии, крещении и Царстве Небесном. Не представляется вероятным, чтобы святой Иоанн мог раскрыть и уяснить своим слушателям эти три различных предмета в одной речи: почти все слушатели великого пророка, современные ему иудеи, по духовно-нравственному своему состоянию не могли сразу воспринять и усвоить такие предметы его проповеди, новые для них и глубокие по своему содержанию. Потому естественнее предположить, что святой Иоанн вел с народом особую беседу о каждом из указанных предметов.

Как посланник, предназначенный Господом приготовить в душах человеческих путь грядущему Искупителю, святой Иоанн силой вдохновенного своего слова должен был тронуть и раскрыть эти души, замкнутые для истинного самопознания, очистить их от плевел, посеянных лжеучением, смягчить их ожесточение и преклонить к покаянию. Истинное же покаяние состоит не в минутной скорби о грехах, сопровождаемой омовением тела и не проникающей до глубины души, не сокрушающей человеческой гордости, не обуздывающей плотских похотений, но в совершенной, решительной перемене мыслей, чувств, желаний, воли, поступков человека-грешника, так что он делается совершенно иным во всем существе своем.

Когда много иудеев пришло к крещению Иоаннову и когда среди них находились и фарисеи, и саддукеи, то естественно думать, что желавшие крещения имели в виду больше чувственные блага и наслаждения неправильно понимаемого ими грядущего Царства Мессии, чем оправдательные плоды покаяния, к которым призывал их Креститель. На это ясно указывают резкие обличения строгого учителя нравственности. Притом свое крещение водой для покаяния Иоанн называет лишь приготовлением к установленному Основателем Нового Завета крещению Духом Святым и огнем.

Таким образом, требуемое Крестителем покаяние, как необходимое условие, без которого невозможно вступление в приблизившееся Царство Небесное, относится частью к отречению от иудейских предрассудков и национальной гордости (происхождением от Авраама), частью к признанию того, что буквальное исполнение закона еще не вменяется человеку в заслугу и состоит не просто в перемене образа мыслей и чувств, но в открытом признании и порицании прежнего образа мыслей и действий, или исповедании грехов.

Пророку и Предтече пришествия Христова Господь предоставил быть первым вестником бесконечного милосердия Своего к человеку-грешнику – ясным, определенным и положительным образом раскрыть ему утешительную истину прощения грехов через покаяние.

Проникнувшись живым словом проповедника, народ после окончания проповеди мог спрашивать Предтечу, что ему предстоит сделать, при каких условиях покаяние его может заслужить у Господа возвещенное и вожделенное для него прощение грехов? Тогда, вероятно, святой Иоанн изъяснял своим слушателям значение и силу крещения, которое должны были принимать от него каявшиеся грешники.

Проповедь святого Иоанна о крещении не была для иудеев чем-либо новым, неслыханным. Крещение посредством омовений или погружения в воду как обряд религиозный соблюдали еще древние патриархи еврейского народа.

Святой Иоанн Предтеча явился на берегах Иордана в то время, когда со всех сторон стекались сюда иудеи в праздник Новолетия, чтобы в волнах священной реки очистить себя от грехов, сделанных ими в прошедшем году.

Иудеи производили омовения не только для сохранения телесной чистоты и здоровья, но и для исполнения предписаний закона. В законе Моисеевом предписаны были очищения перед принесением всякой жертвы, так что никто не мог приступить к святилищу, не очистив водой свое тело и не вымыв одежду. Кто осмелился нарушить этот закон, тот подвергался опасности быть истребленным от среды народа. Кроме религиозных действий, совершаемых в храме, иудеи обязаны были совершать омовения и перед домашней молитвой; потому и молитвенные свои дома они старались строить недалеко от источников, чтобы иметь под рукой достаточно воды для очищения. Такого рода очистительные обряды иудеи соблюдали даже тогда, когда жили в плену у языческих народов.

Иудеи смотрели на язычество как на проказу, а язычников называли прокаженными. Сам Господь иногда наказывал проказой тех, кто впадал в идолопоклонство. Эту болезнь должно было очищать, как и все другие нечистоты, указанные в законе, омовениями. Потому все те, которые переходили из язычества в иудейство, обязаны были креститься, погружаясь в воду. Над прозелитами (обращенными в иудейство язычниками) мужеского пола крещение совершалось несколько дней спустя после обрезания, когда они выздоравливали. Женщины же просто погружались в воду и потом надевали новую, чистую одежду.

Омовения водой, предписанные законом Моисеевым, не были только чисто обрядовыми установлениями; в них заключалась некоторая таинственная очистительная сила, потому что только после подобных омовений делался достойным участвовать в жертвоприношениях тот, кто до того времени не мог приступить к ним по причине какой-либо внешней нечистоты. Символически означали они очищение души, т. е. оставление грехов и обновление всей жизни. В этом отношении ветхозаветные омовения были тенью или образом других, более действенных очищений, установленных при законе благодати. Потому, хотя омовения в обрядовом Моисеевом законе и занимали одно из первых мест, они не имели той полной, освящающей силы, какую приписывало им фарисейское суеверие: по словам апостола Павла, они были немощными и бедными вещественными началами (см.: Гал. 4, 9).

Религиозные омовения древних не требовали особого служителя или присутствия при этом лица,

имеющего священный сан. Людям богатым в этом случае обыкновенно прислуживали рабы; а иногда богатые люди, как и простой класс народа, производили омовения сами. Между тем в древности так высоко было мнение о святости лица, известного своими добродетелями, что почиталась священной та вода, к которой он прикасался. Верили также, что присутствие такого человека в воде при общих омовениях было знаком его доверия и несомненным доказательством его дружеского расположения. Отсюда и произошла пословица: *с чистого и вода стекает чистой;* отсюда же происходило верование, что омовение, произведенное человеком, высоким по своей святости, имело особую действенность, а тяжкий преступник осквернял воду.

Обращая внимание на то, какие представления возникли у иудеев о необыкновенной святости Предтечи Господня, на которого, по словам Златоуста, они взирали как на Ангела, сошедшего с неба, можно понять, с какой радостью принята была ими речь его о крещении, которое он предлагал совершать своими руками.

Крещение святого Иоанна выражало общий характер его служения. Как сам он, пред-ходя перед Господом, должен был указывать грядущего за ним Агнца Божия, вземлющего грехи мира, так и крещение его имело цель, чтобы толпы, стекавшиеся к нему, от него приводимы были ко Христу. Поэтому святые отцы Церкви, Василий Великий и Златоуст, называют Иоанново крещение введением и приготовлением к Крещению Христову. Беседуя о нем со своими слушателями, святой Иоанн имел самый удобный случай дать им почувствовать необходимость внутреннего, сердечного очищения в противоположность тому, что делали фарисеи-лицемеры, которые почитали достаточным одно внешнее очищение, не обращая внимания и не предпринимая труда касательно очищения своих сердец, полных хищения и неправды. «Крестил и Иоанн, – говорит святой Григорий Богослов, – но уже не по-иудейски, потому что не водой только, но и в покаяние».

С другой стороны, в беседе с народом о крещении представлялось святому Иоанну самое благоприятное время свидетельствовать о Христе. Он говорил своим слушателям, что пришел крестить водой, чтобы возвестить Израилю о Том, Кто будет крестить их Духом Святым. Так как ни один из древних пророков не проповедовал о крещении и не совершал его, то это необыкновенное назначение святого Иоанна привлекло к нему множество слушателей и присвоило ему навсегда имя *Крестителя.* Так он возвестил всему Израилю о пришествии Мессии, *Предтечей* Которого он сам называл себя.

Крещение святого Иоанна прямо располагало людей к принятию Крещения Христова. Так как оно совершалось во имя Того, Кто так долго был чаянием всех народов и в особенности народа иудейского, то и было как бы выражением веры в Искупителя, и обязывало приемлющих его приносить плоды, достойные покаяния. Таким образом, пробудить в современниках живое сознание их греховного состояния и расположить их к сердечному покаянию и вере в Грядущего Искупителя мира было главной целью крещения, проповедуемого святым Иоанном. Но так как покаяние необязательно для малолетних детей и так как женщины в этом случае могли достаточно научиться от мужчин, то поэтому (как говорят многие толкователи Писания) святой Иоанн Предтеча не допускал к своему крещению ни малых детей, ни женщин. Также не видно, чтобы он допускал к своему крещению язычников.

Крещение в собственном смысле есть только то, которое установлено Господом Иисусом Христом; другого рода крещения так названы только по тем отношениям, какие имели они к этому богоучрежденному крещению.

Во-первых, когда они прообразовали собой Крещение Христово.

Во-вторых, наименование крещения дано потому, что оно приготовляло людей к Крещению Христову и было его прообразом. Оно не низводило на крещаемого благодати само через себя и служило как бы введением в Таинства благодати и нового закона.

В-третьих, наконец, крещением называется и то, что производит в человеке такие же спасительные действия, какие производит и собственно крещение христианское. Так, мученичество за Христа, слезное покаяние и излияние на верующих благодати Святого Духа называются крещениями.

В крещении Иоанновом можно находить все указанные отношения: а) своим совершителем, водой, погружением и изречением оно весьма ясно указывало на Крещение Христово; б) приготовляло людей к крещению, условленному Спасителем; в) подобно крещению христианскому и крещение Иоанново имело силу спасать человека от грехов по мере того, как располагало его к искреннему, сердечному покаянию и чистой, бескорыстной любви к ближним.

Предтеча Господень сам, лично, был совершителем проповедуемого им крещения. Он не возливал воды только на одну голову крещаемого, потому что для этого немного нужно было воды, между тем как Евангелие весьма ясно указывает, что святой Иоанн останавливался для совершения крещения именно в таких местах, где было много воды; не становился он на берегу реки или на камне, чтобы совершать крещение над приходящими к нему[30], но входил сам вместе с крещаемым в воду, в само русло реки или источника, омывал его своими руками, потом, пока крещаемый находился в воде по шею, возложив на его голову свою руку, требовал, чтобы крещаемый исповедал свои грехи; наконец, погрузив его в воду, выводил на берег, где получивший крещение молился[31]. Погружением в воду крещаемый свидетельствовал искренность своего покаяния и этим же самым действием выражал свою обязательность в последующее время соблюдать свою душу чистой от всяких греховных нечистот.

Святой Иоанн свидетельствовал о себе, что он послан Господом на дело крещения; следовательно, его крещение было по своему происхождению божественное, *с Небеси;* но обряд этого крещения так был прост и настолько приспособлен был к понятиям народа иудейского, обыкновенно представлявшего внутреннее очищение под образом омовения телесного, что, по-видимому, не заключал он в себе ничего особенного. Поэтому-то крещение Иоанна не возбуждало никаких подозрений даже в завистливой тогдашней иудейской синагоге. Между тем, образом совершения своего крещения Предтеча Господень таинственно возвещал об окончании обрядовых иудейских очищений и указывал на истинное духовное возрождение, которое можно получить только при посредстве другого лица.

Обрядовые иудейские омовения и очищения не имели формулы, или слов таинства, способных уяснить его цель, обозначить его силу или определить его действия. В крещении Иоанновом вода уже начинает оглашаться голосом, который возвещал о Слове, могущем сообщить ей силу возрождающую и животворную… Предтеча Господень не безмолвно совершал свое крещение. На это довольно ясно указывает святой апостол Павел в следующих словах: *Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса* (Деян. 19, 4).

Древние и новейшие толкователи Писания заключают отсюда, что форма крещения святого Иоанна была следующая: «Я крещаю тебя и привожу (посвящаю) к вере во Христа, имеющего прийти».

Отсюда видно, что крещение святого Иоанна было первым из многочисленных свидетельств о Христе. Предтеча говорил о себе: *Я для того пришел крестить в воде, чтобы Он* (Иисус Христос) *явлен был Израилю* (Ин. 1, 31). Но как ранняя утренняя заря возвещает о самом солнце еще неясно, так и Предтеча, свидетельствуя о Христе, делает это как бы прикровенно и таинственно.

Божественному происхождению крещения Иоаннова верили иудеи. Если принять во внимание ту готовность, с какою шли к этому крещению не только простые люди, но даже фарисеи, то понятно, что верили и в необходимость этого крещения. Крещение Иоанново входило в план божественного дела искупления человека, потому что оно должно было расположить людей к сердечному покаянию, заставить их восчувствовать нужду в душевной чистоте, приготовить их к крещению Христову; наконец, после этого же крещения Иоаннова Сам Сын Божий благоволил явиться Израилю.

Предтече Господнему дано было начать то, что мог окончить только один Христос. Крещение Иоанново не низводило благодати Святого Духа на крещаемого, потому что источник этой благодати был открыт после Крестом Христовым. Однако же способствовало к принятию этой благодати святостью и молитвами того, кто совершал крещение, а также верой и благочестием того, кто его принимал. И хотя предшествовало оно крещению Христову, но не заменяло его[32], хотя и было с небес, но, как приготовительное ко крещению Христову, было только временное и преходящее, а не пребывающее и непреложное.

С того времени как Спаситель торжественно явлен и указан был миру Иоанном, крещение его должно было уступить свое место другому – высшему, благодатному и непреложному крещению, которое пребывает и пребудет в Церкви Христовой до скончания века, т. е. до второго славного Пришествия Христова. И так как крещение Иоанново не имело тех благодатных действий, какие усвоены новозаветному крещению крестными заслугами Сына Божия, то есть не доставляло крещаемому ни омовения от грехов, ни освящения, ни оправдания, не облекало крещаемого *в человека нового,* не сообщало ему божественных *сил, яже к животу и благочестию,* словом, так как крещение Иоанново – *водою в покаяние,* – было только символом чистоты внутренней и постоянно продолжающегося покаянного чувства человека, а не истинно животворное, как Крещение Христово– *Духом Святым и огнем,* то по этим причинам в первенствующей Апостольской Церкви почиталось нужным повторять крещение во имя Христово и над принявшими уже крещение Иоанново.

Почему же крещение Иоанново названо в Евангелии крещением покаяния в оставление грехов?

Толкователи Писания отвечают на это, что крещение Иоанново так обозначено в Евангелии в противоположность омовениям, совершаемым фарисеями. Креститель Господень требовал, чтобы желающие принять от него крещение, искренно раскаявшись во грехах своих, не возвращались к ним снова в продолжение последующей своей жизни, и только под таким условием допускал к своему крещению; поэтому его крещение в Евангелии и обозначено крещением покаяния во оставление грехов.

Проповедуя крещение покаяния для прощения грехов, святой Иоанн требовал, чтобы желающие принять от него это крещение предварительно исповедали свои грехи: *И крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои* (Мф. 3, 6).

Исповедь – естественная потребность человеческого сердца. Раскаяние, живо пробудившееся в душе человека-грешника, не может долго оставаться в ее глубине, но невольно стремится проявиться вовне. И если одни стараются утаить и скрыть преступление; если употребляют все усилия для того, чтобы никто не заметил виновника, то другие ищут друга верного, души преданной и сострадательной, чтобы разделить с ним тягость, гнетущую совесть, и при смиренном сознании в своем преступлении найти себе добрый совет и утешение. Эту нравственную нужду испытывает даже и не тяжкий преступник.

Предтеча Господень не требовал чего-либо необычайного, когда предлагал приходящим к нему креститься, чтобы они исповедали перед ним свои грехи. Такую исповедь иудеи уже совершали. Они обязаны были исповедовать свои грехи, принося жертву, если хотели получить прощение от Бога.

Современные Предтече фарисеи извратили спасительную заповедь об исповедании грехов: исповедью они пользовались как случаем к своему тщеславию. Вместо того чтобы в подобные минуты смиряться своей душой, они провозглашали только свои добрые дела, чтобы привлечь к себе людское внимание; вместо того чтобы поражаться стыдом, они только оправдывали себя перед Богом, осуждая других. А так как фарисеи примером своим увлекали весьма многих из простого народа, то с вероятностью можно заключать, что во времена Предтечи исповедание грехов в народе далеко было от своей истинной цели и даже было в пренебрежении. Сильному слову Предтечи предоставлено было исправить и этот недостаток.

Приходившие к святому Иоанну, проникаясь живым его словом, в чувстве сокрушения спрашивали его, чем могут они очистить грехи свои и по его указанию уже не затруднялись исповедовать их, раскрывая подробно, ведь именно в этом и состоит исповедь. Какая заслуга в том, чтобы признать себя только грешником? Какой человек отказался бы от такого признания?

Евангелие говорит ясно и определенно, что приходящие принять крещение от Иоанна исповедовали грехи свои. Светоносное и сильное слово Предтечи Господня разгоняло мрак заблуждений с души его слушателей, приводило их к сознанию своих грехов, чтобы через покаяние сподобились они прощения. Большая часть толковников согласно признает, что святой Предтеча допускал к своему крещению только тех, которые предварительно исповедовали грехи свои, не признавая себя просто виновными в грехах, но перечисляя их подробно. Такая подробная исповедь была верным залогом искреннего покаяния и способствовала к тому, чтобы удобнее и легче искоренить из сердца грех и получить нужное против него врачевание и потом прощение.

Исповедание грехов само по себе было свидетельством раскаяния в прошедшем, доказательством скорби о грехах в настоящем и верным залогом исправления в будущем.

В отношении к крещению святого Иоанна исповедание грехов было еще приготовительным испытанием: достойны ли крещения те, которые приходили к нему, и способны ли усвоить его силу? Предтеча допускал к своему крещению только тех, кто приносил исповедание в грехах своих и тем самым свидетельствовал о своем раскаянии, смирении и сокрушении духа и ясно показывал, что душа его способна к усвоению его нового учения. Тех, кто отказывался извергнуть греховный яд из своих сердец через искреннее исповедание своих грехов, он строго обличал, укорял в лицемерии и ослеплении и не давал им крещения, которое предназначено было приготовить ко дню пришествия Господня людей, достойных этого блага. Такого исповедания грехов Предтеча Господень требовал и от фарисеев; но по своей гордости и самомнению и чтобы не уронить себя в глазах простого народа, фарисеи вместе с учителями закона не хотели выдержать этого испытания, а потому не допущены были к крещению Иоаннову. Господь Иисус Христос сказал об этом: *Фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от Иоанна* (Лк. 7, 30).

Нельзя согласиться с теми, которые утверждают, будто бы исповедание грехов, какого требовал святой Иоанн от приходящих к нему креститься, было открытое перед всеми окружающими, публичное. Строгий ревнитель чистоты душевной, святой Иоанн, щадя совесть своих учеников, не мог позволять готовящимся к крещению открыто перед всеми исповедовать свои тайные, никому до сих пор не известные грехи: здесь таилась опасность для чистоты души окружающих. Открытое исповедание грехов страхом стыда или наказания по законам легко могло бы отклонять многих от искренности самого исповедания и склонять к лицемерию; а против этого всегда сильно восставал Предтеча Господень. Хотя было множество приходящих к святому Иоанну и просящих от него крещения, но не крестил он всех их вместе, а каждого порознь. Это исповедание приступивший к крещению произносил именно тогда, когда Иоанн держал его в воде по шею, возложив на голову ему свою руку, и по исповеди готовился погрузить его с головой; следовательно, могло ли оно быть публичным, для всех слышимым, когда крещаемый был наедине с Крестителем?

Глубокое, сердечное покаяние, соединенное с искренним исповеданием грехов и запечатленное крещением, по учению Предтечи Господня, необходимо было для того, чтобы человек достоин был вступления в Царство Мессии, которое уже близко, готово открыться. *Покайтесь,* – говорил он своим слушателям, – *ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3, 2).

По свидетельству Златоуста, святой Иоанн в первый раз громогласно проповедует народу иудейскому то, чего он не слышал ни от пророков и ни от кого-либо другого, напоминая ему о небесах и Небесном

Царствии. Правда, ветхозаветные пророки предвозвещали открытие на земле иного Царства, чем все царства земные, но подобные предсказания пророческие были таинственны, и их исполнение было еще слишком отдаленно. Предтеча Господень – этот светильник, горящий и светящий, предназначен был разогнать мрак заблуждений и приподнять таинственную завесу, которой в Ветхом Завете закрыто было Царство Небесное; он должен был не только сделать известным, но и как бы перстом указать своим современникам Небесного Царя и Его Царство.

Понятие о Царстве Небесном на страницах Евангелия наиболее полно раскрывается в притчах Христовых, таинственно описывающих его воздействие на людей. Царство Небесное – это и человек, посеявший семя на своем поле (см.: Мф. 13, 24–30), и горчичное зерно, ставшее высоким деревом и давшее приют многочисленным птицам (см.: Мф. 13, 31–32); и хлебная закваска, поднимающая все тесто, и невод, захватывающий множество рыб (см.: Мф. 13, 33 и 47–50). Оно сравнивается и с сокровищем, закопанным в земле, и с драгоценной жемчужиной, которые внезапно изменяют жизнь того человека, который их нашел (см.: Мф. 13, 44–46). Царство Небесное – то же, что Царство Божие или Царство Христово, это некий новый благодатный порядок вещей, который устанавливает на земле Христос и который преображает всю земную жизнь и делает ее небесной. Этот порядок святой Иоанн представляет в виде наступающего нового царства сравнительно с царствами земными; но, как Царство Небесное, оно отлично будет не только от царств человеческих, но и от Царства Божия, устроенного в Израиле через Ветхий Завет, заключенный с древними патриархами иудейского народа и потом возобновленный и утвержденный при Моисее. Ветхозаветное царство, имея Самого Бога Царем и Правителем своим, служило только приготовлением людей к открытию Новозаветного Царства Христова и по жестокосердию и склонности иудейского народа к благам чувственным было более земным, нежели небесным. В дни Предтечи наступило время, когда по божественному действию надлежало произойти новому явлению: Господь отделит истинных и верных рабов Своих, подобно тому как земледелец веянием на гумне отделяет пшеницу от плевел, и из этих избранных составит новое Свое Царство. Это Царство – небесное по своему происхождению; небесное – по духовному образу своего управления; небесное – по своим действиям, потому что членам этого Царства предписывает духовные обязанности; небесное – по своей цели, потому что приводит к Небесному Царству славы, где достойные будут наслаждаться духовным, вечно невозмутимым блаженством; небесное и потому, что распространяется не земными средствами и оружием, но победоносною силою учения, обилием чудес и благодатных даров.

Учение Предтечи о приближении Царства Небесного по своей новости и возвышенности было малопонятно для его слушателей. Сам Предтеча не старался объяснять этого учения. Казалось, что Господь Иисус Христос предоставил Себе яснее раскрыть тайны Царства Небесного разнообразными притчами, подобиями, сравнениями, как это видим мы в Евангелии.

Неясность и таинственность учения Предтечи о приближении Небесного Царствия могли, естественно, побуждать его слушателей просить у него объяснений; но святой проповедник считал достаточным лишь привлечь их внимание, пробудить в них надежду, направить их желания, представить им то, как они должны изменить всю свою жизнь, отрешиться от земных сует, чтобы сделаться способными к созерцанию вещей небесных. Все, что видели они в лице святого Иоанна, что слышали из уст его, могло понемногу уяснять им учение его о Небесном Царстве. Святой Златоуст говорит: «А для чего, – скажешь ты, – говорил Иоанн иудеям о небесах и Небесном Царствии, когда они не понимали слов его?» – «Я для того это говорю, – скажет он, – чтоб они, будучи возбуждены таинственностью слов, стали искать Проповедуемого».

Иудеи времен Предтечи верили, что нетерпеливо ожидаемое ими пришествие Мессии уже недалеко, что оно будет предваряться и сопровождаться необыкновенными знамениями. Поэтому неудивительно, что молва, быстро по всем окрестностям Иордана разнесенная слушателями первых проповеднических речей святого Иоанна, рассказы их о высокой подвижнической его жизни, о его вдохновенном слове, в

котором слышалось, что вожделенное для сынов Израиля Царство Мессии уже готово открыться, и желающие быть участниками этого царства, принеся раскаяние в грехах своих, уже крестятся в Иордане, – молва обо всем этом обратила на себя общее внимание. И вот целые толпы народа из Иерусалима и иудеи, Самарии, Галилеи и из соседних стран спешат к Иоанну на Иордан; между ними заметны даже гордые фарисеи и беспечные о своем спасении саддукеи.

Слово святого Иоанна, имевшего дар прозрения и различения тайных душевных помышлений, не ко всем слушателям было одинаково.

Речи его к фарисеям и саддукеям. Особенно строгой и грозной речью встретил святой Иоанн саддукеев, фарисеев и книжников, а вместе с ними и тех, кто был под влиянием этих ложных руководителей народной веры и нравственности. Пророк Господень провидел, что подобные люди шли к нему в пустыню не с искренним желанием нравственного своего исправления, но или для удовлетворения простого своего любопытства, или для того, чтобы здесь, на пути к Иордану, перед многочисленной толпой народа лицемерно высказать свою ревность к спасению, или даже для того, чтобы уловить в слове самого проповедника. Предтеча Господень, не стесняясь ни политического могущества подобных слушателей, ни их богатства, ни известной их мстительности, открыто перед всеми поражает их своими обличениями, чтобы пресечь то гибельное влияние, какое они имели на простой народ иудейский, и таким образом устранить одно из сильных препятствий, которое так сильно затрудняло впоследствии принятие Мессии Израилем.

Иудеи, в особенности фарисеи, с гордостью говорили о себе: *Мы семя Авраамово* (Ин. 8, 33). В устах фарисеев это значило, что они праведны перед Богом и сделаются участниками в Царстве Мессии только потому, что они – потомки Авраама, праведника Божия.

Чтобы рассеять такое самообольщение фарисеев, Предтеча прежде всего поражает их названием – *порождения ехидны* (Мф. 3, 7). Это название, по свойству еврейского языка, означает: «Непотребные дети гнусных отцов! В вас заключается весь тот яд, какой наследовали вы от отцов своих, и насмерть отравляете вы других своими соблазнами. Вы, как ядовитые змеи, угрызаете и убиваете даже святых, покрывая их слова и дела ядом своих клевет!»[33]

Пророку Господнему известно было, как гибельна для фарисеев их горделивая мысль о происхождении своем от святых предков, служившая поводом к беспечности о своем спасении; поэтому так сильно и исторгает он самый корень их гордости.

Святой Иоанн Предтеча призывает их *бежать от будущего гнева.* Несомненно, что здесь он говорит о тех мучениях, которые ожидают нераскаянных грешников в будущей жизни. А о том, что иудеи должны были знать о жизни после смерти и о разнице между загробной участью праведников и грешников, свидетельствует Писание Ветхого Завета. Вот, например, слова из книги пророка Даниила: *И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление* (Дан. 12, 2; см. также: Ис. 66, 24). Между тем со времени плена вавилонского и эта истина не всеми иудеями одинаково ясно и правильно была толкуема. Фарисеи, например, думали, что только одни язычники будут осуждены и подвергнуты наказанию, а все иудеи, особенно фарисеи, будут оправданы и удостоятся нескончаемого блаженства. А саддукеи отвергали вечность мучений, как и вообще бытие будущей жизни. Поэтому Предтеча Господень должен был внушить подобным слушателям грозную мысль о страшных вечных наказаниях, ожидающих людей нераскаянных и беспечных.

Он не останавливается, впрочем, на одном обличении и угрозах, но предлагает им и спасительный совет. *Сотворите,* – говорит он, – *плоды, достойные покаяния* (Лк. 3, 8); потому что недостаточно избежать греха, но надобно показать и великую добродетель. Мы уже не в таком положении, как прежние люди: уже грядет Сам Судья и Господь Царства, чтобы возвести нас к высшим, духовным понятиям; теперь

как награды, так и наказания вечны. Итак, не оставайтесь в прежних ваших пороках, не ссылайтесь, как прежде, на благородство ваших предков – Авраама, Исаака и Иакова.

Святой Иоанн говорил своим слушателям, что бедствие, готовое поразить их, близко. Это выразил он в словах: *уже при корени.* Не сказал: при ветвях, или плодах, но при корени, научая их, что в случае их нерадения они подвергнутся неотвратимым бедствиям без всякой надежды на избавление. Толкователи говорят, что святой Иоанн здесь не только угрожает иудеям будущим вечным наказанием в аду, но и предсказывает окончательное разорение Иудеи римлянами.

Грозная речь Предтечи Господня не изменила сердца гордых, самолюбивых фарисеев и подобных им слушателей. Господь Иисус Христос, обличая их ожесточение, говорил им: *Пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему* (Мф. 21, 32). Можно предполагать, что не с чувством раскаяния и сокрушения сердечного возвратились фарисеи от Иоанна, а с чувствами гнева и злобной мстительности.

Речи к простому народу. Не таков был простой народ, слушавший Предтечу Господнего. Потрясенный до глубины души угрозой возвещаемого ему близкого суда и осуждения и вместе с тем уверенный в милосердии Божием, простой народ обратился к святому Иоанну с вопросом: что ему делать, чтобы принести плоды добрые и через то отклонить удары секиры, грозящей посечением? Этот вопрос, очевидно, был выражением искреннего раскаяния в грехах и твердой решимости изменить образ жизни.

Искренняя любовь к ближним, живое сочувствие к их нуждам и деятельная им помощь – вот, по указанию Предтечи, первое средство к спасению человека-грешника.

Иоанну Крестителю было предначертано положить в иудейском народе первые основания царства любви. Он советует разделять с нуждающимся то, что есть у человека. *У кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же* (Лк. 3, 11). Таким образом, святой Иоанн призывает к милосердию, выражающемуся в нежном участии к положению ближнего, готовом на всякую существенную и личную ему помощь.

Милостыню, выражавшуюся в разных благотворительных пособиях бедным, иудеи подавали, но она не имела у них характера свободы и бескорыстия, а исполнялась, как законное предписание, холодно, и притом при чужеземном над ними владычестве имела круг самый ограниченный. Чтобы иметь право на милостыню иудеев, нужно было принадлежать к потомству Иакова или быть обращенным в иудейство (прозелитом): язычников иудеи не почитали своими братьями и не простирали на них свою благотворительность. Предтеча, принеся радостную весть о Пришествии Спасителя всего рода человеческого, не исключает никого из круга проповедуемой им благотворительности – ни иудеев, ни язычников, ни праведных, ни грешных; по его учению, всякий человек, терпящий нужду, имеет право на милостыню.

До явления и проповеди Предтечи Господня милостыня предписывалась и подавалась с двоякой целью: утолить гнев Божий и помочь ближнему. До этого времени иудеи в большинстве едва ли понимали добродетель самоотречения и отвержения земных благ. Предтеча Господень самим собой представил современному миру поразительный пример полного отречения от всех земных благ и добровольной совершенной бедности. Он внушал не только раздавать бедным излишнее, но и предписывал самоотверженное лишение. Он приготовлял плотских иудеев к тому, что скоро они услышали из уст Спасителя: *Пойди, продай имение твое и раздай нищим!* (Мф. 19, 21).

Хотя в своем слове к народу Предтеча Господень указывает только на два вида милосердия и любви, относящиеся к самым первым и необходимым потребностям в настоящей жизни, но очевидно, что здесь разумеет он все дела милости, какие только могут быть оказываемы в помощь ближнему, – он учит, чтобы

все люди искренно любили друг друга, чтобы с радостью они благотворили всем, чтобы при исполнении заповеди о любви готовы были жертвовать и собою, и своими благами. Поэтому он советует раздавать не только внешние блага, излишние для самих себя, но и те вещи, которые необходимы для самих себя.

Такое наставление, как средство к спасению, преподал святой Иоанн людям всех состояний; потому что дела любви и милосердия составляют лучшее доказательство религиозно-нравственной чистоты, и степень усердия в исполнении таких дел указывает верно на степень нравственного усовершенствования человека. Эти же дела любви и милосердия со стороны простого народа могли служить лучшим свидетельством и выражением покаянного настроения духа, какого желал и требовал святой Иоанн.

Речи к мытарям. Поразительное доказательство того, как было сильно и действенно на сердца людей вдохновенное слово Предтечи Господня, представляют мытари, которые пришли к нему вместе с народом послушать его и принять от него крещение. Потрясенные грозным для грешников словом великого пророка, они не довольствовались тем, что сказал святой Иоанн в наставление простому народу; но с кротостью и смирением, в простоте сердца обратились к нему со своим особенным вопросом: *Учитель! что нам делать?* (Лк. 3, 12).

Мытари были откупщиками и сборщиками общественных податей. Исполнение этой обязанности особенно ненавистно было для иудейского народа, который, ревнуя о своей свободе, с крайним презрением смотрел на людей, собиравших различные пошлины, налагаемые римлянами. Многие из иудеев думали даже, что не стоит платить дань кесарю, а потому смотрели на своих собратьев, занимавшихся сбором таких податей, как на язычников. Говорят, что мытарям не позволяли входить в синагоги, принимать участие в общественных молитвах, не допускали к некоторым должностям, не позволяли быть свидетелями в суде, не принимали даже их приношений в храм.

Было два рода мытарей: одни были начальниками сборов, другие – им подчиненными исполнителями. Начальники мытарей обычно брали на откуп у римлян сбор податей в целых провинциях империи; часть этого сбора они передавали другим, менее богатым, назначая им за труды известные проценты. Такие второстепенные мытари были истинным бичом для иудейского народа: жадные и безжалостные, они употребляли и насилие, и хитрость, и обман – все средства, чтобы для удовлетворения своей корысти собрать как можно тщательнее налоги. По своим обязанностям мытари входили в тесную связь с римлянами, и иго римское становилось еще более невыносимым для иудеев, когда видели они, что их теснят в пользу чужеземной власти их же единоплеменники.

При всем этом, мытари были способнее к нравственному исправлению, чем почитавшиеся святыми фарисеи. Нравы мытарей были проще и откровеннее: и худое и доброе их было налицо – без притворства и лицемерия, поэтому и сознание их было живее и истиннее. Они знали, что их презирают другие, почитают людьми грешными и не гневались на это: в простоте сердца они и сами почитали себя тем, чем почитали их другие. Потому, когда им случалось войти в храм, они глубоко сокрушались, искренне каялись и молились от всей души и сердца. Удивительно ли, что слух о необыкновенном проповеднике покаяния привлек на берега Иордана целые толпы мытарей и пробудил в них желание покаяния и крещения?

Сознавая себя грешнее других людей, они не довольствовались общим наставлением великого учителя, но просили себе особого – по особенному нравственному своему настроению.

Пророк не требует от них, чтобы они отказались от своих обязанностей, которые так ненавистны были в понятии народном и так худо ими исполнялись. Он не налагает на них правил самого строгого покаяния, соразмерных тому презрению, какое к ним питали их же единоплеменники. Он не требует от них жертв, способных отяготить их, не побуждает их вознаградить те убытки, какие своими притязаниями нанесли они своим ближним, ничего не замечает об их злоупотреблениях и обидах как деле общеизвестном, даже не заставляет их оставить ремесло свое, по мнению народному, постыдное… Он только советует им исполнять

свое дело с полной законной точностью: *Ничего не требуйте более определенного вам* (Лк. 3, 13).

Таким образом, святой Иоанн прежде всего старается удержать мытарей от привычной жадности к присвоению им не принадлежащего, чтобы научить их подавать милостыню бедным от своих собственных избытков. Он был уверен, что если мытари исправят свой главный недостаток, то уже легко получат отвращение от своей прежней греховной жизни, улучшат свою жизнь настоящую и легко будут исполнять те дела милосердия и вообще те добродетели, какие предлагал он простому народу. Исполнение такого легкого требования было со стороны мытарей ясным свидетельством искренности их покаяния; а этого и требовал святой Иоанн от своих слушателей.

И мытари – слушатели Предтечи – воздали славу Богу, призвавшему их к спасению, и приняли крещение от святого Иоанна.

Впоследствии многие из них были учениками, а некоторые – даже апостолами Христа Спасителя. Таков, например, Закхей – начальник мытарей, и Матфей, который на самом месте сбора пошлин услышал призывное слово Господне: *По Мне гряди* (Мф. 9, 9).

Речи к воинам. В толпе народа, окружавшего Предтечу Господня во время его проповеди, были и воины, пришедшие на берега Иордана послушать великого пророка Божия.

В Иудее тогда было три рода солдат: одни были под властью Ирода Антипы, ведущего войну с аравийским царем Аретой, другие подчинены были начальнику иерусалимского храма, третьи – римскому правителю Иудеи Понтию Пилату. Исключая чужеземцев, все эти воины были иудеи и по происхождению, и по религии.

Воины, по своему званию, нечувствительные и холодные, дерзкие и жестокие, были сильно поражены проповедью Предтечи о покаянии и подобно мытарям со смирением и покорностью спрашивали великого проповедника: *А нам что делать?* (Лк. 3, 14).

Предтеча отвечает воинам подобно тому, как ответил мытарям. Пророк Господень провидел, что воины еще не способны к великим нравственным подвигам; потому и предложил им обязанности самые общие и обыкновенные, опасаясь того, чтобы, требуя от них добродетелей возвышенных, не погасить их доброго рвения. Предтеча предписывает воинам три правила для их благоповедения:

1) не оскорблять никого, не употреблять насилия или страха против мирных граждан, чтобы получить за это деньги или что-нибудь другое;

2) не клеветать ни на кого или не обвинять кого-либо напрасно с тем намерением, чтобы страхом суда принудить откупиться деньгами. Этот порок был обыкновенным между воинами тогдашнего смутного времени: солдаты часто взводили на мирных граждан обвинения в измене, в сношении с врагами и т. п., и только золотом могли граждане избавиться от таких клевет;

3) наконец, Предтеча советует воинам довольствоваться тем жалованьем, какое им назначено. Солдаты употребляли насилие, клевету и ложные доносы именно потому, что жалованье их было скудно.

Таким образом, святой Иоанн предписывает воинам такие правила поведения, которые были сообразны с их званием и состоянием, зная, что они, исправившись от тех пороков, которым необузданно предавались, легко перейдут к исполнению и других добрых дел, требующихся истинным покаянием.

Высокое, во многом новое и полное таинственности учение святого Иоанна, поразительная сила и свобода вдохновенного его слова, необычайность его посланничества и святая, строго подвижническая его жизнь производили такое впечатление на его современников, что многие из них невольно могли говорить: «Пророк великий восстал среди нас; Господь посетил народ Свой в лице сына Захариина!»

Иудеи знали, что Иоанн происходил из колена Левиина, а не из Иудина, из которого предназначено

было произойти Мессии, но знали также и то, что колено Иудино часто вступало в супружеские связи с коленом Левииным, что бабка матери святого Иоанна была из колена Иудина. Таким образом, происхождение Иоанна не могло препятствовать возникновению народного мнения: не Христос ли он.

Святой Иоанн узнал о таком мнении, возникшем в народе, по благодатному внушению. Как верный друг Жениха Небесного, святой Предтеча Господень поспешил отклонить от себя честь, ему не принадлежащую. Воспользовавшись благоприятным расположением к себе народа, он яснее, чем прежде, начал возвещать ему о Христе. *Иоанн всем отвечал: я крещаю вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостоин развязать ремень обуви. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем* (Лк. 3, 16).

То есть святой Иоанн объявляет иудеям, что другой, более могущественный, придет вслед за ним. Он дополнит и усовершенствует то, что ему (Иоанну) предназначено было только подготовить. Предтеча Господень спешит указать своим слушателям, что его нельзя не только сравнивать с Христом, но что он, Иоанн, не достоин оказать Христу даже самой ничтожной и самой низкой услуги – *понести за Ним обувь Его, или, наклонившись к стопам Его, развязать ремень этой обуви.* (Надо при этом заметить, что на Востоке снимать и надевать сандалии было делом низших служителей в доме, равно как и носить их за господином.)

Предтеча Господень не говорит иудеям ни о войнах, ни о победах, не предсказывает им о чудесах, которые совершит Христос, не обещает им никаких временных благ, даже свободы от томившего их политического рабства, но направляет их умы исключительно к духовному ряду понятий – показывает им обилие благодати и духовных благ, какие получат они через посредство грядущего Искупителя. «Грядущий вслед меня Мессия, – говорил Предтеча своим слушателям, – не только дарует вам Духа Святого, но *крестит вас Духом Святым и огнем»,* – этим иносказанием Предтеча выражал обильное излияние благодати, ее силу и неудержимость.

Под словами: «крестит и огнем» большая часть толкователей, согласно со Златоустом, разумеют очищающее и воспламеняющее душу человека действие Святого Духа. Предтеча Господень представляет силу Духа Святого, которая, как огонь, превращает каменное сердце человека в плотское, уничтожает греховные его нечистоты, воспламеняет его душу любовью божественной.

По согласному мнению толковников, святой Иоанн Креститель должен был расположить сердца современных ему иудеев к такой вере и таким понятиям о Мессии, какие имели некогда праотцы Израиля – ветхозаветные патриархи. Ему, Предтече Господню, предоставлено было внушить неверным иудеям ту мудрость и благоразумие, какие видны в древних праведниках, веровавших в духовное Царство Мессии.

Сопоставив свое крещение водой в покаяние с крещением Духом Святым и огнем, какое преподаст Имеющий прийти непосредственно за ним, святой Иоанн ясно показал иудеям, что он – не Христос и что нельзя допустить никакого даже сближения между ним, (Иоанном) и грядущим Мессией. Но так как Предтече Господнему известны были огрубевшие умы иудеев, с которыми он беседовал, то он продолжает свою беседу с целью окончательно разрушить неправильное их понятие о нем. Поэтому, показав иудеям, какие блага принесет им грядущий вслед его Мессия, он переходит ко второму славному Его Пришествию, к последнему дню Страшного Его суда.

Большая часть современных Предтече иудеев верила и надеялась, что грядущий Мессия обратится к ним с одним только Своим благоволением и любовью, как к потомкам великих праведников, без всякой с их стороны личной заслуги. Разрушая такую ложную и жалкую надежду иудеев, Предтеча Господень показывает, что грядущий Мессия не может взирать на пороки людей безразлично, но что Ему принадлежит суд над грешниками и отмщение: *Лопата Его в руке Его и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым* (Лк. 3, 17).

Для выражения своих мыслей Предтеча берет образы из близкого к народу быта. Лопата – земледельческое орудие, которым отделяются хорошие хлебные зерна от соломы и плевы; гумно – небольшое (на Востоке обыкновенно на возвышенностях), среди поля, открытое со всех сторон, плотно утрамбованное место для молотьбы сжатых или скошенных хлебных растений. Гумно означает здесь весь мир и, прежде всего, – народ иудейский; пшеница – людей праведных, достойных участия в Царстве Христовом, плевелы и солома – людей нечестивых.

Для иудеев не нова была образная речь Предтечи; такая речь часто употребляется в Священном Писании. Читая Святое Писание и слушая объяснение от своих учителей, иудеи могли предугадывать значение иносказательной речи.

Говоря, что лопата Мессии в руке Его, святой Иоанн дает понять, что власть судебная принадлежит исключительно Христу, что Он собственной властью, как Бог, произнесет Свой приговор судимым. *Мессия очистит гумно Свое]* следовательно, Он будет смотреть в самую глубину сердец человеческих; иначе возможно ли правосудное различение? И Предтеча делал различение между теми, которые приходили к нему, допуская одних к крещению, а другим отказывая в нем с грозными наставлениями; но он судил по ясным признакам и не окончательно; он не осуждал, а только угрожал судом Божиим. А Сын Божий, напротив, весь суд совершит Сам по Себе, Своей верховной властью. Правда, Он допустит на время в Своей Церкви добрых и злых, подобно тому как хозяин поля во время жатвы принимает все, что приносят ему жнецы; но когда наступит день Судный, Господь вывеет гумно Свое и отделит хорошие зерна от соломы, – будет судить с полной и самой строгой справедливостью и отделит избранных от отверженных. *И соберет пшеницу в житницу Свою* – соединит на небе, месте совершеннейшего покоя и блаженства, всех тех, которые по своему благочестию, постоянству и твердости оставались неподвижными от греховных искушений. Они и будут составлять пшеницу Христову.

Обязанность судьи состоит не только в том, чтобы отличать добрых и воздавать им по заслугам, но и наказывать злых. На это же указывает и Предтеча, говоря, что Мессия солому, отделенную от добрых зерен, сожжет огнем неугасимым. В Святом Писании под соломой, назначенной для сожжения, разумеются обыкновенно люди нечестивые. В словах Предтечи под соломой, выходящею из того же корня, как и пшеница, изображаются те люди, которые, как и святые, суть члены Церкви, исповедуют ту же веру, участвуют в тех же Таинствах, но внутренне бессильны для дел любви, которые составляют, так сказать, лучшее зерно человеческой жизни. Солома долго растет вместе с пшеницей как необходимая ее поддержка; но во время молотьбы она отделяется от пшеницы, как ничем уже с ней не связанная и бесполезная; так и те, которые в земной жизни своей не руководятся движениями любви к Богу и ближнему и внушениями Святого Духа, могут быть временно необходимы для праведников, как солома для пшеницы; но так как они не имеют живой связи с ними, то и будут осуждены, как бесплодные и бесполезные.

Слово Господа, которым поразит Он нечестивых, есть страшный приговор Его: *Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный!* (Мф. 25, 41). Называя адский огонь неугасимым, Предтеча дает понять, что этот огонь не только никогда не может погаснуть, но что он никогда не истребляет – жжет и пожирает вечно. Этот огонь неугасим потому, что не имеет нужды в пище для своего поддержания: по изволению Божию он существует сам по себе и будет продолжаться вечно. Он не истребляет своих жертв (потому что Бог умеряет его действие), но причиняет нестерпимые и неизобразимые мучения.

Поразительные истины, раскрываемые святым Иоанном для многочисленной и разнообразной толпы его слушателей, могли найти среди нее и неверующих, подобных саддукеям; но замечательна при этом мудрость святого учителя, по которой он так размещал возвещаемые им истины, что они получали силу взаимно одна от другой. Раскрывая иудеям тайны приближающегося Царства Небесного, Предтеча

Господень возбуждал в их сердцах полное к себе доверие и радостные надежды. Поэтому если слушатели его охотно верили, когда он говорил им о пришествии Мессии и множестве благодатных Его даров, то по необходимости должны были верить его слову, когда упоминал он и о наказаниях, какие уготованы людям нечестивым.

Так до явления Мессии Израилю Предтеча Христов исполнял свое небесное посланничество. Побудив людей к покаянию, возвестив им приближение Царствия Небесного и установив крещение, приводящее к вере во Христа, он потом постепенно раскрывал отличительные черты, по которым в скором времени могли они узнать своего Спасителя. Чтобы искоренить в иудеях ложные понятия о лице и посланничестве Мессии, Предтеча указал им, что сей Избавитель не только человек, но и причастник Божественного естества, потому что Он дарует людям благодать и спасение, награждает за добродетель и наказывает за порок, осуждает нечестивых окончательно и невозвратно на вечные мучения.

Как вокруг древних великих пророков, и вокруг святого Иоанна Предтечи вскоре после первого его явления израильскому народу и после первых пророческих его речей собралось много лиц, которые, приняв от него крещение, вступили в духовное с ним общение, как ученики с учителем. Предтеча Господень не отвергал от себя таких лиц, хотя по глубокому своему смирению не желал учреждать какого-либо особого религиозного общества. Его служение было непродолжительно, как утренняя заря; он и не обращал на одного себя внимания всеобщего, но очи всех направлял к восходящему на горизонте Солнцу правды. И так как назначением Предтечи было *представить Господу народ приготовленный,* то и святой Иоанн приближал к себе тех, которые более других способны были послужить основанием Церкви Христовой.

Евангелие упоминает об учениках святого Иоанна при разных обстоятельствах его земного служения, но не дает никакого определенного указания ни на их число, ни на их имена, исключая святого Андрея.

Точно известно, что первым из апостолов, призванных Иисусом Христом, был Андрей, ученик Предтечи. Другой из учеников Иоанновых, бывший вместе с Андреем, был Иоанн-евангелист.

На это ясно указывает и умолчание евангелиста об имени этого ученика, обычное у Иоанна там, где он говорит о себе самом. Об этом же можно заключать и из чрезвычайной наглядности дальнейшего повествования евангелиста Иоанна. Для него незабвенны были те дни, когда он, со слов Иоанна Крестителя, узнал в Иисусе Мессию, Сына Божия и по Его же указанию пошел за Ним, имел с Ним первую беседу и с тех пор стал преданнейшим и вместе возлюбленным учеником Его. Если Андрей был учеником Предтечи, то, несомненно, таким же был и Петр, его брат и безотлучный товарищ в рыбном промысле. То же можно сказать и об Иакове, сыне Зеведеовом, брате святого Иоанна-евангелиста. Они пошли вслед за Иисусом все вместе, потому что уже связаны были единством веры и святых убеждений, образовавшихся в них под руководством Предтечи. Сыновья Алфеевы – Иаков младший, Иосиф (он же Варсава), Симеон и Иуда – были родственниками святого Иоанна и послушны его голосу. Святой Матфей до избрания своего в апостолы был, как известно, мытарем, и хотя Евангелие ничего не говорит о нем, был ли он учеником Иоанна Предтечи, но позволительно думать, что он был одним из числа тех мытарей – слушателей святого Иоанна, которые обращались к нему за наставлениями касательно нравственной своей жизни. Об апостолах Варфоломее, Филиппе, Фоме, Иуде Искариотском и Матфее хотя и нет никаких прямых указаний в Евангелии – были ли они учениками Предтечи, но и отвергать этого нельзя. Таким образом, можно полагать, что Спаситель непосредственно от Своего Предтечи принял к Себе наиболее подготовленных учеников его, чтобы быть им ростками Его Церкви.

Как приготовлял Предтеча Господень ближайших учеников своих к вступлению в новое Царство Христово – на это нет определенных указаний в Евангелии. Думают, что ученики Предтечи по примеру своего великого учителя соединяли жизнь деятельную с жизнью созерцательной; соблюдали частые и

продолжительные посты; научены были особой домашней молитве, отличной от тех молитв, какие были в употреблении у иудеев тогдашнего времени[34]; иногда сопровождали его, помогая, чем могли, в делах его служения. При всем этом Предтеча Господень не давал никогда своим ученикам никаких обещаний, могущих льстить их честолюбию или другим страстям; даже посторонний наблюдатель не мог заметить, чтобы в его обществе были какие-либо земные, особенно политические цели.

Нельзя при этом не заметить, что хотя Предтеча Христов не желал образовать из своих учеников особого религиозного общества, хотя он часто говорил им о грядущем Христе и потом ясно указал им на Него как уже Пришедшего и убеждал их последовать за Ним, несмотря на это в некоторых учениках Крестителя так была сильна привязанность к нему, что они не хотели оставить его; ревниво, с завистью смотрели они на день ото дня возрастающую славу Христову и до самой смерти Предтечи оставались исключительно приверженными к нему одному. Некоторые из верующих спрашивали, почему сам Иоанн не присоединился к Иисусу Христу в качестве Его апостола или ученика и не только не ходил за Ним, но не переставал крестить до самого своего заключения в темницу?

Блаженный Августин говорит, что это допущено было Промыслом для того, чтобы свидетельство святого Иоанна о Христе имело еще большую силу и действенность на умы современных иудеев.

Действительно, святой Иоанн представлялся иудеям как бы совместником Иисусу Христу, потому что он и проповедовал, и крестил, и имел учеников, как и Христос. Фарисеи, тайные враги того и другого, хотели воспользоваться этим, чтобы поставить их в ревнивое соперничество, надеясь через это ослабить их силу и влияние на народ, но получили от святого Иоанна такой ответ, который покрыл их стыдом и дал новую силу его свидетельствам о Христе. Святой Иоанн не только не произнес каких-либо слов, дышавших завистью к лицу Иисуса Христа, но еще торжественнее свидетельствовал о Божественном Его достоинстве. В этом случае свидетельство святого Иоанна о Христе имело гораздо более силы, чем даже свидетельство Его апостолов. В самом деле, можно было предполагать, что апостолы прославляли Иисуса Христа потому, что они Его ученики, что они имели выгоду так проповедовать о Нем, что судьба их связана была с судьбой их Учителя; но свидетельство об Иисусе сына Захарии имело совершенно иной вид в глазах иудеев (Ин. 3, 27–36).

На вопрос, почему святой Иоанн продолжал крестить до самого своего заключения, святой Златоуст отвечает так: «Для того продолжал Иоанн крестить, чтобы не возбудить в своих учениках большой зависти и соперничества. Если Иоанн не убедил их последовать Христу при всем том, что вопиял о Нем тысячу раз, всегда уступая Ему первенство, и провозглашал себя меньшим Его, то, если бы еще он перестал крестить, тем более возбудил бы в них соперничество. Он крестил не для чего-либо другого, а только – да веруют в Грядущего по нем.

Продолжая проповедовать, он не себе приобретал славу, но отсылал слушателей к Христу и не менее учеников Его содействовал Ему».

Около полугода прошло с тех пор, как святой Иоанн Креститель начал свою проповедь о близком Пришествии обетованного Спасителя мира и приготовлял Ему путь, располагая сердца человеческие к Его принятию; но Сам Спаситель мира пребывал еще в глубокой неизвестности.

Знал ли Предтеча Господень пришедшего Мессию до времени Его крещения в Иордане? Полагают, что святой Иоанн знал Иисуса как сына Марии и родственника своего по плоти, отличавшегося перед всеми современниками необыкновенной чистотой и святостью жизни, и лично встречался с Ним в Иерусалиме во время великих праздников, но не знал о божественном достоинстве Иисусовом. Предтеча сам усиленно и настойчиво утверждает, что до времени крещения Иисуса он не знал Его как Сына Божия; ему только обещано было свыше, что несомненно, по указанным признакам, узнает он Того, о Ком он возвещал Израилю.

Между тем и предопределенное Богом Отцом время приготовления рода человеческого к принятию Спасителя исполнилось. И такова была непостижимая для ума человеческого воля Божия, что именно теперь, когда еще раздавался голос Предтечи в пустыне Иорданской, Сам Мессия явился вселенной. *Я для того пришел крестить в воде, чтобы Мессия явлен был Израилю* (Ин. 1, 31), – говорил о себе святой Иоанн. И вот *приходит тогда Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него* (Мф. 3, 13).

Воплотившийся Сын Божий благоволил принять на Себя грехи всего мира. По слову пророка, *Он грехи наши носит и о нас болезнует.* Поэтому при самом вступлении на Свое чрезвычайное служение Ему, как Искупителю человека, нужно было стать вместе с грешниками и явить перед лицом Бога и людей Свое глубочайшее смирение и совершенную готовность предстательствовать Праведному за неправедных и потерпеть те наказания за грехи, в которых каются все крещаемые. Ему нужно было подчиниться и закону очищения водой, чтобы исполнить весь закон за людей, преступивших Божественные заповеди. И Господь, пришедший не разорить закон, а исполнить, так строго подчинялся его предписаниям, что открыто взывал ко всем, желавшим всемирно найти в Нем какое-либо уклонение от закона: *Кто из вас обличит Меня в неправде?* (Ин. 8,46).

По закону Моисееву, нужно было обратиться к постороннему лицу, чтобы получить очищение; но кто, кроме праведного сына Захарии, мог быть более достойным совершить подобное служение в отношении к воплотившемуся Сыну Божию? И не для приготовления ли к этому великому делу, к этой высочайшей чести Предтеча Господень с самых юных лет удален был в пустыню, чтобы сохранить свою невинность и чистоту от приражений грешного мира?..

В Синаксаре на Крещение Господне читаем: «Крестился Иисус Христос тридцати лет, в таком возрасте, который у людей легко наклоняется ко всякому греху. Ибо как первый возраст младенческий имеет многое невежество и неразумие, второй, юношеский, разжигается вожделением плотским, так тридцатилетний возраст совершенного мужа подвержен корыстолюбию, тщеславию, гневу и всяким грехам. До сего возраста отложил Господь крещение для того, чтобы исполнить закон всеми возрастами, чтобы освятить наше естество и подать нам силу побеждать страсти и хранить себя от грехов смертных».

Обратимся к самому крещению нашего Спасителя. В Совете предвечной Премудрости Божией было предопределено, чтобы первое пришествие на землю Сына Божия было смиренное и уничиженное. И Господь Иисус Христос пришел на Иордан как человек обыкновенный. Он, Царь Неба и земли, перед Которым со страхом и трепетом преклоняются Херувимы и Серафимы, приходит к проповеднику покаяния грешникам, приходит из Галилеи, страны, где израильтяне жили в смирении с язычниками (греками, римлянами, египтянами, киприотами, арабами) и потому были предметом презрения у истых иудеев, не ожидавших отсюда и обыкновенного пророка, приходит из города Назарета, малоизвестного, незначительного и не пользовавшегося у иудеев доброй славой, приходит как простой тектон (плотник)[35]; вместе с другими слушает проповедь Крестителя и, в свою очередь, после других подходит к Иоанну и просит от него Себе крещения.

Дух Божий, осенивший великого пророка еще от чрева его матери и руководивший им, теперь озарил его особым духовным светом, и святой Иоанн по взыгранию своего сердца, подобно тому как некогда, будучи еще в чреве своей матери, приветствовал он Сына Божия, узнал теперь, что перед ним лицом к лицу Сам Мессия, Богочеловек. Это внезапное откровение святому Иоанну поразило его и изумило. Перед ним стоял Господь и Бог его, Владыка вселенной, Истинный Свет, просвещающий весь мир, Святейший святых, крестящий Духом Святым и огнем, могущественный Судия мира – словом, тот самый Мессия, о котором только сейчас беседовал он со своими слушателями, стоял, как простой человек, и требовал крещения, как смиренный грешник! Как же осмелится он возложить свою руку – раб на Владыку? Как преподаст крещение покаяния в оставление грехов Тому, Кто пришел искупить от греха род человеческий,

Кто Сам есть наше освящение и оправдание?..

Предтеча повинуется Пришедшему спасти мир и с ужасом взирает, как Он, сияние славы Отчей, готовясь погрузиться в иорданские струи, слагает с Себя, как последний из грешников, все свои одежды.

Приходящего креститься святой Иоанн обыкновенно вводил в самый Иордан и, погрузив до шеи, держал в этом положении до тех пор, пока крестящийся исповедовал свои грехи; после этого уже погружал его с головой, произнося обычное выражение своего крещения. Но так как Иисус был безгрешен, то Креститель, возложив свою руку на главу Его, только погрузил Его в воды Иордана[36], и Иисус тотчас же вышел из воды. На берегу реки, преклонив колена и возведя очи Свои на Небо, вознес Он молитву к Отцу Своему Небесному о том, чтобы Он благословил начало Его служения в качестве Мессии и утвердил в нем открытым и торжественным Своим свидетельством[37]. Как Сын Божий, Иисус знал, конечно, что такое свидетельство уже предопределено Ему было в Предвечном Божием Совете; но знал также и то, что теперь, как человек, Он должен был заслужить это благословение Своим смирением и покорной молитвой.

Смирение предшествует славе; молитва смиренного проникает сквозь облака, и он не утешится, пока она не приблизится к Богу, и не отступит, пока Всевышний не рассудит справедливо и не произнесет решения. И Господь не замедлит (см.: Притч. 18, 13; Сир. 35). Еще не окончилась молитва Богочеловека, *и вот отверзлись Ему небеса, и увидел Он Духа Божия, Который сходил и ниспускался на Него, как голубь, в телесном виде. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение*[38].

Над молившимся Богочеловеком раскрылись небеса. Это раскрытие небес было нематериальное. Блаженный Иероним говорит, что при крещении Спасителя небо представлялось раскрытым только для умных очей. Если бы отверстие небес было видимым, то евангелист Матфей не сказал бы: открылись Ему небеса, потому что раскрытое видимым образом было бы открыто для всего мира.

Из отверстых небес явилось чудное знамение над молившимся на берегу Иордана Иисусом: *Дух Святой сходил в телесном виде, как голубь, и ниспускался на Него* (Мф. 3, 16; Лк. 3, 22).

Дух Святой сходит на Иисуса для того, чтобы исполнилось предсказание, данное Иоанну: над Него же узриши Духа, сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым (Ин 1, 33). Для того чтобы в Иисусе познали Сына Божия, Спасителя мира. Для того чтобы в самом начале Нового Завета тайна Святой Троицы, издревле под образами сокровенная, явилась и как бы открылась, стала постигаемой зрением и слухом. Для того, наконец, чтобы верующие и крещаемые знали, что и на них в крещении незримо нисходит Дух Святой и пребывает в них, Своими дарами запечатлевая союз их с Богом-Отцом и Господом Спасителем.

Для явления Своего нисхождения на Иисуса Дух Святой избирает светоносное подобие голубя. Святой Златоуст прямо говорит: «Сын Божий принял естество человеческое, а Дух Святой не принял естества голубя. Потому и евангелист не сказал: „В естестве голубя“, но в виде; да и после Он никогда не являлся в таком образе, но только в то время».

Для чего же при Крещении Спасителя Дух Святой избрал вид голубя? И почему святой Иоанн Предтеча, впоследствии свидетельствуя об Иисусе Христе и призывая своих слушателей к вере в Него как Обетованного Мессию, нередко с какой-то особенной любовью указывал на это сошествие Святого Духа в виде голубя? По мнению толкователей Писания, вдохновенному прозорливцу открыто было, что Дух Святой, явившись в виде голубя над Виновником спасения мира, благоволил указать людям доступным для них способом образ Своей благодати в отношении ко времени и обстоятельствам.

Голубь – символ кротости и простоты. Весьма прилично, чтобы Он указывал на Агнца Божия, потому что голубь и агнец – прекрасные символы невинности, кротости и простоты: в них нет ядовитой злобы они не наносят гибельных ран.

Любовь всегда начинается кроткой нежностью и раздражается только на тех, кто не понимает ее ласк или презрительно идет против обычной ее кротости. Воплощенная Премудрость Божия под знаменем любви начала дело спасения человека, потому-то первое Пришествие на землю Сына Божия было кроткое и смиренное. Явившись и почив на Иисусе Христе в виде птицы, обозначающей кротость, Дух Святой через это благоволил внушить людям, что Сын Божий пришел в мир с желанием действовать кротостью и смирением.

На Иисуса Христа снизошло само существо Духа Святого; то, что явилось над Ним, не было только частью, но весь Святой Дух. Об этой полноте предрек пророк Исайя следующими словами: *произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его, и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, и страхом Господним исполнится* (Ис. 11, 1–3). Эти дары Святого Духа как части единого целого пребывали в Иисусе Христе.

Дух *премудрости* почил на Нем: при этом озарении Духом Божиим Он все понимал вокруг Себя и избежал всех хитростей обольстителя в пустыне, отразив своими мудрыми ответами все его искусительные вопросы.

Дух *разума* исполнял Сына Человеческого: Он знал, кому надо открывать тайны Царствия Божия и когда нужно говорить только притчами. Он спокойно рассматривал все с полным вниманием; демону не позволял провозглашать Себя Сыном Божиим; никогда не беседовал о тайнах Царствия Божия с теми, кто этого принять не мог, и запрещал давать святыню тем, кто этого не был достоин.

Дух *совета* почивал во Христе, поэтому Он скрывал тайны Свои от премудрых и разумных и открывал их младенцам. Он скрыл свои намерения от демона, который, хотя и провозглашал Его Сыном Божиим, но не мог предвидеть, что мир будет спасен страданиями и крестом Богочеловека. По внушению духа совета Христос возвещал Свое Евангелие бедным, простирал Свое милосердие даже к самарянам и язычникам, ходил к ним в дома, исцелял их больных. Голубь согревает в своем гнезде не только своих, но иногда и чужих птенцов; и Господь Иисус Христос обещал, что лоно Авраамово открыто будет для принятия всех, кто придет к Нему с Востока и Запада.

Сын Человеческий ходил по земле, управляемый духом *крепости;* и прежде покрывал Он, и ныне покрывает, и охраняет всех истинно верующих в Него, так что никто «не может исхитить их из руки Его». Он всегда руководим был духом *ведения.* Подобно голубю, который выбирает себе в пищу только лучшие зерна, Христос извлекал из Слова Божия всегда такие изречения, которые мудро приспособлены были к случаям и обстоятельствам. Слушатели Его приходили в изумление, говоря: *как Он знает Писание, не учившись* (Ин. 7, 15).

Он всецело исполнен был духом *благочестия.* Не только не был Он виной чьей-либо смерти, но целью Его пришествия было даровать жизнь мертвым: Он пришел спасать, а не губить человеческие души.

Наконец, дух *страха Божия* пребывал в Нем постоянно. Христос всегда управляем был обитавшим в Нем Божеством. Благоволив принять на Себя все скорби и страдания за грехи людей, Богочеловек в продолжение всей земной Своей жизни и словами, и делами выражал только одно: *Отче! не Моя воля; но Твоя да будет* (Лк. 22, 42).

Сошествие Святого Духа в виде голубя еще не вполне открывало тайну Божественного величия Иисусова. Дух Святой издревле невидимо сходил на пророков и на царей. И вот о несравненном величии Иисуса свидетельствует Сам Бог Отец: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в котором Мое благоволение!* (Мф. 3, 17). Бог Отец называет Иисуса Сыном Возлюбленным, как в Писании не называется ни один праведник. Такое название дается только Единородному Сыну Божию – Сыну по существу, а не по усыновлению или благодати, Сыну, Который прежде всех веков от Отца рожден, а не сотворен,

единосущен Богу Отцу, равен Ему в силе, власти и славе.

После своего крещения Богочеловек получил от Отца Небесного все Свои права на открытое и торжественное Свое служение. Святым Духом, тогда нисшедшим на Него, Спаситель облечен был в сан первосвященника и учителя вселенной.

У иудеев первосвященники и цари получали помазание внешнее и видимое; Иисус Христос получил от Бога, а не от людей помазание невидимое и внутреннее. Как Царство Христово превыше царств всех земных царей, так и Его помазание бесконечно превосходит всякое другое помазание.

Святой Иоанн Предтеча был не только свидетелем чудес, какими благоволил Бог Отец прославить Сына Своего при Иордане, но и лицом действующим: ему было предопределено послужить при посвящении Великого Первосвященника Нового Завета.

Святой Златоуст говорит, что Иисус Христос крестился незадолго до Пасхи. Из евангельских сказаний о крещении Спасителя видно, что оно совершилось днем, когда крестились все, пришедшие с этою целью к святому Иоанну[39].

День Крещения Господня называется еще праздником Богоявления, потому что при крещении Христовом было явление Пресвятой Троицы и особенно торжественное явление Божества Спасителя. Явление Бога Отца и Святого Духа свидетельствовало о явлении людям Сына Божия в лице Крещаемого: Бог Отец явился, свидетельствуя о Нем гласом из отверстых небес; Дух Святой явился, подтверждая глас Отчий. Святой Амвросий Медиоланский замечает: «День Крещения Господня назван Богоявлением потому, что в этот день Господь явился не столько взору, сколько спасению людей. Святой Златоуст изъясняет: не тот день, в который родился Спаситель, должно назвать явлением, но тот, когда Он крестился: не через рождение Свое Он всем сделался известным, но через крещение; до дня крещения Он был неизвестен народу. Поэтому Богоявлением называется не тот день, в который Христос родился, а тот, в который Он крестился. По словам блаж. Иеронима, в рождении Своем Сын Божий явился миру сокровенно, в крещении Он явился совершенно. День этот называется также Просвещением, праздником Светов, святыми Светами, потому что Бог есть Свет и явился просветить сидящих во тьме и потому, что в древности в навечерие Крещения были крещаемы оглашенные, причем горело много светильников. После Пасхи праздник Богоявления есть древнейший и торжественнейший. Кроме дня праздника, Церковь совершает 4 дня предпразднества и 8 дней попразднества и прославляет его великим рядом вдохновенных песнопений.

Но все ли бывшие в то время на Иордане недалеко от Предтечи и Спасителя ясно видели сошествие Святого Духа и раздельно слышали голос Отца Небесного или, кроме Самого Иисуса, только один Иоанн? На это толкователи Святого Писания отвечают неодинаково.

Справедливее будет сказать, что видение, бывшее на Иордане при крещении Спасителя, было ощутимо тогда народом не вполне, а только отчасти. Все бывшие на Иордане при Крещении Спасителя могли видеть свет, сошедший с Неба, и слышать голос Отца Небесного, раздавшийся после чудного озарения; но никто, кроме Иисуса Христа и Крестителя Его, не мог видеть ясно Духа Святого, сошедшего в виде голубя, и раздельно слышать слова Отца Небесного.

Святой Иоанн Креститель был первым из ветхозаветных праведников, кому достопоклоняемая Троица благоволила ясно открыть Себя! В самом деле, от создания человека до крещения Искупителя Бог никогда ясно не открывал людям неизглаголанной тайны Своего Божественного Существа – она скрывалась под сенью символических слов и вещей. И священные писатели Ветхого Завета не указывают нам ни одного патриарха, ни одного пророка и вообще праведника, который бы ясно и раздельно словами своими или действиями указал на священные имена Отца, Сына и Святого Духа. Не то мы видим в

праведном сыне Захарии. Постоянно он готовил умы своих слушателей к тому, чтобы они способны были принять новое учение о природе Божественной, какое он хотел сообщить им. В своих беседах с народом он уже ясно говорил о Божественном лице Искупителя мира; он возвещал также о Святом Духе, Которым потом крестил Грядущий вслед за ним Мессия. Следовательно, тайна троичности лиц в Божестве не была для святого Иоанна недоступной.

Что действительно святому Иоанну уже открыты были самые возвышенные тайны о Существе Божественном, что он посвящен был в эти тайны внутренним образом, это ясно видно из того, что он не показал никакого смущения, не испытал ни трепета, ни ужаса, когда Святая Троица благоволила открыть ему Себя и осветила его чудными лучами бесконечного Своего величия.

Праведный сын Захарии, если и показывает свой страх и трепет, то не тогда, когда созерцает величие и славу Господа, но только тогда, когда видит Его смирение и уничижение. Не ужасаясь, созерцает он небесный свет, которым окружен был крестившийся от него Сын Божий, но недоумевает и изумляется, видя, что Сын Божий приходит к нему в образе раба вместе с грешниками. Спокойно слышит он глас Отца Небесного, тот глас, от которого бушуют волны, сокрушаются кедры ливанские, трясутся основания гор, но без страха не мог он слышать тихого и смиренного голоса, каким Сын Человеческий просил допустить Его к Своему крещению. Не волновалось сердце Предтечи, когда он видел, как Святой Дух Творец сошел и опочил на Богочеловеке Спасителе, но трепетал Иоанн всеми членами своего тела, когда касался своей рукой верха главы Его! Словом, явление славы Божией, казалось, не было для Предтечи каким-либо новым, неожиданным для него явлением, его удивляло только одно – глубочайшее смирение, до которого Сын Божий уничижил Себя из любви к роду человеческому.

При крещении Христовом, совершителем которого был святой Иоанн, Отец явился в гласе, Сын – в воспринятой им человеческой плоти, Дух – в виде голубином.

Между тем ученики Крестителя и многие из народной толпы, пораженные чудными событиями при крещении Иисуса и в то же время заметившие Его удаление с берегов Иордана, обратились к своему наставнику с вопросом: Кто это, при крещении Которого случилось так много необыкновенного? Предтеча Господень смело и свободно сказал окружающим его: *Сей был Тот, о Котором я сказал, что идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня* (Ин. 1, 15).

По изъяснению Златоуста, выражение *идущий за мною* значит „Тот, Кто будет проповедовать после меня“, а не „после Меня будущий“. А что значит: *впереди меня?* Что Он славнее, досточтимее меня. „Не думайте, что я больше Его потому только, что я прежде Его пришел проповедовать; я гораздо меньше Его, и так меньше, что недостоин быть в числе рабов Его“.

В то время как Господь Иисус пребывал в пустыне искушения, Предтеча Его продолжал свою подготовительную деятельность к Его принятию. Между тем слух о Крестителе с берегов Иордана день ото дня далее разносился в народе и произвел в нем сильное возбуждение; в народе возникла даже мысль: не он ли давно ожидаемый Мессия? Все это невольно обратило на себя внимание иудейского Синедриона. Синедрион (или великий совет иудейский в Иерусалиме) имел право судить даже царей, проверять учение пророков, утверждать законность их посланничества, разрешать или воспрещать им принятое на себя служение. Иудейские книжники и фарисеи, хотя и сами были несвободны от многих заблуждений и предрассудков, составляли часть Синедриона и восседали на Моисеевом седалище. Сидеть на Моисеевом седалище значило обладать властью и правом должностного учителя и истолкователя закона Моисеева народу. Как Моисей учил народ, давая ему законы, так книжники и фарисеи во времена Предтечи учили народ, изъясняя ему эти законы.

Святая жизнь Предтечи, его вдохновенное слово, согласное с Писанием, сильное его влияние на народ, отвечавший ему глубоким уважением, – все это хотя спасало Иоанна от всякого насилия со стороны

фарисейской партии, поражаемой строгими обличениями пророка, но не могло искоренить в ней зависти и зложелательства проповеднику покаяния. Можно предполагать, что Предтеча Христов немало терпел от злоречия завистливых людей и, может быть, во избежание преследования от них он ушел с западной стороны Иордана, чтобы свободнее проповедовать и крестить на другой его стороне.

Фарисеи, узнав, что святой Иоанн свидетельствует о другом Мессии, грядущем за ним, намеревались или запретить ему проповедь и крещение, так как он не был ими уполномочен, или, предположив, что он объявит себя Мессией, поставить это ему в вину и осудить его, как впоследствии и поступили с Иисусом Христом. Во всяком случае, фарисеи хотели показать над святым Иоанном свою власть и искусить его.

Кто из иудеев желал посвятить себя на какое-либо общественно-религиозное служение, тот прежде всего обязан был объявить перед Синедрионом целый ряд своих предков. Синедрион имел право вызвать святого Иоанна в Иерусалим для того, чтобы он стал пред лицом иудейских старейшин с ответом касательно своего происхождения, пророческого служения, учения и крещения; но таково было почтение, какое невольно внушал к себе святой Предтеча Господень, что и фарисейская партия Синедриона решилась действовать против него с особенным вниманием и осторожностью. Определено было отправить к нему особое посольство и дать ему правительственное значение. Евангелист с намерением обозначает, что посланные к Иоанну были из Иерусалима, столицы народа Божия, в которой жили цари и первосвященники, где находился единственный храм Всевышнего, откуда разливалось религиозное просвещение, где было верховное иудейское судилище. Лица, составлявшие посольство, были священники из Иерусалима, почетнейшие члены Синедриона, знатоки и толкователи закона и пророков; в помощь им даны были левиты.

Это торжественное посольство иудеев к Иоанну прежде всего и невольно возвышало самого Иоанна в общественном мнении. Синедрион хотел составить мнение о новоявившемся Пророке – Крестителе. Но для этого можно было бы расспросить других без особого посольства к Иоанну, ведь многие из иерусалимских иудеев, даже фарисейской секты, были на Иордане, видели образ жизни Крестителя, слышали его учение, знали место его рождения и колено, из которого он происходил; почти все признавали, что Иоанн послан от Бога: его имя было на устах почти всего народа. Итак, для чего же делать ему такой торжественный личный допрос? Не очевидно ли, что только одного святого Иоанна считали способным дать ответ на все, что желали знать о нем, верили его чистосердечию и правдивости и открыто теперь сознавались, что должно доверять его слову, что личное его свидетельство о себе неопровержимо.

Прибыв к месту своего назначения, иерусалимские послы прежде всего спрашивают святого Иоанна: *кто ты?* То есть какие ты имеешь намерения и какая вообще цель твоей деятельности? Они не хотели допрашивать его о его имени и происхождении, потому что это было уже им известно, не спрашивают они прямо и о том, не Христос ли он, а только предлагают вопрос: *кто ты?*

Это обстоятельство в жизни Предтечи особенно замечательно потому, что оно было слишком искусительно и опасно для души его. Чтобы убедиться в этом, надо обратить внимание на то, кем был Предтеча в очах Божиих и во мнении народном. Предтеча сознавал, сколько милости и благодати Своей излил на него Господь Бог; знал, какое глубокое уважение питала к нему большая часть иудейского народа, а исконный враг рода человеческого не оставлял, конечно, и своего стремления искусить его смирение, но Предтеча остался непоколебимым в своей верности Грядущему за ним. Он не отвечает прямо на слова фарисейского вопроса, потому что он сказал бы: *я глас вопиющего в пустыне,* – но, видя лукавое намерение священников и левитов, он решился, не открывая повода к какому-нибудь двусмыслию, прямо и кратко сказать: *я не Христос!* Так скоро святой Иоанн победил представившееся ему искушение. Верный друг Жениха Небесного, он ни на одну минуту не хотел присвоить себе Его имени! Видно было, что это человек, не способный принимать людское ласкательство и склоняться на него. Евангелист, чтобы

отчетливее выразить ответ святого Иоанна послам иерусалимским, употребил тождесловие и повторение, достойные внимания. Он (Иоанн) *объявил, и не отрекся, и объявил,* что он не Христос!

Нет сомнения, что фарисеи предварительно имели совещание в Синедрионе и с общего согласия подготовили вопросы и определили порядок, в каком предлагать их святому Иоанну.

Не получив от святого Иоанна желательного ответа на предложенный ему вопрос, послы-фарисеи спрашивают его снова: *что же? ты Илия?*

Иудеи времен Предтечи ожидали, что пророк Илия снова придет на землю перед пришествием Мессии и приготовит Ему царство. Это ожидание иудеи основывали на словах пророка Малахии: *вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного* (Мал. 4,5). Пророчество Малахии в собственном и точном смысле относится ко второму и страшному Пришествию Христову – так объясняют это пророчество Малахии все отцы и учители Церкви; но иудейские книжники толковали, что пришествие Илии должно предварить *первое* и, по их понятию, *славное* пришествие Мессии.

Предтеча Господень ответил на вопрос посланных: *нет, я не Илия.* Действительно, он не был Илия древний, но совершал его служение, т. е. предшествовал Господу в духе и силе Илии; он был Предтечей первого Пришествия Христова, как Илия будет Предтечей второго.

Пророк ли ты? – снова спрашивают святого Иоанна фарисеи. – *Нет,* – отвечал им Предтеча Христов.

Даже если вопрос фарисеев святому Иоанну был не о чрезвычайном пророке, предсказанном через Моисея, но о пророке меньшем, чем Илия, и в этом случае святой Иоанн мог отвечать, что он не пророк. Служение, к которому был он предназначен, не было подобно служению древних пророков: он имел предметом своей проповеди не предсказания о Христе, что Он когда-нибудь придет, но возвещение Его пришествия и указание на Него современникам: се Агнец Божий! Таким образом, собственное, определенное назначение святого Иоанна было не возвещать будущее, а только предшествовать Христу своей проповедью, крещением и приготовлением Ему пути в сердцах человеческих.

Господь Иисус Христос сказал о святом Иоанне, что он пророк и даже больше пророка. Действительно, Иоанн был таковым по своим великим нравственным совершенствам, но не по своему предназначению. Назначением пророков в собственном смысле было предсказывать словами или предызображать события воплощения Бога – Слова. Святой Иоанн не имел такого назначения; он не возвещал о чем-либо таинственном, будущем, но ясно указывал на Солнце правды, взошедшее над теми, кто блуждал во тьме и сени смертной.

Посланные фарисеи пришли к Иоанну не с добрым намерением; просвещенный Духом премудрости, Иоанн знал об этом и потому ограничился самыми короткими ответами на предложенные ему вопросы.

Повествование свое о посольстве к святому Иоанну из Иерусалима евангелист прерывает замечанием: *а посланные были из фарисеев* и потом уже передает последний вопрос их Иоанну: *что же ты крестишь, если ты не Христос, не Илия, не пророк?*

Своим замечанием о фарисействе посланных евангелист желал объяснить причину их вопроса. Крещение и до явления святого Иоанна было в употреблении; но совершалось оно только над прозелитами, т. е. язычниками, принимавшими веру иудейскую, а не над иудеями. Фарисеям – законникам известны были пророчества Иезекииля: *окроплю вас чистою водою, и вы очиститеся от всех скверн ваших* (Иез. 36, 25) и Захарии: *в той день* (то есть во время Пришествия Мессии на землю) *откроется источник дому Давидову и жителям Иерусалима для омытия греха и нечистоты* (Зах. 13, 1).

На основании этих пророчеств они учили, что крещение имеет право совершать только грядущий

Мессия или Его Предтеча; а между тем его совершает Иоанн, прямо объявив им, что он не Мессия, даже не Илия, не пророк. Что же это значит? Какое же он имеет право совершать это действие, и притом открыто, торжественно, всенародно, и через это указывать, что все общество, весь народ Божий нечист и требует очищения через покаяние и омовение? Это в особенности не согласовалось с самомнением фарисеев.

Когда святой Иоанн ответил, что он не Христос, не Илия, не пророк, фарисеи надеялись поразить его тем, что Писание не указывает ни одного примера, чтобы какой-либо пророк или иное лицо принимало на себя служение, подобное тому, какое он совершал; они думали, что Иоанн уже не устоит против того доказательства, какое они ему представили; они не осмелились прямо запретить святому Иоанну крестить к нему приходящих (потому что народ побил бы их камнями, если бы они дерзнули явно оскорбить Крестителя), но надеялись привести его в смущение и постыдить перед народом своим вопросом об основании и силе его крещения. Но злоба фарисеев неспособна была возмутить святого Иоанна. Прославляли ли его или злословили, в узах и на свободе – всегда было у него в виду одно: исполнять свое служение, свидетельствовать о Христе и прославлять Его. И теперь он не смущается, не спешит оправдать в глазах своих врагов свое посланничество и свое крещение, не занимается ответом на вопрос их, кем и как уполномочен он совершать крещение, но пользуется благоприятным случаем дать свидетельство о Христе. Это свидетельство святого Иоанна – одно из самых важных и открытых его свидетельств о Христе. Среди множества народа, в присутствии всех, крестившихся от него, Предтеча возгласил это дивное исповедание о Христе, исполненное великих, возвышенных и непреложных истин.

Я крещу в воде, – сказал в ответ посланным святой Иоанн, – *но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостоин развязать ремень у обуви Его* (Ин. 1, 26–27). То есть вы справедливо думаете, что крещение может быть совершаемо только через уполномоченного Божественной властью, что это дело Мессии; но мое крещение маловажно и несовершенно, не имеет в себе ничего, кроме воды; оно только приготовление к другому крещению, о котором вы скоро услышите. Я омываю тело в воде, но Христос очистит души Духом Святым и огнем. Установитель лучшего и высшего крещения находится среди вас, пришел на землю; Он после меня явится с крещением, но, несмотря на это, Он досточтимее и славнее меня; я недостоин быть в числе даже последних служителей Его развязывать ремни у Его обуви!

Посланные из фарисеев оставляют берега Иордана, чтобы дать отчет великому Синедриону о допросе Крестителя; но возвращение их в Иерусалим не было так торжественно, как прежний из него выход на Иордан. Посольство не удалось: они хотели расставить сети святому Иоанну, чтобы уловить его на словах, посрамить его и через то пресечь его влияние на народ, но их приход на Иордан и допрос Крестителя еще более привлекли к нему всеобщее внимание и раскрыли перед всем миром его смирение, его нравственную силу и мудрость.

После сорокадневного поста и победы над искусителем в пустыне Господь Иисус Христос возвращается к Иоанну на Иордан вполне приготовленным на великое дело Божественного Своего посланничества. И теперь, как и прежде, Он ничем особым не выделялся из толпы народной: тихо и молчаливо шел Он к Иоанну. Путь добровольного самоуничижения и страданий, который предстояло пройти Мессии для спасения людей, раскрылся перед духовным оком Предтечи, и вот, указывая народу на грядущего Искупителя мира, Иоанн воскликнул: *се, Агнец Божий, который берет на себя грех мира. Сей есть, о котором я сказал: за мною идет муж, который стал впереди меня; потому что Он был прежде меня* (Ин. 1, 29–30).

Вместе со Златоустом все толкователи Писания согласны, что святой Иоанн делает указание на следующее пророчество Исайи: *Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял*

на Себя наши немощи, и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст своих; как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих (Ис. 53, 3–7).

Спаситель назван Агнцем потому, во-первых, что Его прообразовал агнец пасхальный и агнцы, которых приносили в жертву при скинии ежедневно, одного вечером, другого утром (этих агнцев приносили в жертву за грехи, хотя в действительности грехи могли быть очищены только кровью Христовой). Во-вторых, потому, что пророки изобразили Спасителя как Агнца, единственно способного принести искупление миру. По словам блаженного Августина, Христос назван Агнцем по причине Своей невинности, кротости, терпения и послушания до самой Крестной смерти.

Провозвестив, что грех мира может быть взят только Пречистым Агнцем, святой Иоанн раскрывает необходимость благодати Христовой для всех предопределенных к спасению; ведь только по этой благодати мы можем занять место в Небесном Царстве, никакая заслуга человеческая, ни одна добродетель для этого недостаточны.

Слова Предтечи: *се, Агнец Божий, который берет на Себя грех мира* имели особую важность при тех обстоятельствах, при которых они были произнесены. Народная толпа обычно теснилась вокруг Предтечи и просила себе его крещения. Те, которые здесь находились, уже одним своим присутствием показывали, что они грешники; Иисус Христос находился в толпе таких грешников. Многие могли предполагать, что Он пришел к Иоанну по той же причине, как и другие, то есть затем, чтобы исповедать согрешения и омыться в реке с покаянием; поэтому святой Иоанн отличает Его ото всех, тут находившихся, и объясняет, что Иисус пришел не исповедать и очищать свои грехи, что Он не имеет нужды в крещении, но что Сам Он – единственная Жертва, способная взять на Себя грех мира. Таким образом, Предтеча ставит невинность и святость Иисуса в противоположность тому сознанию, какое имели о своих грехах его слушатели. Он прежде нередко говорил им о недостаточности своего крещения и возвещал о другом крещении в духе любви и благодати прощения; теперь дает понять, каково могущество помилования и действенность благодати, принесенной Спасителем мира, то есть что Он не только очищает грехи мира, Он их берет на Себя, чтобы мир был помилован.

Чтобы глубже запечатлеть свои слова в сердцах своих слушателей, святой Иоанн и теперь повторяет те же слова: *Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет муж, который стал впереди меня; потому что Он был прежде меня* (Ин. 1, 30). Мое пришествие ничего более не имело целью, кроме проповедания общего вселенной Благодетеля и кроме сообщения крещения водой; а Его пришествие имеет целью очищение всех людей и дарование благодатных сил Утешителя. *Стал впереди меня,* т. е. явился славнее меня, *яко первее мене бе.*

Слушатели Предтечи могли предполагать, что он так свидетельствует об Иисусе как Мессии не по Божественному откровению, а по человеческому пристрастию – по родственным отношениям или по какому-либо предварительному соглашению Иоанна с Иисусом. Предупреждая всякое подобное подозрение, Креститель сказал: *я не знал Его* (Иисуса), *но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю* (Ин. 1, 31).

На другой день после того, как святой Иоанн дал такое поразительное свидетельство об Иисусе Христе, стоял он на берегу Иордана, как неусыпный страж. Можно думать, что в это время ум его и сердце всецело устремлены были к одному предмету – к пришедшему Искупителю мира. И вот к утешению своему Иоанн видит, что Иисус Христос проходит мимо него. В радостном восторге, указуя на Него окружающему

народу, Иоанн воскликнул: *вот Агнец Божий,* – то есть то Божественное Лицо, о Котором вчера вел я с вами беседу. И это краткое указание и торжественное повторение уже данного свидетельства об Иисусе как Агнце Божием произвело такое впечатление на двух стоявших близ Иоанна учеников, что они решились тотчас же последовать за Иисусом (см.: Ин. 1, 36–37).

Тихо и робко шли ученики Иоанновы за Иисусом. Они, вероятно, стыдились и страшились, как люди незнакомые с Ним и только от своего учителя слышавшие свидетельство о Нем. Чтобы уничтожить в них весь это стыд и страх, Иисус Сам спрашивает их и не оставляет их в молчании идти до Его жилища: *что вам надобно?* Желания и намерения учеников Иоанновых, конечно, известны были Господу Иисусу как Всеведущему; но своим кротким и милостивым вопросом Он располагал их к тому, чтобы они сами высказали расположение своей души, открыли свое сердце к восприятию Божественного учения. *Равви, где Ты живешь?* – вопросом ответили ученики Иоанновы Иисусу. В этом вопросе они выразили свою преданность Христу. Ибо, не являясь еще Его учениками и ничего не слышав от Него, они уже называют Его учителем, причисляя себя к Его ученикам и показывая причину, по которой они последовали за Ним, что хотели в уединении беседовать с Ним, послушать Его, научиться от Него; поэтому они и не откладывают своего намерения, но показывают все свое усердие к слушанию.

Пойдите и увидите, – сказал им Господь Иисус. Где в это время жил Иисус Христос, неизвестно. Может быть, во временном шалаше, покрытом сверху обычной на востоке полосатой одеждой и заплетенном с боков перевитыми между собой ветвями; потому что такие шалаши служили единственным жилищем для сотни людей, приходивших к крещению Иоаннову. И Христос не говорит им примет своего жилища, не назначает места для беседы, а только более и более привлекает их к следованию за Ним и потом беседует с ними как с друзьями и людьми, уже долгое время бывшими с Ним.

Ученики Иоанновы пробыли у Иисуса весь тот день и, вероятно, всю следующую ночь наслаждались Его учением в таком обилии и с такой охотой, что немедленно оба пошли привлекать и других к Христу.

Кто были эти ученики святого Иоанна? В Евангелии сказано, что *один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе, и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра* (Ин. 1, 40); а кто другой, не указано. Толкователи Писания признают в другом ученике самого писателя Евангелия.

Следование учеников Иоанновых за Иисусом Христом ясно показывает, с каким вниманием и заботливостью святой Предтеча пользовался всяким случаем, чтобы обратить их к Нему. Предтеча трудился для того, чтобы представить Христу подготовленные и твердые камни, какие должны быть положены в основание Его Церкви. Впрочем, Андрей и Иоанн теперь еще не окончательно присоединились ко Христу: только после, по слову Христову, оставили они свои рыбацкие сети, чтобы сделаться ловцами человеков. До этого времени они обращались со своим первым учителем, который, без сомнения, своими внушениями укреплял их веру в указанного им Мессию.

Вскоре после вторичного кратковременного своего пребывания на Иордане Господь Иисус Христос возвратился в Галилею, а Предтеча оставался на берегах Иордана в Вифаваре с проповедью покаяния и крещением приходящих к нему, но уже не в грядущего по нем Мессию, а в пришедшего и явленного народу. Почему же Иоанн не прошел всей Иудеи с проповедью о Христе, а оставался при реке, ожидая Его Пришествия, чтобы потом, когда Он придет, указать Его народу? Златоуст отвечает: „Иоанн хотел, чтобы сами дела свидетельствовали о Христе, а собственная цель Иоанна была та, чтобы только огласить Его пришествие. Большее же свидетельство Иоанн оставляет самому Христу, именно свидетельство дел, как и Сам Христос говорит: *Аз не от человека приемлю свидетельство; дела, яже даде Мне Отец, та свидетельствуют обо Мне* (Ин. 7, 34. 36). В противном случае, т. е. если бы Иоанн проповедовал, обходя всю Иудею, могло бы казаться, что это делается по видам человеческим; проповедь была бы подозрительной“.

Из Вифавары перешел святой Иоанн *в Енон близ Салима; там было много воды; туда приходили к нему и крестились от него* (Ин. 3, 23).

Енон и Салим – местности, точно не известные. Однако можно принять то мнение, по которому они предполагаются существовавшими на южной границе Иудеи с Идумеей. В этом случае и выражение *там много было воды* совершенно уместно в приложении к месту, обильному водой, среди безводной и почти дикой пустыни, граничившей с Идумеей. Тогда понятнее и стечение к Иоанну иудеев, побудившее его избрать среди пустыни место, обильное водой; понятнее и дальнейшее повествование о споре *иудеев* с учениками Иоанновыми; понятнее, наконец, выражение учеников Иоанна об Иисусе: *Который был с тобою при Иордане,* – выражение, которое могли они употребить только в том случае, когда они были *не близко* от Иордана. По указанию Евангелия, Господь Иисус Христос, путешествовавший тогда по всей земле иудейской, недалеко был от того места, где пребывал святой Иоанн Креститель.

Итак, Предтеча Господень продолжал свою проповедь покаяния и крещения, хотя и началось уже крещение Христово. По воле и определению Божию, крещение Иоанново существовало совместно с крещением Христовым до самого заключения Предтечи в темницу. Если бы святой Иоанн перестал крестить с того самого времени, как открылось крещение Христово, то иные могли бы подумать, что в этом случае руководила Иоанном зависть к Иисусу Христу, и это же самое возбудило бы в учениках Предтечи нерасположение к Спасителю. Впрочем, и теперь уже заметно было различие между Иисусом Христом и Иоанном Крестителем. Иоанн сам крестил всех приходящих к нему и при своей жизни не имел в этом деле помощников из своих учеников, между тем как Иисус Христос, установив Свое Крещение, совершал его посредством избранных Им лиц, и оно сохраняло свою силу, чьими бы руками ни было совершено. Иисус Христос, совершая Свое Крещение руками Своих учеников, приучал через это мир взирать на них как Своих служителей, раздающих тайны Божий. Святой Иоанн, не искавший своей славы, посылал к Иисусу многих из тех, которые приходили к нему, в ком видел он лучшие душевные расположения, кого почитал достойным того, чтобы вступил он в общество Господа Иисуса[40].

Когда солнце восходит на горизонте, денница (заря) незаметно меркнет. Так Солнце правды – Господь Иисус Христос – с самого вступления Своего на общественное служение постоянно возрастал во мнении народном, а денница Его – святой Иоанн – начинал умаляться. Чудеса, которые творил Господь Иисус, и учение, которое Он проповедовал, привлекали к Нему целые толпы слушателей; к Нему же приходили со всех сторон принимать и установленное Им крещение, совершавшееся Его учениками. Святой Иоанн Предтеча радовался такому возрастанию Христа Спасителя и заботился о том, чтобы народное стечение увеличивалось вокруг Господа. Правда, он не отказывался преподавать свое предуготовительное крещение желающим его; но при этом всегда давал понять, насколько крещение Иисусово выше его крещения, которое притом вскоре должно было и прекратиться, так как уже не имело основания к своему дальнейшему существованию.

Ученики святого Иоанна скоро заметили, что к их учителю меньше приходит слушателей, чем прежде, и в слепой привязанности к нему стали досадовать и завидовать Тому, Кого почитали виновником такого народного невнимания к Крестителю.

Нерасположенные к ним иудеи, и в особенности фарисеи, злобные враги Иисуса Христа и Его Предтечи, находили в этом обстоятельстве случай язвить учеников Крестителя и направлять зародившуюся в них зависть к тому, чтобы они побудили своего учителя не только ослабить те свидетельства, какие давал он касательно Лица Иисуса Христа, но даже отказаться от них.

Тогда у Иоанновых учеников произошел спор с иудеями об очищении, – говорит евангелист Иоанн (Ин. 3, 25). Об очищении – то есть о крещении. И Иоанн, и Иисус в глазах иудеев были пророками, оба они собирали вокруг себя учеников, оба крестили. Через учеников-то фарисеи и замыслили поссорить обоих

пророков, возбудив спор о том, чье крещение выше. И их замысел вполне удался. Вот как говорит об этом святитель Иоанн Златоуст: „Ученики Иоанновы всегда завидовали ученикам Христовым, даже самому Христу; когда же увидели, что они крестят, то начали говорить крещаемым, что их крещение заключает в себе нечто большее, чем крещение учеников Христовых, и, взяв одного из крещенных, усиливались убедить его в том, но не убедили“.

Враждебные ко Христу и Крестителю фарисеи обратились к ученикам Иоанновым как бы со следующими словами: вот у нас теперь два крестителя, которого же из них крещение лучше? Ученики Иоанновы, не проникнув в злостную цель вопроса иудеев, стали на стороне своего учителя. Не он ли первый, говорили они, открыл нам силу воды и первый начал крестить? И самому обряду крещения он научен не людьми и не через их посредство, а глаголом Божиим, бывшим к нему в пустыне; по Его велению он пришел и крестил вместе с другими и Того, к Которому теперь идет почти весь мир. Иудеи возразили: да сам учитель ваш не превозносил ли Его крещения перед своим? Не говорил ли: я крещу вас в воде, а Тот будет крестить вас Духом Святым и огнем? Не объявлял ли ваш учитель, что он недостоин даже развязать ремни Его сандалий? Ученики Иисусовы присоединили к этому, что крещение их Учителя засвидетельствовано многими чудесами, тогда как Иоанн не сотворил ни одного чуда, да и сам открыто исповедал, что он не Христос.

Не надобно удивляться тому, что ученики Иоанна выказывали теперь такое нравственное несовершенство и неведение, вступив в спор касательно действенности крещения их учителя и достоинства его лица в сравнении с Лицом Спасителя: их ослепляла глубокая сердечная привязанность к своему учителю, ими руководила пламенная ревность к его славе.

Не решив спора, ученики Иоанновы приходят к нему с тем, чтобы сам он вывел их из затруднения и защитил достоинство своего крещения. *Равви,* – говорили они Иоанну, – *Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот, Он крестит, и все идут к Нему* (Ин. 3, 26).

Ученики Иоанновы начинают с ним свою беседу необычным ласкательством: они называют его *учителем – равви,* чем, по свидетельству Спасителя, много утешались и гордились современные книжники и фарисеи. Почтив святого Иоанна именем „равви“, какое обыкновенно давали иудеи только знатокам закона, ученики его надеялись настолько расположить его к себе, настолько повлиять на его дух, чтобы он решился превознести себя над Иисусом. Уже из того, как они в своей речи называют Христа *Тот, Который был с тобою… и о Котором ты свидетельствовал* видно, как успели их настроить против Него иудеи – они даже не называют Его по имени. Эти слова означают: „Тот, Которого ты крестил, Который, как и мы, был твоим учеником, Которого ты сделал знаменитым – он осмеливается делать то же, что и ты“. В своем раздражении они забывают даже и о том, *что* именно их святой учитель свидетельствовал об Иисусе.

Хитрый вопрос учеников Иоанновых дал Предтече случай сказать новое, торжественное, полное глубокого пророческого прозрения свидетельство о Христе. Он с удивительным спокойствием, смирением и глубиной духа раскрывает перед учениками все величие лица Христова и Его служения сравнительно с собой и своим служением.

Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба (Ин. 3, 27), – говорит Иоанн в ответ своим ученикам. Он хочет сперва поразить их страхом и показать, что они, враждуя против Иисуса, враждуют не против кого-либо другого, а против Самого Бога. Смысл слов Предтечи такой: все здесь, на земле, делается по воле Божией, всякие дарования, всякое положение человека, всякий успех в этом Царстве Божием – все основывается на свободной воле и Божием определении. Поэтому нужно покоряться этой воле Божией, смиряться перед орудиями этой воли и в этом находить духовное свое успокоение, а не ревновать и завидовать успехам других. Ни я не могу принять на себя такого служения, какое не дано мне Богом, ни Иисус, о котором вы говорите. Если же Он так действует, то, значит, по воле

Божией. Если дела Иисуса славны и все идут к Нему, удивляться этому не должно, ибо таковы дела Божественные, и совершавший их есть Бог, иначе Он (Иисус) никогда не возмог бы совершить столь великих дел.

Далее, слова учеников своих: *(Тот, о Котором ты свидетельствовал),* какими они хотели умалить Христа, Иоанн обращает против них же самих.

Для более наглядного и более сильного обозначения своего отношения к Иисусу Христу Предтеча пользуется прекрасным образом отношения Бога к обществу верных – образом жениха. *Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостию радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умаляться* (Ин. 3, 29–30).

Друг жениха – это было важное и необходимое лицо при браке у евреев. Вначале, при сватовстве, он вел все переговоры между женихом и невестой и ее родителями; при совершении брака он был главным распорядителем праздника. Он был самым доверенным и близким к жениху лицом, знал все его тайны и искренно ему сочувствовал и сорадовался; но в то же время он был всегда в отношении к жениху лицом второстепенным, как бы подчиненным. Невеста есть то небольшое общество, которое предуготовил Креститель в Израиле, чтобы привести оное ко Христу, как невесту к жениху. Называя себя образно другом Жениха, Иоанн через это показывает свое близкое, духовное отношение ко Христу и основанной Им Церкви, но в то же время и свое второстепенное положение. Главное лицо – Жених, Мессия, Иисус; а он, Иоанн, – только друг Жениха.

Предтече Господнему предназначено было научить нас, что Иисус Христос есть Истинный Жених, а что возлюбленная Его невеста, которую приобрел Он Своею кровью, есть Церковь, т. е. христианские души. Эта невеста бесконечно ниже Его, но по бесконечной любви Своей к ней Сын вечного Царя пришел к ней с Неба и претерпел за нее смерть.

Слыша такую неожиданную речь, ученики Иоанновы, ревнивые к его славе, и фарисеи, ненавидевшие его, должны были прийти в смущение и сожалеть, что своим хитрым вопросом они только открыли Предтече новый случай прославить Иисуса Христа, дать новое свидетельство о Его Божественности. Иоанн и теперь, как всегда, явился достойным другом Небесного Жениха, верным и неизменным.

Заканчивая сравнение себя с другом Жениха, Предтеча сказал: *Ему должно расти, а мне умаляться.* Друг жениха в начале отношений между женихом и невестой был главным действующим лицом, *являлся* на первом плане. Но чем более начинали развиваться отношения между женихом и невестой, тем более умалялось его значение, с бракосочетанием жених вступал в права мужа, и дело друга женихова оканчивалось. Так и в отношении Иоанна ко Христу: он был главным действующим лицом в приготовлении народа иудейского к принятию Христа, он перстом указал народу пришедшего Мессию. Христос вступил в права мужа: – дело друга женихова окончено. Христу долженствовало возрастать, а Иоанну – умаляться. Без сомнения, святой Иоанн не умалялся ни в сообщенных ему дарах благодати, ни в своих добродетелях, но постоянно возрастал в них. Христос, со своей стороны, не мог возрастать Сам в Себе благодатью и добродетелями. Ему предстояло возрастать перед очами людей через Свое учение и чудеса, через благоговение, которое день ото дня более и более проявлялось в сердцах иудеев, спешивших и слушать Его, и принимать Его крещение. Ему предстояло возрастать и через Свою Крестную смерть, Свое воскресение и вознесение на Небо. Таким только образом приобрел Он Себе имя выше всякого имени.

Как же умалялся святой Иоанн Креститель? Кирилл Александрийский отвечает: „Предтеча не уменьшался ни сам в себе, ни во мнении людей, но только в сравнении с Христом“. „Иоанн Креститель, – говорит святой Амвросий, – назван светильником. Светильник бледнеет, когда начинает блестеть солнце. Так и Предтеча казался уменьшающимся в сравнении с Христом“.

Указывая на свою любовь к Христу, Предтеча никогда не забывал своего смирения перед Ним. Как бы опасаясь, чтобы слова его о том, что он самый близкий друг Жениха, не вменены были ему в высокую почесть, святой Иоанн спешит объявить, что между ним и Христом существует такое расстояние, которое исключает всякую возможность сравнения: *Ему предстоит возрастать, а мне умаляться.*

Беседа Предтечи со своими учениками, дышащая нежной любовью к Сыну Божию, до сих пор имела преимущественной целью возбудить и в них расположение к Иисусу. Святой Иоанн прямыми словами не обязывал своих учеников последовать за Иисусом и присоединиться к Нему, потому что они сами по себе должны были прийти к тому своей свободной, независимой, непринужденной верой. Свидетельство Предтечи было довольно ясно для того, чтобы они могли дойти до такой веры.

Чтобы окончательно рассеять те предубеждения, какие еще имели в своей душе ученики его о преимуществе своего учителя перед Иисусом, Предтеча продолжил свою беседу, сравнивая уже не крещение свое с крещением Христовым, как делал это неоднократно прежде, но Лицо и учение Спасителя с тем, чему он мог научить их сам и что передано им пророками.

Показывая своим ученикам, почему расположение народа к Иисусу, доверие к Нему и слава Его возрастают день ото дня более и более, Креститель поучает, что Христос неизмеримо выше всех людей, выше его, выше самих Ангелов: *приходящий свыше,* то есть из недр Отца, *и есть выше всех* сотворенных разумных существ. После этого Предтеча показывает, какое бесконечное различие находится между ним и Иисусом Христом. Христос, по своему Божескому естеству, пришел свыше; между тем как он, Иоанн, будучи только человеком и имея свое происхождение от земли, должен быть почитаем только как земное лицо.

Итак, Иисус крестит и все идут к Нему, потому что Он Христос, пришедший с Небес, и Ему, как Высшему, должны быть подчинены все люди.

После этого, сравнивая учение Иисуса Христа с учением собственно человеческим, Предтеча указывает, что учение Христово бесконечно превосходит всякое учение человеческое. Тот, кто имеет свое происхождение от земли, может быть и учителем только земным; рожденный на земле и получивший земное воспитание, он никогда не может возвыситься до проникновения тайн небесных. Он может постигать только земное, а потому и говорить может только о земном, не способен сам по себе преподавать учение небесное. Но Иисус, как пришедший с Небес, преподает и учение небесное, и преподает потому, что Он все это Сам видел и слышал.

По объяснению Златоуста, Иоанн Предтеча так говорит по своему смирению, то есть называет себя человеком, сущим от земли, и свое учение, земным по сравнению с Христом и Его учением.

Причина возвышенности учения Христова – то, что Он свидетельствует обо всем, „еже виде и слыша“. Он видел все при свете знания безграничного. Он слышал обо всем из уст Отца, потому что получил мудрость Отца через предвечное Свое от Него рождение. Все, что знает Сын, Он знает от Отца, с Которым Он единосущен.

И между тем, – продолжает Креститель, – *никто не принимает свидетельства Его.*

Никто же приемлет – выражение усиленное, выражающее глубокую скорбь Предтечи о малом еще числе принимающих учение Господа. Ученики Иоанновы в ревнивом чувстве о славе своего учителя говорят, что *все идут* к Иисусу; а Креститель в ревности о славе Господа говорит, что *никто не принимает* свидетельства Его. Казавшееся ученикам его *многое,* Крестителю представляется *ничем* в сравнении с тем, что долженствовало быть!

Принявший свидетельство Иисуса, – продолжает святой Иоанн, – *сим запечатлел, что Бог истинен* (Ин. 3, 33).

Тот, Кто принял свидетельство Христово, тот выражает его словами, чтобы открыто перед всеми заявить, что оно от Бога. Поэтому Предтеча и присовокупил: *ибо Тот, Которого послал Бог, говорит слова Божий* (Ин. 3, 34). Итак, тот, кто верует Его словам, с полной достоверностью утверждает, что Бог говорит истину; ибо все, что сказано Христом, изошло из уст Божьих. Следовательно, тот, кто принимает свидетельство Спасителя, утверждает, как печатью, что Бог есть Истинен, ибо Сын есть Истинный Бог по естеству.

Особая сила заключается в словах Предтечи: „Тога, *Которого послал Бог“.* В Святом Писании Мессия обозначается весьма часто таким названием; потому что Он был предметом чаяния всех языков. Итак, Тот, Которого Бог обещал за столько веков людям и Которого Он послал как Спасителя, *говорит* только *слова Божий,* ведь Он рожден от Бога, Своего Отца. И хотя Он был *послан,* Он пришел на землю добровольно, по внушению Своей собственной любви к грешникам, которым даровал Он спасение, Сам сделавшись человеком. Поэтому дана Ему и благодать без определенной меры, не так, как другим людям, так как Бог без меры не дает Святого Духа ни пророкам, ни апостолам, но разделяет Его дары каждому, не сообщая одному лицу всей их полноты. И только в отношении к Христу *Бог не мерой даровал Ему Духа.*

Креститель, указав ученикам своим, что Христос получил дары Святого Духа во всей их полноте, и показав, что Он бесконечно выше его, Иоанна, присовокупил, что Христу все предано от Отца в полную власть: *Отец любит Сына и все дал в руку Его* (Ин. 3, 35).

Причина такого дара – любовь. Бог Отец возлюбил Сына и даровал Ему мир и все, что есть в мире, на небе и на земле. Он дарует земным царям часть мира размеренную и определенную, а Христу даровал всю вселенную, без меры и без предела.

Говоря: *Отец любит Сына, и все дал в руку Его,* Предтеча как бы так вещал своим ученикам: мы все естеством чада гнева, а Иисус Христос есть Сын Отца Небесного Единородный и Возлюбленный. Отец Небесный все отдал во власть Его, чтобы мог Он даровать верующим в Него возможность всем пользоваться для своего спасения. Как же мог бы я по вашему желанию воспрепятствовать Ему совершать дело вашего же спасения? Как я, верный друг Его, дерзнул бы сделать что-либо противное Ему?

Поскольку ничто так не способно обязать людей веровать тому, в чем хотят их убедить, как представление благ, какие их ожидают, или бедствий, какие могут их постигнуть, то и святой Иоанн пользуется таким же средством, чтобы возбудить в своих учениках веру во Христа Спасителя. *Верующий в Сына,* – говорит он, *имеет жизнь вечную.* Только через веру вселяется в нас Тот, Кто есть Жизнь; Христос оживотворяет тех, которые веруют в Него.

А неверующий в Сына не у видит жизни. Неверующий в Иисуса Христа как Искупителя не увидит и в последующей жизни Того, Кто есть свет и жизнь душ человеческих. Чтобы сподобиться такой жизни, должно веровать не только в Единого Бога, но и в Его Сына, Который пришел в мир и дал всем тем, которые приняли Его и уверовали во имя Его, власть быть чадами Божьими. Итак, тот, *кто не хочет веровать в Сына, не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем.* Не сказал Иоанн: „гнев *ожидает его“,* но: *пребывает* на нем», показывая этим, что гнев Божий никогда не отступит от него; Иоанн употребил такое выражение, которое означает непрестанное мучение неверующих.

Около полугода с тех пор, как Господь Иисус Христос начал творить и учить – святой Его Предтеча продолжал свое пророческое служение с полной свободой.

Враги его, преимущественно фарисеи, хотя были многочисленны и сильны, не осмеливались открыто остановить его в великом его деле. Может быть, они давно уже в нечестивом своем совете решились погубить дерзновенного обличителя их пороков и заблуждений, но не исполняли своего злого намерения потому, что боялись народа, который не скрывал своего глубокого благоговения к великому пророку.

К тому же и час, назначенный для того Провидением, не пришел: посланничество святого Иоанна еще не было выполнено, его служение не вполне совершилось. Впрочем, час этот был уже близок. Путь Господу был уже приготовлен. Наступило время, когда воплотившийся Сын Божий должен был начать открытое служение роду человеческому, так как до этого были только начатки Его проповеди, сопровождаемые немногими чудесами. Господь Иисус раньше как бы избегал полной о Себе гласности, «для того, – говорит Златоуст, – чтобы народ не разделился на две части, из которых одна принимала бы Его учение, а другая следовала бы учению Иоанна. Премудро было устроено, что Иисус начал открытую Свою проповедь после заключения Иоанна в темницу; ибо нужно было, чтобы Евангелие в порядке следовало за законом и пророками, которые оканчивались вместе с Иоанном»[41].

Слава быть гонимым от иудеев предстояла Крестителю. Действительно, святой Иоанн заключен был в темницу и убит по козням и настоянию фарисеев. Ирод не мог и не осмелился бы взять под стражу святого Иоанна, если бы на то не было согласия и содействия фарисеев, в то время могущественных. Фарисеи внушили Ироду опасность восстания, которое слабому тетрарху представилось вероятным по тому доверию, какое иудеи имели к Крестителю, и по многочисленности собиравшейся вокруг него народной толпы. По козням и содействию фарисеев святой Иоанн Креститель предан был Ироду Пилатом, под верховной властью которого Ирод тогда находился. Спаситель предсказал, что Его подвергнут страданиям те же самые люди, которые преследовали и святого Иоанна – начальники народа, первосвященники и старейшины. На вопрос апостолов об Илие, который, по преданию, должен был приготовить народ к пришествию Мессии, Господь свидетельствует: *Говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели – так и Сын Человеческий пострадает от них* (Мф. 17,12).

Ирод Антипа был в супружестве с дочерью Ареты, владетеля каменистой Аравии и князя пустынных племен, с которыми Ирод Великий долгое время вел войну. Утомленный этой войной, не приносившей ему ни выгоды, ни славы, Ирод Великий заключил с Аретой мир, предложив ему семейный союз, и торжественно принял в Иерусалиме арабскую княжну в качестве жены своего любимого сына Ирода Антипы. Немало времени жила эта аравитянка со слабым и изнеженным своим мужем как верная ему жена и преданный друг.

А соблазнительница Ирода Антипы Иродиада была дочь Аристовула, сына Ирода от Мариамны, происходившей из дома Маккавеев. Еще очень молодой Иродиада отдана была в замужество, основанное на семейных и государственных расчетах, за своего дядю Филиппа – сына Ирода от другой Мариамны, дочери иерусалимского первосвященника. Тайная ожесточенная вражда существовала между потомством этой Мариамны и Мариамны-маккавеянки. Ирод, может быть, надеялся утишить эту вражду в своем семействе посредством женитьбы своего сына от первой Мариамны на внучке от второй; но последствия этого брака были печальные: молодая и честолюбивая Иродиада презирала своего мужа, который был вдвое ее старше и стоял ниже ее и по способностям, и по крови. Впрочем, она имела от него дочь Саломию.

По завещанию Ирода, утвержденному Августом, Филипп оказался лишенным царственного наследства: ему не было выделено ни одной области, ни одного города. Он переехал в Рим и жил там как частный гражданин. Для Иродиады эта жизнь была невыносима. Рожденная во дворце, она желала жить и блистать в царских чертогах. Невольно тогда обратила она все внимание свое на Ирода Антипу. Муж ее был сравнительно беден, а Антипа богат; муж ее не имел никакого значения в свете, а Антипа был тетрархом галилейским и мог быть царем в Иудее. Иродиада пламенно желала быть царицей и решилась сделаться женой Антипы, который легко попался в ее сети.

Правда, это дерзкое желание нелегко было выполнить: Филипп был жив, и, хотя бы Иродиада получила от него свободу выйти замуж снова, Антипа, как родной брат ее мужа, был одним из таких лиц, с

которыми для Иродиады брачный союз был невозможен. Законом Моисеевым положительно запрещено было брать в супружество жену своего брата не только при его жизни, но и когда умрет он не бездетным. С другой стороны, при жизни мужа обычай запрещал жене домогаться развода. Муж мог отослать от себя свою жену, но если бы жена сама отвергла своего мужа, это было бы для нее позором. Наконец, Антипа хотя и мог иметь не одну только жену, но ни его первая жена (дочь Ареты), ни сама Иродиада не были из числа таких женщин, которые бы потерпели соперницу на владетельном троне.

Эти затруднения разрешил легко и скоро сам Антипа. По своим делам прибыв в Рим, он остановился в доме своего брата. Страсть к Иродиаде вспыхнула в нем, и, очарованный ее ласками и красотой, Антипа решился сделать ее своей женой. Будучи саддукеем, воспитанный в духе тогдашнего языческого Рима, Антипа не задумался над нарушением Моисеева закона; знал он также, что иудейские хранители закона приучены его отцом к молчанию в подобных обстоятельствах, а с народной молвой надеялся ужиться. Труднее для Антипы был вопрос касательно своей жены, дочери Ареты. Антипа знал, что, отослав ее от себя без всякой вины, он глубоко и неизгладимо оскорбит ее отца; но, ослепленный страстью к прекрасной своей племяннице и, может быть, в надежде на наемное войско и римскую помощь, Антипа пренебрег и гневом Ареты. Решено было, что, когда Антипа возвратится домой, Иродиада уйдет тайком от своего мужа из Рима, встретится с Антипой в Тивериаде, и планы приведутся в исполнение.

Дочь Ареты узнала о составившемся против нее заговоре еще до приезда Иродиады в Тивериаду и решилась бежать из дворца, где ее могли погубить или кинжал, или яд. Известив отца о своем положении, она заблаговременно собрала все сокровища, будто бы в намерении прожить несколько времени в крепости Махере. Когда прибыла из Рима Иродиада и остановилась в Тивериадском дворце, дочь Ареты поняла, что время ее бегства наступило. Затаив кипевшую в сердце злобу, она испросила у Антипы дозволение переехать на время в перейскую его резиденцию и с улыбкой на устах в сопровождении царской свиты оставила сделавшуюся ей ненавистной Тивериаду. На границе пустыни, среди моавитских гор, ее встретили арабские вожди, друзья ее отца. Перейдя к ним и оставив свою притворную веселость, громко и грозно перед лицом всех провожавших ее придворных Ирода стала она обвинять соблазнительницу своего мужа и преступную его неверность и предала себя и свое дело правосудию Божию…

А преступная чета тем временем радовалась ее отъезду, давшему полную свободу привести в исполнение заветные свои планы, и скоро несмотря на то, что Арета напал со своим войском на Перею в отмщение за обиду своей дочери, Антипа объявил Иродиаду своей женой и образовал для нее придворный штат в своем золотом Тивериадском дворце.

Вступив в беззаконный брак с Иродиадой, Антипа допустил двойное преступление: прелюбодеяние, взяв за себя жену от живого мужа, и кровосмешение, женившись на супруге своего живого родного брата. Говор об этом браке пошел по всей Галилее, Самарии и Иудее; но льстивые иудейские книжники и фарисеи не осмеливались выступить перед тетрархом со своим обличением. Предтече Господнему как новому Илии предназначено было обличить нового Ахава и смирить новую Иезавель.

Святой Иоанн говорил с необыкновенной смелостью с иудейским народом, привыкшем проливать кровь своих пророков. Оставалось дать строгий урок галилейскому тетрарху, и святой Иоанн сделал это с благородной свободой и, по словам Златоуста, так мало имел страха, что как будто бы беседовал с ребенком! Ему небезызвестно было, чего можно ждать от злой царицы; он знал, что его ревность должна была простереться до того, чтобы предложить ей сойти с престола и выйти из пышного дворца, ей, женщине гордой и сильной! Но ревность по Богу горела в великом пророке, и при исполнении данного ему свыше поручения он считал уже за ничто преследования, какие ему предстояли! Порок, который могла терпеть вся иудейская синагога, один он хотел так грозно обличить, чтобы тетрарх понял всю глубину

своего падения, а слабые научились не соблазняться подобными делами!

Но пламенная ревность Предтечи Господня по Богу и спасению душ человеческих всегда была в нем управляема духом мудрости, без которой всякая ревность теряет свою цену. И эта мудрость святого Иоанна не могла дозволить ему, явившись перед тетрархом галилейским, с первого разу и прямо обратиться к нему со следующими словами: *тебе не позволительно иметь супругой жену брата твоего Филиппа!*

Из евангельского повествования видно, что Ирод охотно, *в сладость,* слушал беседы святого Иоанна и многое делал по его совету. Известно также, что святой Иоанн обличал Ирода не только за его кровосмесительный союз, но и за все другие преступные его дела. Итак, святой Иоанн вначале внушил тетрарху уважение и почтение к себе и имел благотворное влияние на его душу. Непоколебимая правда и святая жизнь Крестителя с одной стороны, с другой – слабохарактерность Ирода и открытая перед всем Израилем соблазнительная жизнь его не позволяли ему никаких возражений на справедливые обличения, какие приходилось ему выслушивать из уст пророка Божия. Может быть, Антипа надеялся успокоить своего неподкупного судью тем, что следовал его советам и исполнял его благие внушения. Но когда святой Иоанн с обычной своей твердостью стал обличать преступный союз тетрарха с Иродиадой и открыто требовать, чтобы он удалил ее от себя, Антипа изменил свое отношение к Иоанну и решил освободиться от него. Между тем, глубокое уважение и благоговение народа к Крестителю как великому пророку Божию и опасение возбудить против себя общественную ненависть и мщение побуждали слабого царя скрывать до времени свои злобные замыслы против обличителя.

Можно думать, что прелюбодейная царица была душой всех интриг, какие в тайне измышлялись против Крестителя; но, как ни велика была ее дерзость и нетерпеливо желание отомстить за свою посрамленную гордость, Иродиада не могла быстро найти возможность избавиться от праведного, но ненавистного ей обличителя, не могла употребить против него открытой силы. Ирод за свою хитрость прозван был лисицей: он мог предвидеть опасность, какая грозила ему, если бы он решился немедленно исполнить кровавое желание жестокой Иродиады; он предугадывал, что после этого ему уже нельзя было бы удержать общественного благоприятного о себе мнения или, по крайней мере, заставить умолкнуть неприятный народный говор; потому он и оберегал Крестителя. По свидетельству евангелиста Марка, прежде заключения святого Иоанна в темницу Ирод боялся его как человека праведного и святого и защищал его, чтобы он не сделался жертвой ненависти Иродиадиной; он страшился также и вызвать на себя гнев небесный за смерть невинного пророка Божия. Впоследствии, раздраженный настойчивыми обличениями святого Иоанна, ослепленный страстной привязанностью к Иродиаде и возбужденный неотступными ее просьбами, Ирод приказал заключить святого Иоанна в темницу, чтобы он уже не мог ни являться перед ним с обличениями, ни проходить по всей его области и всюду порицать его беззаконную жизнь. Это случилось, может быть, через полгода после крещения Спасителя.

Вероятно, заключение в темницу такого всеми уважаемого лица, как Иоанн, было нелегко, потому что можно было опасаться народного негодования и мщения. Ирод, как ни был силен в своей области, должен был прибегнуть к предосторожности, чтобы заточить святого Иоанна. Действительно, евангелисты Матфей и Марк ясно говорят, что святой Иоанн *был предан.* Основательно то мнение, что в предании Иоанна принимали участие фарисеи, которые, видя, как народ привязан был к святому Иоанну и со всех сторон стекался к нему, опасались, чтобы это не возмутило римлян, и потому тайно предали его Ироду, чтобы он приказал его умертвить[42].

Итак, святой Иоанн Креститель был взят и скован как преступник и по распоряжению Антипы был отведен стражей в крепость Махер, находившуюся на самой границе с Аравией, на северо-восточном берегу Мертвого моря у горы Небо. Как адский призрак возвышалась эта крепость среди песчаной равнины на фоне Мертвого моря. Раввины называли Махер *Черной* крепостью и *Печью* по причине черного

асфальтового грунта и горячих ключей, которые струились из него и дымились. После Иерусалима это было лучшее укрепленное место. Царь Ирод построил эту крепость для того, чтобы она была сборным пунктом его войск против арабов и вообще страшилищем для всех соседних кочевых племен. Природа защищала эту крепость глубокими рвами. У подножия холма крепости лежал нижний город, окруженный со всех сторон выступами высоких скал и в промежутках обнесенный стенами. По углам крепости построены были высокие башни. Среди цитадели возвышался богатый полузамок-полудворец, куда нередко приезжал тетрарх со своим двором, особенно во время войны с соседними кочевыми племенами.

В планы хитрого и жестокого тирана входило то, чтобы первоначально заставить народ мало-помалу забыть о святом Крестителе. К этому вели два средства: тесное и продолжительное заключение святого Иоанна в темнице и возбуждение к нему недоверия через распространение клевет, какие только можно было придумать.

Исполнение первого плана достигалось тем, что святой Иоанн уведен был из тех мест, где народ к нему стекался, и заключен был в такой крепости, откуда ученикам не было никакой возможности его вывести или совершить открытое нападение. Ирод не мог назначить какого-либо судебного процесса против святого Иоанна, потому что неподкупная правда и святость Иоанна была признана всеми его врагами; процесс бы только обесславил обвинителей. Оставалось – безопаснее и прямее – скрыть святого Иоанна как можно дальше от глаз и слуха людского.

Чтобы поколебать доверие к нравственным достоинствам Крестителя, придумано было, без сомнения, множество обвинений, какие и разглашали в народе. Вероятно, не забыли и тех нареканий против святого Иоанна, какие придуманы были фарисеями, разглашавшими в народе, что Иоанн *беса имать.*

После того как Иоанн отдан был под стражу, Господь Иисус, услышав об этом, оставил Иудею и пошел в Галилею. К этому побудило Его, вероятно, то, что Он предвидел для Себя опасность от фарисеев, до которых дошел слух, что Он приобретает больше учеников и больше крестит, нежели Иоанн (хотя не Сам Господь Иисус крестил, а ученики Его). Посетив Самарию, Кану Галилейскую, Господь поселился в Капернауме и начал проповедовать Евангелие о Царствии Божием. Призвав четырех учеников, Господь на праздник Пасхи отправился в Иерусалим. Здесь по исцелении расслабленного Он сказал сильную речь в обличение и вразумление иудеев, обвинявших Его в нарушении субботы и не понимавших Его великих дел и Его Божественного учения. В своей речи Господь сослался, между прочим, на свидетельство о Нем Иоанна, сидящего в темнице, и при этом случае отозвался о нем: *Он был светильник горящий и светящий, а вы хотели малое время порадоваться при свете его* (Ин 5, 35). Иоанн был пророк, а пророки у иудеев уподоблялись светильникам, сияющим в темном месте; он светильник горящий, поскольку пламенеет любовью и ревнует о том, чтобы и другие сердца теплились любовью; он светильник светящий, поскольку учением и добродетелями разливает свет вокруг себя, указывая, какими стезями надо идти к вечному спасению. Иоанн имел свет не от самого себя, но от благодати Духа, а иудеи отнеслись к нему легкомысленно, показали усердие только временное и нетвердое, слушая проповедника покаяния как бы для развлечения. Иудеи как дети забавлялись и тешились светом светильника вместо того, чтобы обращать в пользу наставления его; они забавлялись светом недолго и, как дети бросают наскучившую им игрушку, так и они, наскучив строгим учением Предтечи, проводили учителя покаяния в темницу.

Как ни крепко и тесно было заключение святого Иоанна в Махерской темнице, однако дозволено было ему видеться и беседовать со своими учениками. В древности на Востоке не было особенных общественных зданий для заключения преступников. Для этой цели обыкновенно отводилось место при домах судей, особенно главных. Иногда важные арестанты содержались под стражей при дворцах самих правителей и пользовались некоторого рода свободой.

Ученики Предтечи сохранили к нему свою глубокую привязанность, приходили к нему, беседовали с ним и сообщали ему обо всех замечательных происшествиях того времени. Нет сомнения, что среди своих бесед святой Предтеча направлял умы и сердца своих учеников к Тому, о Ком и прежде свидетельствовал он как о Мессии Искупителе; но слова Иоанна неодинаково действовали на сердца чрезмерно преданных ему учеников. Как и прежде, некоторые из них доверчиво принимали слова Великого Пророка и последовали за Господом Иисусом; но другие, в слепой привязанности к Иоанну принимая слова его только за выражение глубочайшего смирения, не только не соглашались почитать его низшим Иисуса, но даже думали, что всем своим возвышением Иисус обязан Иоанну… Между тем, пламенно любимый их учитель находился в темнице, в уничиженном положении; народная молва о нем смолкала, а слава Иисусова возрастала более и более; слух о чудесных Его действиях разносился всюду; может быть, некоторые из них были свидетелями дивных дел Иисусовых… Все это скорбно действовало на ревнивые к славе своего учителя сердца учеников Иоанновых. После воскрешения Иисусом сына вдовы наинской всех многочисленных свидетелей этого необыкновенного чуда Его *объял страх; все славили Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой* (Лк. 7, 16). Под таким впечатлением, может быть, и некоторые из учеников Иоанновых начинали думать, не Мессия ли в самом деле этот дивный чудотворец. Но чрезмерное пристрастие их к своему учителю подавляло возникавшую в них веру. Пророк Божий видел душевное состояние своих учеников, предвидел и близкую свою кончину. Это возбудило в его душе сильное опасение, чтобы ученики его из слепой любви к нему не остались в состоянии неверия в Иисуса Христа, и потому он поспешил воспользоваться представившимся случаем, чтобы утвердить в своих учениках неизменное свое учение о Лице Иисуса Христа, но уже не одними только своими словами, а собственным их свидетельством дел Иисусовых. «Ученики Иоанна, – говорит святой Златоуст, – почитая Иисуса простым человеком, а Иоанна более, нежели человеком, с досадой смотрели на то, что слава Иисусова возрастала, а Иоанн, как сам о себе говорил, приближался уже к концу. Все это препятствовало им прийти к Иисусу, так как зависть преграждала доступ. И хотя Иоанн, пока находился с ними, часто их вразумлял и учил, впрочем, и тем не убедил. Когда же приближался уже к смерти, еще больше заботился и опасался, чтобы они не остались навсегда отлученными от Христа. Если бы он продолжал говорить: „Подите к Нему, Он лучше меня“, то этим не убедил бы людей, которые были привязаны к нему самому; напротив, они подумали бы, что он говорит так из скромности и прилепились бы к нему еще более. А если бы стал молчать, опять ничего бы не вышло. Что же он делает? Выжидает случая от самих услышать, что Иисус творит чудеса; и тут сам не дает им советов и посылает не всех, но только двоих, о которых, может быть, знал, что они способнее других уверовать, дабы они из самых дел увидели разность между ним и Иисусом. И потому говорит: *подите и скажите: Ты ли еси грядый, или иного чаем* (Мф. 11, 3)».

Таким образом, смысл вопроса учеников Предтечи, с каким обратились они к Иисусу Христу по указанному изъяснению святых отцов и учителей Церкви, такой: «Иоанн Креститель послал нас к Тебе, говоря: „Я знаю, что Ты Мессия; это я доказал своими о Тебе свидетельствами; но народ еще не знает этого.

Итак, для чего же Ты медлишь вразумить его и объявить Себя таким? Кто Ты? Дай о Себе свидетельство ясное и для всех очевидное; покажи Своими делами, что Ты Христос и что иного и ожидать не должно!“»

Спрашивают: для чего святой Иоанн послал к Иисусу Христу учеников своих с вопросом, а не с просьбой прямого объяснения? Отвечают: так святой Иоанн сказал действовать для того, чтобы избежать какой-либо укоризны или подозрения в ласкательстве, для того, чтобы вызвать со стороны Иисуса прямой и положительный ответ и усилить доказательство того, что Он – Мессия.

Спрашивают еще, почему святой Иоанн не спрашивает Иисуса Христа: «Ты ли Тот, Который пришел»,

а: «Ты ли Тот, Который должен прийти?» По изъяснению толковников, слова эти надо понимать так: Ты, о Котором слышал я как о величайшем чудотворце, Ты ли Тот, который должен прийти, Тот, пришествие Которого предсказано пророками? Ты ли Тот Мессия, о будущем пришествии Которого возвестили пророки, или мы должны ожидать другого Спасителя?

Так как все иудеи из Божественного откровения знали, что Христос должен некогда родиться, так как явления Его ожидали давно, а особенно в это время, и так как были уверены в скором явлении Мессии, то и назывался Он просто *Грядущим, или Имеющим, или Долженствовавшим придти.* И из Евангелия мы видим, что свидетели чуда умножения хлебов восклицали: *это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир* (Ин. 6, 14; Втор. 18, 15,18).

Из Евангелия видно, что Господь Иисус Христос во время Своего земного служения не объявлял о Себе открыто и определенно, что Он – Мессия. Такое объявление сделано было Им только однажды – по требованию неправедных Его судей, в Синедрионе. Недоверчивые иудеи обращались к Нему с такими вопросами: *долго ли Тебе держать нас в недоумении? Если Ты – Христос, скажи нам прямо]* но Господь Иисус в Своих беседах с ними предпочитал язык знамений и чудес. На подобное требование иудеев Он отвечал: *Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, – они свидетельствуют обо Мне* (Ин. 10, 24–25).

Не словами благоволил Господь Иисус ответить и посланным от Иоанна, а своими чудесами. Легко произносить слова, но творить истинные чудеса может только Бог.

Чудеса были знамениями, посредством которых Бог Отец указывал людям на достоинство Мессии – Своего Сына. Сам Иисус Христос говорил, что на *Нем положил печать Свою Отец, Бог* (Ин. 6, 27). Чудеса были как бы лучами Солнца правды, сокрытого под завесой плоти; посредством этих чудес оно сияло сквозь эту завесу и, оставаясь во мраке, было через них ясно видимо; они были знамениями могущества, Божественности и святости Христовой и означали, что Он был Истинный Мессия.

Предтеча Христов знал о злобном настроении фарисеев в отношении к Иисусу Христу; поэтому он и не спрашивает Его прямо: Мессия ли Ты? Известно, что современные Иоанну иудеи ожидали в лице Мессии могущественного царя-завоевателя; если бы Иисус принужден был ответить на подобный вопрос прямо, то враги Его воспользовались бы этим благоприятным случаем, чтобы обвинить Иисуса перед римлянами и предать Его смерти. Но так как час Его страданий еще не пришел, то и не угодно было Ему ответить открыто, что Он – Мессия. «Спаситель на предложенный Ему посланными от Иоанна вопрос не благоволил ответить, Он ли Тот, Который должен прийти, – говорит святой Кирилл Александрийский, – но указал на это множеством и величием Своих чудес, потому что в присутствии учеников Иоанновых Он сотворил чудес гораздо более, чем до этого. По свидетельству евангелиста Луки, Господь Иисус Христос *в это время многих исцелил от болезней и недугов, и от злых духов, и многим слепым даровал зрение* (Лк. 7,21)».

Чудеса, совершенные Иисусом, ясно указывали на то, что Он – Мессия. Правда, и древние пророки творили чудеса; но эти чудеса были не так поразительны и не так многочисленны. Пророки творили чудеса не своей силой, но во имя Божие и Божественной силой, которую испрашивали они своей пламенной молитвой; но Господь Иисус творил чудеса Своим собственным могуществом, что доказывалось и безусловной властью, с какой Он производил их, и количеством, в каком совершал их. Зная намерение, с каким Иоанн послал учеников, Иисус Христос совершил перед ними множество чудес, чтобы уверить сомневающихся. И, исцелив, говорил: *шедше возвестите Иоаннови, яже слышите и видите: слегши прозирают, и хромии ходят, прокаженнии очищаются и глусии слышат: мертвии восстают, и нищий благовествуют* (Лк. 7, 22).

Ученики Предтечи, видевшие чудеса, совершенные Иисусом Христом, в то же время были невольными свидетелями и тех чувств удивления и благодарности, какие возбуждены были в сердцах

свидетелей чудесных действий Иисуса. Одни из них говорили: *никогда ничего подобного не видно было в Израиле,* другие *славили Бога, давшего такую власть человекам,* третьи взывали: *Господь посетил народ Свой!* Словом, из уст всех возносилось прославление Великому Чудотворцу. Все это прямо отвечало намерениям святого Иоанна, с какими он послал своих учеников к Иисусу. Если бы Иисус Христос на вопрос Иоанна вместо чудес ответил ясно и определенно Своими словами, то это, по замечанию Златоуста, для учеников Иоанновых могло быть неприятно и могло навести на мысль, хотя бы они и не высказали ее подобно иудеям: *Ты Сам о Себе свидетельствуешь* (Ин. 8, 13)! Поэтому Он Сам не говорит того, а предоставляет им заключать обо всем из чудес, делая через то учение Свое неподозрительным и очевиднейшим.

Свою речь к ученикам Иоанна Спаситель заключает словами: *и блажен, кто не соблазнится обо Мне* (Лк. 7, 23)! «Через это, – говорит Златоуст, – Господь обличил учеников Иоанна тайным образом. Обнаружив их сомнение, предоставив его одной их совести и никого не сделав свидетелем этого обличения, кроме них самих, Он лишь больше привлек их к Себе, говоря: *блажен, кто не соблазнится обо Мне.* Ибо этими словами метил собственно в них».

Пораженные необыкновенными чудесными действиями, обличенные и уврачеванные от тяготившего их сомнения, ученики Иоанновы возвратились к своему любимому учителю с полной верой в Иисуса Христа и по кончине Предтечи присоединились к Его последователям.

Вопрос, предложенный учениками Иоанновыми Иисусу Христу, произвел впечатление и на окружавший его в то время народ. Так как народу известна была цель посольства учеников Иоанновых, то и вопрос их мог породить в нем много неуместных сомнений. «Многие, – говорит Златоуст, – могли рассуждать сами с собой и говорить так: тот, который с такой силой свидетельствовал об Иисусе, теперь переменил мысли свои и сомневается, этот или другой есть Грядущий. Не с тем ли намерением он спрашивает это, чтобы восстать против Иисуса? Или темница научила его быть осторожнее? Неужели он напрасно прежде свидетельствовал об Иисусе?»

Господь Иисус поспешил уничтожить подобное сомнение и подкрепить немощь народа. Так как было бы бесполезно оправдывать и прославлять Иоанна в присутствии его учеников, и без того ему преданных, то Господь начал Свою речь об Иоанне тотчас после их ухода. Но, исправляя сомневающихся, Он не обнаруживает их сомнения, а только разрешает смущающие их помыслы, показывая тем, что Он знает тайные мысли всех. Спаситель не укоряет их, но только исправляет их мысли и защищает Иоанна, показывая, что он не оставил и не переменил прежнего своего мнения. Ибо он человек не легкомысленный, не переменчивый, но твердый и постоянный и не может во вверенном ему быть неверен.

Что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? – вопрошает Господь Своих слушателей (Лк. 7, 24). Для чего, оставив города и дома свои, толпами текли в пустыню? Ужели для того, чтобы видеть какого-нибудь бедного и непостоянного человека? Нет, такое множество народа из столь многих городов не устремилось бы с таким усердием в пустыню, на берега Иордана, если бы не надеялось увидеть там великого, удивительного и твердого, как камень, мужа!

На берегах Иордана много растет тонкого, гибкого, легко колеблемого и небольшим ветерком тростника; этому тростнику подобны люди легкомысленные и переменчивые, которые говорят сегодня то, а завтра – другое и ни на чем не останавливаются. Неужели вы думаете, что такому тростнику подобен Иоанн, что мог он переменить свои мысли о Том, Кого прежде превозносил похвалами, называя Агнцем Божиим, вземлющим грех мира, а теперь стал спрашивать будто бы для себя же: *Ты ли Тот, Которому должно придти, или другого ожидать нам?* (Лк. 7, 20).

Что же смотреть ходили вы? Человека ли, в мягкия одежды одетого? Но одевающиеся пышно и

роскошно живущие находятся при дворах царских (Лк. 7, 25). Своим усердием вы доказали, что Иоанн не был по природе непостоянен; и того никто не может сказать, что он впоследствии сделался слаб, предавшись роскоши. Нося грубую одежду из верблюжьего волоса, он не поменял ее на легкую, мягкую, из тонкого льна; питаясь акридами и диким медом, он до сих пор не ищет никаких роскошных яств; привыкнув жить в пустынной пещере, он не нуждается в великолепных палатах, столь привлекательных для других людей. Нет, Иоанн – не раб роскоши! Если бы он хотел носить дорогие одежды, то жил бы не в пустыне и не в темнице, но в царских чертогах. Он одним молчанием мог бы достигнуть величайших почестей. Ведь если Ирод уважал его и тогда, как он обличал его и находился в узах, то тем более не стал бы подвергать его казни, если бы он молчал. Итак, могут ли падать подозрения на того, кто самым делом доказал свою твердость и постоянство?

Итак, *что же смотреть ходили вы в пустыню? Пророка ли? Так, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: се, я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою* (Лк. 7, 29). Иудеи отовсюду шли в пустыню иорданскую по молве, что там явился новый и чудный по своей жизни и проповеди пророк – Креститель; таким и впоследствии почитал народ Иоанна. Подтверждая это мнение, Господь говорит, что Иоанн даже более других пророков, и к собственному свидетельству иудеев присоединяет свидетельство пророческого писания. Почему же Иоанн больше пророка? «По своей близости к Пришедшему», – отвечает Златоуст. Назначение пророков было возвещать будущее пришествие Мессии; но сын Захарии послан был для того, чтобы указать людям Сына Божия, уже пришедшего в мир, и приготовить Ему путь в их сердцах[43].

Пророки получали от Господа дар прозрения в будущее, но крестить Воплотившегося Сына Божия – этого не дано было никому из предшествовавших Иоанну пророков. Многие пророки и праведники желали видеть то, что видел Иоанн, – и не видели, и слышать, что он слышал, – и не слышали.

Продолжая Свою речь к народу, Господь Иисус торжественно, с особым, как бы клятвенным подтверждением произнес: *Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя* (Мф. 11, 11). Он – самый высший из пророков (см.: Лк. 7,28).

Когда слышится хвала из уст людей, в душе нашей остаются еще некоторые следы неизвестности и сомнения; но когда Сам Господь прославляет человека, господствует истина во всей ее полноте, потому что нет судьи, равного Ему по всеведению и правосудию.

И какова должна быть слава Предтечи Господня, которому устами Самого Иисуса Христа произнесена полная и величайшая похвала? Сын Божий не только предназначил святого Иоанна быть верным свидетелем Своей Божественности, но Сам свидетельствовал о высоком нравственном его достоинстве!

Чтобы великие похвалы не породили неправильного мнения об Иоанне в иудеях, которые предпочитали его Христу, Господь предотвращает и это, прибавляя: но меньший в Царстве Небесном больше его (см.: Мф. 11, 11; Лк. 7, 28), т. е. сам Христос, меньший по возрасту и по мнению многих. Ведь о Нем говорили, что Он любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам и везде уничижали Его… Но, говоря о Себе Самом, Спаситель справедливо скрывает Лицо Свое, как по причине господствовавшего о Нем мнения, так и для того, чтобы не подумали, что Он слишком превозносит Себя.

Показав Своим слушателям, что в наступившем Небесном Царстве есть некто больший Иоанна Крестителя, и не желая через это давать народу повод думать, что Предтеча не принадлежит к этому Царству, Господь Иисус присовокупил: *от дней Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и у потребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Это новая похвала для Предтечи, новая черта превосходства его перед всеми пророками. Действительно, святой Иоанн первый сподобился чести проповедовать о наступившем Царстве Небесном, Царстве Мессии, и его проповедь была так действенна, что множество грешников принесли покаяние, крестились от него, изменили свою жизнь и всеми силами

старались достигнуть этого Царства.

Но что это за Царство, и скоро ли откроется оно? – часто спрашивали иудеи друг друга, не понимая его тайны, а между тем слыша из уст Предтечи проповедь о покаянии и приближении Небесного Царства. Господь Иисус Христос, восполняя учение Своего провозвестника, благоволил дать понять иудейскому народу, что это Царство наступило со времени пришествия Мессии, Который есть Царь этого Царства, и что вступить в него можно не иначе как через покаяние, как об этом проповедовал Иоанн Креститель. Царствие Божие среди вас проповедуется, и, следовательно, можно его взять как бы руками, восхитить. И действительно, его берут силой (как города – приступом) кающиеся грешники, которые обрекают себя на покаяние и трудную перемену всей своей нравственной жизни. И эта сила, эта стремительность людей к Царству Небесному началась со времени вступления Крестителя на проповедь.

Нельзя, впрочем, представлять, что до явления Крестителя можно было достигать Царства Небесного без покаяния, без усилий; для ветхозаветных, живших под законом, оправдание перед Богом было труднее, чем для христиан, которым от Божественной силы Христовой даровано все, потребное для жизни и благочестия, т. е. для достижения Небесного Царствия.

Это духовное стремление к Небесному Царствию, побеждающее все препятствия, продолжается, как бы говорит Господь, *доныне.*

Развивая полнее свою мысль и желая с новой стороны показать превосходство Предтечи над всеми ветхозаветными пророками, Господь говорит: *все пророки и закон прорекли до Иоанна* (Мф. 11, 13). Все ветхозаветные пророки были как бы предтечами сына Захариина; они скрыто провозвещали о Мессии и Его царстве; под образом земных благ прорекали о благах духовных и небесных. С явлением Иоанна, когда закончился ряд ветхозаветных пророков, через него объявлено было иудеям Царство Мессии не только близким, но уже наступившим, перстом указан был им Мессия и ясно представлено, в чем будет заключаться это Царство.

Евангелист Лука так передает слова Христовы: *Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовествуется* (Лк. 16,16). Златоуст говорит, что словами: *«закон и пророки до Иоанна»* Спаситель возбуждает Своих слушателей к вере в Него как пришедшего Мессию.

Для доказательства того, что Он есть Истинный Мессия и что уже нельзя ожидать другого, Господь Иисус приводит и другое доказательство, говоря: *и если хотите принять, он* (Иоанн) *есть Илия, которому должно придти. Кто имеет уши слышать, да слышит* (Мф. 11, 14–15)! По пророчествам и верованию иудеев пришествию Мессии должно предшествовать явление Илии. Пророк Малахия, действительно, предсказал, что второе Пришествие Мессии будет предварено Илиею, как верует и Православная Церковь; но иудеи не отличали двух пришествий Христовых сначала как Спасителя и Искупителя, потом как Судьи и Мздовоздателя. Чтобы вывести иудеев из заблуждения и дать им возможность видеть, что времена пророчеств кончились, Господь сказал им: *если хотите принять, он* (Иоанн) *есть Илия, которому должно прийти.* И, желая, чтобы Его слова поняты были правильно, Господь прибавил: *кто имеет уши слышать, да слышит,* – то есть пусть тот между вами, кто способен понимать не для всех доступный, таинственный смысл некоторых событий и значение некоторых священных лиц, пусть будет внимателен, пусть вспомнит и поймет, что если он верует словам Иоанна, который, как пророк предварив Мое Пришествие, утверждает, что Я – Мессия, и чтит Меня как Сына Божия и Спасителя мира, тот должен веровать и тому, что Я – Мессия!

Раскрыв перед Своими слушателями великое значение Своего Предтечи и Крестителя, Спаситель обращается к изображению того, как относились к святому Иоанну современные представители народа и руководители его в делах религиозных. *Весь народ,* – сказал *Он, – слушавший* (Иоанна), *и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым. А фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не*

крестившись от него (Лк. 7, 29–30). Простой народ, по суду фарисеев, – невежда в законе, и мытари, считавшиеся в народе грешниками наряду с язычниками, прославили Бога за то, что Он воздвиг великого пророка, возвестившего пришествие Мессии, и засвидетельствовали веру в проповедь Иоанна своим от него крещением. Между тем, мнимые духовные руководители народа, фарисеи и законники, весьма немногие крестились от Иоанна; большинство же их не верили в Ио-анна как Предтечу Мессии и не крестились от него и тем отвергли волю Божию, выражавшуюся в проповеди Иоанновой и состоявшую в том, чтобы *все* покаялись и крещением приготовили себя к принятию грядущего Мессии. В скорбном чувстве негодования за такое упорство большинства Своих современников Господь воскликнул: *кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на торжищах, и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали* (Мф. 11, 16–17). У иудеев было обыкновение в праздники и особые торжества совершать пляски под звуки свирели и других музыкальных инструментов, а при печальных случаях – петь плачевные песни, иногда также под музыку. Иудейские дети в своих играх подражали взрослым; на улицах, разделившись на партии, одни из них представляли, как веселятся в праздники, другие – как плачут в печальных обстоятельствах жизни, и обыкновенно жаловались на тех из своих сверстников, которые не принимали участия в этих детских играх.

Прилагая это уподобление к Себе и святому Иоанну, Господь сказал: *пришел Иоанн, не ест, не пьет, и говорят: в нем бес; пришел Сын Человеческий, ест, пьет, и говорят: вот, человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее* (Мф. 11, 18–19).

По Златоусту, смысл этих слов следующий: «Проповеднику покаяния и следовало представлять в себе образ сетования и плача, а Подателю оставления грехов – быть веселым и радостным; но вам не нравились ни Моя жизнь, ни жизнь Иоаннова, в упорном неверии вы отвергаете все пути спасения и, следовательно, благотворную для вас волю Божию».

Речь Спасителя в похвалу Предтече была в то же время и защитительной против того насилия, какому подвергся Креститель со стороны Ирода.

Лукавый и распутный Ирод, этот нечестивый потомок беззаконного Ирода, все еще держал великого Пророка и Праведника в отдаленной и мрачной темнице Махерской. Святой Иоанн, обличая Ирода, хотел разрешить его душу, связанную грехом; а Ирод связал того, кто хотел разрешить его. Но пророк Божий и связанный не переставал говорить, и заключенный в темницу продолжал обличать и учить. Среди бесед со своими учениками и другими слушателями, которые могли иметь доступ к святому узнику, нередко слышалась и обличительная его речь против Ирода. Слух об этом, конечно, доходил до Иродиады и возмущал ее. Она стала даже опасаться того, чтобы грозные обличения святого Иоанна не побудили Ирода отослать ее к первому ее мужу. Вот почему она начала настойчиво требовать у Ирода смерти пророка-обличителя. Можно думать, что Ирод принимал к сердцу злые наговоры своей любимой сожительницы и сам, по своим на то причинам желал освободиться от ненавистного ему обличителя, но все не решался исполнить своего намерения потому, что боялся народа. Оттого и продолжал он держать святого Иоанна в темнице, надеясь, как мы уже сказали, долговременным заключением отвлечь от Иоанна общественное мнение, т. е. чтобы народ если и не забыл об Иоанне, то, по крайней мере, охладел к нему. Это было в характере Ирода, трусливого и лукавого…

Иродиада изобретательница всех зол, скоро устроила все дело, выполнила свою кровавую месть. Есть предположение, что сам пир или, по крайней мере, все дальнейшее на этом пиру было предварительно и сообща придумано беззаконными супругами, чтобы, испросив согласие пирующих вельмож на смерть святого Иоанна, дать этому согласию вид судебного приговора и через то оправдать себя в глазах народа.

По случаю войны с прежним своим тестем Аретой и возбужденными им против Ирода пустынными

племенами тетрарх со всем двором своим переехал из Тивериады в Махеронт. Наступил день его рождения. Иудеи не имели обыкновения устраивать особых праздников в подобном случае, но Ирод, носивший имя царя, следовал обычаям восточных властителей, которые издавна пышно праздновали ежегодно дни своего рождения. Восточную роскошь праздника Ирод соединил с изысканностью римлян – приглашать в таких случаях музыкантов, певцов, актеров и танцовщиков. На пир приглашены были именитые в Галилее люди – военные и гражданские. В то же время и Иродиада на своей половине дворца давала пир женам галилейских вельмож, так как обычаи Востока не позволяли женщинам не только садиться за один пиршественный стол с мужчинами, но даже и показываться там, где они пировали. В конце пира, когда сердца собеседников Иродовых разгорячены были вином, является Саломия – дочь Иродиады от Филиппа, одетая изысканно, сообразно тому, какое впечатление хотела она произвести. В амфитеатре пирующих (так обыкновенно рассаживали на Востоке гостей во время больших пиров) Саломия под звуки музыки начала танцевать и петь, чтобы воспламенить чувственного восточного зрителя.

«Позорище было сатанинское, – восклицает святой Златоуст. – Побуждением к нему было пьянство и сластолюбие, откуда ничего не выходит доброго; зрители были люди развратные, а дающий пиршество – всех бесчестнее; забава была безумная; девица, через которую брак Ирода делался противозаконным и которой надлежало скрываться от света попричине позора своей матери, пышно является в собрании и, отложив девический стыд, всех блудниц затмевает собой!»[44]

Своей сладострастной пляской и пением Саломия произвела такой восторг в Ироде и его собеседниках, что опьяненный деспот с клятвой обещал исполнить все, что она у него ни попросит, хотя бы даже половину его царства! Обещание, возможное только в голове и устах распаленного вином тщеславного деспота; а между тем он сам только что как милость получил от римского императора в свое управление четвертую часть израильского царства и не в силах и не вправе был самовластно распоряжаться своим участком!

Это очень хорошо знала и Саломия; потому она и не выразила никакого желания перед тетрархом, а тотчас вышла из залы пирующих к своей матери и обратилась к ней с вопросом: чего просить мне? Так много обещает мне царь, что и просить обещанного мне невозможно, да он и не в силах того исполнить!

Иродиада увидела теперь полную возможность отомстить ненавистному ей пророку– обличителю. Она давно и неистово порывалась на его убийство, и вот теперь открывается ей самый удобный случай утолить мучившую ее жажду крови праведника! Пока еще не охладела восторженность пирующих, возбужденных вином и танцами, пока не переменилась мысль царя дать Саломии все, чего бы она ни попросила, Иродиада дает ей поднос с кушаньями и поспешно отсылает ее к царю высказать просьбу, чтобы сейчас же, здесь же, на пиру, на этом же блюде дана была ей голова Иоанна Крестителя!

«Что может быть хуже такого зверства, – говорит Златоуст, – просить об убийстве как о милости, просить об убийстве беззаконном, просить об убийстве среди пиршества, просить об убийстве бесстыдно!» И, однако ж, девица беспрекословно повинуется своей злой матери, без ужаса и содрогания выслушивает ее приказание и с каким-то злорадством спешит она к Ироду. Воспитанной в понятиях и обычаях тогдашнего развратного Рима Саломии могло казаться даже естественным такое приказание своей любимой матери; а потому без смущения предает она внушенное ей желание царю. Златоуст при этом замечает: «И о достоинстве Крестителя Саломия помнит, и того, однако же, не стыдится, но, будто говоря о какой-нибудь снеди, просит принести на блюде его священную, блаженную главу. Даже не присовокупляет причины, почему просит, так как никакой не имела, но просто изъявляет желание, чтобы в уважение ей было сделано зло другому». Подобного рода жестокости были в нравах того времени. Знатные в римском мире люди даже среди своих пиршеств приказывали казнить своих врагов и приносить к себе головы казненных, чтобы насладиться своей над ними победой и точно удостовериться, что ненавистных им

врагов уже нет более на свете! Но не без смущения принял Ирод просьбу своей племянницы. Он, конечно, надеялся, что дочь Иродиады попросит у него себе чего-нибудь приличного пиршеству: именно, как девица в торжественный день среди общего веселья, при собрании станет просить какого-либо блестящего и изящного подарка, а не головы пророка, не сделавшего ей никакого зла. Нечаянность, неожиданность требования смутила слабохарактерного Ирода, он опечалился. Почему? «Такова добродетель, – отвечает Златоуст, – что и по суду злых людей она достойна удивления и похвал!» Но искренна ли была печаль Ирода, уже решившегося погубить Иоанна? Блаженный Иероним прямо говорит, что печаль Ирода была только на лице, а в сердце ощущал он радость: он произнес перед Саломией клятву с согласия своей преступной жены, чтобы дать ей удобный случай излить свое мщение над Крестителем! Что печаль Ирода была притворной, доказывается тем, что а) он давно хотел убить святого Иоанна, только страх народного возмущения удерживал его от этого; б) если бы не такова была тайная мысль Ирода, он не умертвил бы Иоанна по причине одной только своей клятвы: он очень хорошо знал, что данная им клятва не обязывала его к совершению преступного дела; в) евангелисты изображают его опечалившимся потому, что таким казался он наружно и таким увидели его собеседники.

Собеседники Ирода, видя своего повелителя печальным и колеблющимся, обратились к нему с просьбой исполнить свою клятву и желание очаровавшей их Саломии. И самому Ироду представилось, что, не исполнив ее просьбы, он сделался бы открытым клятвопреступником перед всеми вельможами своего двора и упустил бы случай отомстить Иоанну за его дерзновенное оскорбление своего величества, между тем как настоящее общее согласие знаменитых лиц Галилеи и Переи на убиение Иоанна могло равняться публичному судебному приговору и оправдывать тетрарха в глазах народа. Странное ослепление, возмутительное колебание тревожной совести! Антипа боялся быть клятвопреступником, а не страшился бесчеловечнейшего поступка, боялся иметь свидетелей своего клятвопреступления, а не страшился иметь так много свидетелей столь беззаконного убийства!

Как бы в исполнение своей клятвы и просьбы Саломии Ирод повелевает одному из телохранителей, на которых, между прочим, лежала обязанность исполнять и смертные казни по личному повелению царя, принести голову Предтечи. Телохранитель идет в темницу, где святой Иоанн испытал уже столько лишений, уничижения, страданий, и объявляет ему царскую волю. Праведник, как человек с могучей волей и закаленным характером, готов пострадать за истину, он покоряется распоряжениям своего палача, становится на колени и с молитвой к Богу мужественно переносит удар исполнителя казни… Главу Крестителя телохранитель несет в царский дворец, вносит ее на подносе в пиршественную залу и подает Саломии… Что должны были чувствовать присутствовавшие на пиру, когда среди общего веселья увидели главу, недавно усеченную! Они, конечно, не могли выносить этого печального зрелища, и Саломия поспешила передать главу Предтечи своей жестокой матери. А эта кровопийца нимало не смутилась при таком зрелище, а услаждалась им… Она желала не только освободиться от обличений грозного пророка, но, наступив на него, лежащего в крови, насмеяться над ним.

«И Бог попустил сие, – восклицает святой Златоуст, – не послал молнии свыше и не попалил бесстыдного лица, не повелел расступиться земле и поглотить злое это сонмище?» Святитель Григорий Великий отвечает: «Господь испытывает Своих избранных на земле для того, чтобы вознаградить их на небе; допускает их быть на земле предметом презрения, чтобы после возвысить их до постижения тайн несказанных. Попуская праведникам страдать невинно, Господь желает через это объяснить нам, что должны будут претерпеть в другой жизни те, которых Он отвергает, какой строгостью суда поразит Он грешников, если испытывает страданиями жизнь тех, которых Сам преисполняет похвалами». В самом деле, могут ли страдания святого Иоанна сравниться даже с тем прославлением, какое воздается ему еще здесь, на земле? Православные пастыри и учителя Церкви не находят в языке человеческом слов, чтобы достойно восхвалить Предтечу и Крестителя Господня, а православный народ христианский во все времена

единодушно и благоговейно прославляет святого Иоанна, из пророков честнейшего!

Рано по времени скончался Креститель: ему было не более 32 лет, как его лишили временной жизни. Но это печальное событие случилось под особенным тайным распоряжением Божиим и допущено с целью чрезвычайной, крайне высокой и благодетельной. «Предтечево славное усекновение, – говорит святая Церковь, – смотрение бысть некое божественное, да и сущим во аде Спасово проповесть пришествие». (Кондак Предтече.)

Святой Иоанн был Предтечей Христовым как при жизни своей, так и после смерти. Предварив сошествие Господа в ад, он благовестил там Бога, явившегося во плоти, и утешил души праведных, там содержавшиеся. «Бренный сосуд Иоанна повержен был на землю, – говорит Златоуст, – но немерцающий светильник духа его облистал ярким светом веры и находившихся в аде. Когда разорен был ад в воскресение Христово, святой Иоанн вышел с Христом оттуда и сподобился многих венцов на небе как девственник, как пустынножитель, как учитель и проповедник покаяния, как пророк, как Предтеча и Креститель и, наконец, как мученик!»

Обезглавленное тело пророка-мученика как труп казненного по повелению царскому было, по тогдашнему обычаю, оставлено без погребения; но верные ученики Крестителявзяли его, перенесли в Севастию (древнюю Самарию). Город этот тогда был вне области Иродовой и находился во власти Пилата. Здесь тело святого Предтечи не могло быть потревожено мстительной Иродиадой, от которой можно было ожидать его поругания. Здесь оно было погребено в одном подгородном месте, а впоследствии взято было и положено в построенном при императоре Константине храме в погребальной пещере среди гробниц пророков Авдия и Елисея[45].

Тотчас после погребения ученики Иоанновы поспешили передать печальную весть о своем учителе Господу Иисусу, Который в это время жил и действовал в Галилее, подвластной тому же жестокому тетрарху, от которого Креститель потерпел насильственную смерть. Нет сомнения, что ученики святого Иоанна надеялись найти у Иисуса Христа действенное себе утешение, стать еще ближе к Его обществу, а в то же время и предупредить Его о возможной и для Него опасности[46].

Господь Иисус Христос находился в это время недалеко от Геннисаретского озера. Как Бог, Он знал, конечно, какую смерть претерпел Его Предтеча; но как Истинный Человек, не мог без глубокой скорби принять вести о страдальческой кончине предызбранного Своего друга. И, вероятно, желая помолиться о нем в уединении, Господь удалился оттуда один. Вместе с тем, так как еще не пришел час Его страданий, Господь, избегая возможной опасности от Ирода, один на лодке удалился в пустынное место на северо-восточном берегу Геннисаретского озера у города Вифсаиды.

Через некоторое время Ирод услышал молву о чудесных действиях Иисуса Христа и вообразил, что это воскрес из мертвых обезглавленный им Иоанн Креститель. Не веря в воскрешение мертвых, Ирод боялся умершего Иоанна и даже от страха думал, что чудеса производит сила смелого пророка. Люди со слабым характером и слабыми убеждениями, под влиянием страха смущаемые нечистой совестью, часто признают возможным то, что в теории отвергают как невозможное, как нелепость. Ирод боялся Иоанна, потому что умертвил его против своей совести, сам считая его за святого и за пророка. Смущенная совесть его и представила, что эта невинная жертва его безумия восстала из гроба, чтобы наказать его. Может быть, к таковым мыслям располагала его и молва народная, видевшая во Христе пришедшего Илию или кого-либо из древних пророков. Чтобы рассеять свое недоумение окончательно, Ирод лично пожелал видеть Иисуса; но это желание его не было удовлетворено. Между тем враги Иисуса Христа, фарисеи, внушали Ироду, что Иисус выдает Себя за Мессию, так нетерпеливо ожидаемого народом иудейским, что галилеяне слишком к Нему привязаны, что вообще Он имеет сильное влияние на народные массы и потому легко может произвести волнение, опасное для Иродова трона. Честолюбивый и трусливый тетрарх

под влиянием таких наветов желал бы погубить и Иисуса Христа, так же как и Крестителя, но страшился народного возмущения; потому и придумал подослать к Нему тех же фарисеев, чтобы они под видом дружбы и заботливого участия в деле Христовом посоветовали Ему удалиться из пределов Галилеи. И вот однажды фарисеи приходят к Иисусу и говорят Ему: *выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет у бить Тебя.* Господь приказал им сказать лукавому, кровожадному и трусливому, как лисица, Ироду, что Он безбоязненно будет совершать в его области предназначенное Ему дело, пока не наступит час идти в Иерусалим, где предопределено Ему пострадать.

Мщение Божие вскоре постигло Ирода и нечестивое его семейство за убийство Предтечи и за посмеяние над Искупителем в день Его страдания. Арета, огорченный поруганием своей дочери, постоянно вел войну с Иродом и в одной из жарких битв разбил его наголову. Ирод едва спасся от плена; народ почитал это несчастье наказанием Божиим за убийство Крестителя. Вскоре после этого Ирод перед римским императором Калигулой был оклеветан своим же племянником, братом Иродиады Иродом Антипой, в изменнических будто бы замыслах против римлян, и за это лишен был всей своей власти и богатств и сослан в заточение сначала в Лион Галльский, а потом в Испанскую крепость. Иродиада с дочерью разделяли с ним его изгнание, в котором бедственно окончили они и жизнь свою. Саломия погибла прежде их. Предание говорит, что однажды в зимнее время переходила она по льду небольшую реку Сикорис. Среди реки лед под ней подломился, и она погрузилась в воду так, что лед стиснул ее шею, и она повисла на нем своей головой, между тем как туловище ее, не доставая речного дна, колебалось из стороны в сторону до тех пор, пока лед не перерезал шеи. Труп погрузился на дно реки, а Ироду и Иродиаде принесена была голова погибшей. Так правосудие Божие наказало плясунью, ради которой отсечена была честная глава Предтечи Господня! Благоговейное уважение к имени и деятельности Иоанна Предтечи сохранялось во всей силе и после его кончины среди его учеников и апостолов и даже народа. Однажды на пути в селения Кесарии Филипповой, когда Господь Иисус помолился в уединенном месте и ученики были с Ним, спросил Он их: *за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?* Они сказали Ему в ответ: *одни – за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков* (Мф. 16, 13–14). Таким образом, в народе продолжали считать Иоанна за одного из древних пророков, и самого Господа Иисуса уподобляли Иоанну.

В другое время, после Преображения Господня, ученики спрашивали Спасителя: правда ли то, что книжники говорят, будто перед пришествием Мессии надлежит Илии прийти прежде? Иисус Христос сказал им в ответ: *правда, Илия должен прийти прежде и устроить все. Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели. Так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе* (Мф. 17, 10–13). В объяснение этого надо сказать, что память о пророке Илии всегда была жива в народе особенно потому, что ожидали нового пришествия его на землю перед явлением Мессии, согласно пророчеству Малахии. Пророк Малахия действительно предсказывал (Мал. 4, 5–6), что Илия будет послан перед лицом Мессии, чтобы приготовить Ему путь. Но это не значило, что сам ветхозаветный Илия должен явиться, а подобный ему человек с духом и силой его. Между тем, это пророчество было понято иудеями в собственном смысле; они ожидали самого Илию, который приготовит путь Мессии.

Когда Господь Иисус в одном месте молился и перестал, один из учеников Его сказал Ему: «Господи! Научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих». И Господь сообщил им молитву Отче наш.

После праздника обновления, когда Господь Иисус своим учением о единосущии Своем с Богом Отцом раздражил иудеев до того, что они хотели Его побить камнями, Он уклонился от них, чтобы дать время взволнованным прийти в себя, и пошел за Иордан, на то место, где прежде крестил Иоанн, и остался там. Один взгляд на место проповеди Иоанновой оживлял в учениках свидетельства Предтечи об Иисусе. Здешние жители, приготовленные проповедью Предтечи, легче, чем другие, могли уверовать в Господа

Иисуса. Слушая Его учение и видя Его чудесные действия, внимательные люди вспоминали все то, что Иоанн о Нем не раз внушал им прежде, и многие из приходивших говорили между собой, что хотя Иоанн Креститель не сотворил в своей жизни никакого чуда, не свидетельствовал чудесами о себе как о посланнике Божием, но он, несомненно, был посланник Божий и пророк, ибо все, что он сказал об Иисусе как Мессии, истинно, оправдалось и учением, и делами Господа. Таким образом, и после кончины Иоанна люди отдавали ему полную справедливость.

После торжественного входа Господа в Иерусалим, когда Он изгнал из храма продающих и покупающих и учил в храме, приступили в Нему первосвященники и книжники со старейшинами и сказали Ему: «Скажи нам, какой властью Ты это делаешь? И кто дал Тебе власть делать это?» Господь Иисус сказал им в ответ: *Спрошу и Я вас об одном: если о том скажете Мне, то и Я скажу вам, какой властью это делаю.* Скажите Мне: *крещение Иоанново откуда было – с небес или от человеков? Они же рассуждали между собой: Если скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили Ему? А если сказать от человеков, – боимся народа, ибо все почитают Иоанна за пророка.* И отвечали: «Не знаем, откуда». Тогда Господь Иисус сказал им: *И Яне скажу вам, какою властью это делаю.* И, продолжая речь, сказал: *Пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему: вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему* (Мф. 21, 23–27, 32).

Таким образом, даже Синедрион, высшее правительственное место иудейское, при всем своем желании не мог поколебать того значения, каким пользовался Иоанн после своей смерти. Перед его именем так или иначе преклонились все без различия званий и состояний, от Ирода и до последнего мытаря.

Вспомнил Господь об Иоанне и в самый день Вознесения Своего и почти повторил слова его о крещении: *Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым* (Деян. 1, 5). Это же самое говорил некогда и сам Предтеча (Лк. 3, 16).

*** * ***

Прошло около ста лет после кончины святого Предтечи. Почти в самом конце века появились первые записи о нем, сделанные его бывшим учеником, впоследствии призванным Господом, евангелистом Иоанном Богословом. Уже перед концом своей жизни он пишет в Ефесе Евангелие и в самом начале его, говоря о предвечном рождении Бога Слова и называя Его *Светом,* он вспоминает о своем первом учителе в таких словах: *Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете* (Ин. 1, 6–8). Развивая эти мысли, можно сказать так: Когда пришло время явления Света Христа, был *человек* (а не высшее какое-либо существо, воплотившееся в человеческом образе, как думали иные, смотря на строгую жизнь Иоанна), *был человек послан от Бога* как чрезвычайный посланник для этой божественной цели. Посланничество совершилось в то время, когда он в пустыне услышал глагол Божий, повелевавший ему выступить на дело пророческого служения в качестве Предтечи Христа. *Имя ему Иоанн,* что значит «благодатный». *Он пришел* к народу еврейскому, а в лице его и ко всему человечеству, *для свидетельства,* имеющего величайшую всемирную важность, *чтобы свидетельствовать о Свете,* т. е. проповедовать, пророчествовать, доказывать совершившееся пришествие Христа, открытие Царства Небесного или Церкви Христовой. Иоанн не только свидетельствовал, но даже перстом указал на идущего Христа. Цель этого свидетельства – чтобы все уверовали через него во Христа, обетованного Спасителя мира, и приготовились вступить в царство Его. Сам Иоанн *не был светом,* подобным Свету Христу, и хотя люди считали Иоанна даже Мессией, но это была их ошибка: он сам объявил прямо, что он не Христос; он был зарей последовавшего за ним Солнца.

Иоанн сиял светом не собственным, не самобытным, не самоисточным, а заимствованным или изливавшимся на него от Бога, Единого Источника Света. *Он был послан, чтобы свидетельствовать о Свете,* указать людям Господа, и Сам Господь называл Своего Предтечу *светильником горящим и светящим,* горящим любовью к Нему и светящим людям учением о Нем.

Честные мощи Предтечи и Крестителя Господня, погребенные учениками его недалеко от Севастии, вскоре прославлены были многими чудесами и стали предметом благоговейного чествования по всей Палестине. Однажды пришел в Севастию, проповедуя Евангелие, святой евангелист Лука и пожелал было взять тело Крестителя на свою родину, в Антиохию; но жители Севастии решительно воспротивились сему. И только десную (правую) руку Предтечи, руку, крестившую Господа, святой Лука мог взять с собой и перенести в Антиохию, где она и хранилась благоговейно, подавая верующим благодатную помощь. Между тем, в Севастии уже в начале II века над гробом Предтечи был сооружен небольшой храм, в котором верующие собирались прославлять *Пророка честнейшего, пострадавшего за истину.* Впоследствии императором Константином Великим и матерью его Еленой в Севастии был воздвигнут великолепный храм наподобие иерусалимского храма Воскресения Христова над гробами святых пророков Авдия и Елисея; в их погребальную пещеру перенесены были и мощи Крестителя и положены были среди пророческих гробниц. Вскоре после того воцарился племянник Константина Великого Юлиан богоотступник (361–363 гг.). Он не только живых христиан гнал и убивал, но и кости святых выбрасывал из гробов и предавал огню. Когда пришлось ему быть в Антиохии, он всячески искал руку Крестителя, чтобы сжечь ее, но христиане сумели ее скрыть внутри городского столба. Тогда, как рассказывает предание, богоотступник послал в Севастию, чтобы все тело Крестителя (кроме, конечно, главы и руки) и гроб и храм его сжечь и развеять. И будто бы около 362 г. язычники разрушили гроб святого Иоанна и мощи его предали пламени. Однако благочестивые иноки иерусалимского монастыря, узнав о нечестивом повелении, переоделись и, вмешавшись в толпу иудеев и язычников – исполнителей воли отступника, успели спасти часть драгоценных мощей великого пророка, даже пепел от костра и передали все это святому Афанасию, патриарху Александрийскому. Но предание, будто император Юлиан сжег мощи святого Иоанна Крестителя, не имеет прочного основания[47].

В 395 году останки мощей Предтечи были с честью перенесены в Константинополь и положены в церкви, которую построил император Феодосии. Отсюда частями и частицами поступали они на вечную молитвенную память в разные обители или посылались в дар иноземным властителям. В 956 году, когда магометане овладели Антиохией, десная рука Крестителя перенесена была из Антиохии в Халкидон, а отсюда торжественно в Константинополь, где в память этого события был установлен праздник, совершавшийся в день собора Предтечи на другой день Богоявления. По свидетельству русского паломника Антония, в 1200 году десная рука Предтечи находилась в Царьграде в царских палатах. В 1263 году, при взятии Царьграда крестоносцами, плечевая часть мощей Крестителя поступила в аббатство во Францию. В XIV и XV веках правую руку Крестителя русские паломники видели в Царьграде, а левую – на Иордане. При взятии Царьграда турками в 1453 году все мощи и святыни, находившиеся там, были собраны по воле самого султана и хранились в царской сокровищнице за печатью. В 1484 году султан Баязет передал десную руку Предтечи родосским рыцарям, желая этим даром приобрести себе их расположение. Десница Предтечи хранилась в Родосе до завоевания его турками в начале XVII столетия, а в это время перенесена была на остров Мальту. В 1798 году, когда французы овладели Мальтой, мальтийские рыцари обратились к защите и покровительству русского императора Павла I, с юности питавшего особое уважение к их доблестям. Когда император соизволил принять на себя сан магистра мальтийских рыцарей, они поднесли ему в 1799 году 12 октября в Гатчине давно хранимые у них святыни: крест из части древа Животворящего Креста Господня, Филермскую чудотворную икону Богоматери, писаную евангелистом Лукой, и десную руку мощей святого Иоанна Крестителя. Из Гатчины эта древняя

святыня перенесена в Петербург, в церковь Спаса Нерукотворенного Образа, находящуюся в Зимнем дворце. Другую часть Предтечевой десницы видел в 1845 году известный ученый архимандрит Порфирий Успенский на Афоне, в монастыре Дионисиате; это часть от локтя до кисти с пальцами. Ее покрытый серебром оклад украшен жемчугом и бриллиантами. Об этой святыне тогдашний игумен Дионисиата рассказывал архимандриту Порфирию, что она в 1810 году была тайно взята из сокровищницы султана Махмуда драгоманом[48] Порты Янакакием и передана в Дионисиат; здесь он принял монашество и учредил общежитие. Другая частица правой руки святого Предтечи – мизинец – оказалась в афонском монастыре Каракалле.

Темны предания о честной главе Предтечевой. По их свидетельству, Иродиада, насытив свое мщение над главой праведного ее обличителя, опасалась соединить ее с остальной частью тела, чтобы святой Иоанн не воскрес, не стал бы снова обличать ее беззаконную жизнь и не наказал бы за неправедное убийство. Поэтому она взяла главу Предтечи в Иерусалим, во дворец Ирода, находившийся в предместье Давидовом, и там в тайном и нечистом месте дворца закопала глубоко в землю. Об этом знала одна только благочестивая Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова. Тайно ночью вложила она главу святого Предтечи в особый глиняный сосуд и скрыла ее в горе Елеонской, где было поместье Ирода. Прошло много времени; бывшее поместье Ирода было куплено одним благочестивым христианским вельможей и подвижником Иннокентием. Желая построить здесь для себя храм, Иннокентий стал копать ров для его основания и нашел в земле скудельный сосуд и в нем – главу, о которой чудесными благодатными знамениями извещен был, что это глава Предтечи. Год этого обретения неизвестен. Перед смертью Иннокентий снова скрыл святую главу Крестителя в земле из опасения, чтобы она не потерпела поругания от неверующих во Христа. По откровению самого Предтечи, честная глава его снова обретена была двумя иноками, которые сначала жили в Иерусалиме, а потом в Киликии. Это обретение было в IV веке и считается первым. Император Валент приказал перенести ее в Константинополь. Когда посланные достигли халкидонского селения Пантихия, то мулы, запряженные в колесницу, на которой везли главу Предтечи, остановились и не шли далее. Это событие всем, даже самому царю, показалось делом необыкновенным и божественным, и святую главу положили в ближайшем селении Косилае. Около 390 года император Феодосии Великий перенес ее в Константинополь, положил ее в нескольких километрах от столицы в предместье Евдомон и построил там великолепный храм. При императоре Аркадии, во время смятения в Константинополе по случаю ссылки святого Иоанна Златоуста, глава Крестителя из Константинополя была перенесена в Емессу, где находилась около 50 лет. В 452 году святая глава, обретенная благочестивым архимандритом Маркеллом в монастыре у Емессы, положена была в церкви, посвященной Крестителю, и источала исцеления притекающим к ней с верой. Это было второе обретение. Из-за притеснений от сарацин, занявших Емессу в 633 году, глава Крестителя в конце VIII столетия унесена из Емессы в Команы (где скончался Иоанн Златоуст) и здесь по причине гонения на святые мощи со стороны иконоборцев сокрыта в потаенном месте. После восстановления иконопочитания Патриарху Игнатию во время ночной молитвы было видение о месте, где сокрыта глава святого Иоанна Предтечи. Об этом Патриарх Игнатий сообщил царю Михаилу, и оба послали посольство в Команы (около 850 г.), где глава была найдена в указанном Патриархом месте и перенесена в Константинополь. Сначала она была положена в придворной церкви в царских палатах, а потом часть ее – в студийском Предтечевом монастыре. В этом монастыре верх главы Предтечевой видел паломник Антоний в 1200 году. Другая часть ее хранилась в Петре в монастыре Предтечи. Во время Крестовых походов часть главы и мощей Крестителя, по сказанию Мишо, похищены были из Константинополя одним латинским священником. Другая часть главы была перенесена в Амиень во Франции, а еще одна находится в Риме в церкви папы Сильвестра. Паломник Барский в своем путешествии по святым местам Востока (1723–1747) видел весь верх главы Предтечи на Афоне в монастыре Дионисиате. Святыню эту в золотом ковчеге с драгоценными камнями передал обители господарь Волошский Неагул Башараба. Но во время войны Турции с Россией при

Екатерине II старцы монастыря повезли было честную главу на остров для молебствий и на пути встретились с турецким военным кораблем; военные остановили, осмотрели их и взяли Предтечеву главу, чтобы она не досталась русским. С корабля она была предана в султанскую сокровищницу, где, вероятно, хранится и до сих пор. Барский же и архимандрит Порфирий указывают частицу от главы Предтечевой в Афонском монастыре Дохиаре. Норов поклонялся черепу Предтечи в монастыре его в Иерусалиме[49]. Барский указывает еще кровь святого Предтечи в Лавре святого Афанасия, перст ноги в Пантократоре, перст в Метеорских монастырях святых Стефана и Варлаама в Фессалии. Архимандрит Порфирий (Успенский) видел указательный перст Предтечи (в серебряной оправе 1748 г.) в Ватопеде и частицу мощей в Афонском монастыре Симонопетре.

Кроме того, показываются частицы мощей Крестителя на Афоне в Хиландарском монастыре, в русском Пантелеимоновом монастыре (в соборе святого великомученика Пантелеймона и Покрова Пресвятой Богородицы) и в русском скиту святого пророка Илии. В России частицы мощей есть в Киево-Печерской Лавре в приделе святого апостола Иоанна Богослова и в Москве в соборах Успенском и Благовещенском.

Говоря о святых мощах Предтечи, кстати будет вспомнить, что в XII веке один из наших епископов, Онуфрий Черниговский, на соборе в Киеве утверждал, что «у греков ставят в архиереи рукою святого Иоанна Крестителя». Но позднейшие историки Церкви объясняют, что постоянного обычая такого посвящения у греков не было; по крайней мере, примеры этого неизвестны нам. Был один случай, но не посвящения, а только избрания в епископы, а именно: в 1025 году император Василий Порфирородный тяжко заболел; в самый день смерти его игумен Студийского монастыря Алексий пришел навестить его и принес главу святого Иоанна Предтечи для облегчения страданий умирающего. Император, утешенный этим вниманием, тогда же назначил Алексия в Патриархи. Таким образом, назначение это состоялось не по общему избранию, и многие были недовольны этим, хотя Алексий и получил сан патриарший в уважение воли почившего императора.

Величайшего из рожденных женами Церковь прославляет самым торжественным образом, совершая чествование его памяти семь раз в году. Так, Церковь празднует, во-первых, его зачатие (6 октября (23 сентября)); во-вторых, – его рождение (7 июля (24 июня)); в-третьих, – усекновение главы его (11 сентября (29 августа)); в-четвертых, собирается на другой день Крещения для воздаяния ему чести как Крестителю, (20 (7) января)), отчего и сам этот праздник называется собором Предтечи, т. е. собранием верующих в храме в честь и похвалу Крестителя Господня; в-пятых и в-шестых, Церковь совершает память его в воспоминание того, что отсеченная глава его трижды была скрываема от людей и трижды обретаема (причем первое и второе обретение празднуется 9 марта (24 февраля), а третье обретение – 7 июня (25 мая)); наконец, в-седьмых, Церковь празднует святому Крестителю на память перенесения из Мальты в Гатчину десной руки его в 1799 году (25 (12) октября). И, кроме всего этого, празднование памяти святого Предтечи совершается каждонедельно по вторникам.

АКАФИСТ

святому Предтече Господню Иоанну

Кондак 1

Избра́нный от лет древних бы́ти Предте́чею и Крести́телем Спаси́теля мира Христа Бога, Иоа́нне богохва́льне, прославля́юще просла́вльшаго тя Господа, похвальная воспису́ем ти, я́ко бо́льшему всех рожде́нных жена́ми, во плоти Ангелу, покая́ния проповеднику. Ты же, я́ко име́яй ве́лие дерзнове́ние ко Господу, от всяких бед свобожда́й и к покаянию воздвиза́й нас, любо́вию тебе зову́щих:

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Икос 1

Архангел Гаврии́л, предстоя́й пред Богом послан бысть ко иере́ю Заха́рии, егда́ той служа́ по чину чреды́ своея́, вни́де покади́ти в церковь Госпо́дню, и, предста́в одесну́ю алтаря кади́льнаго, благовествова́ше о твоем рождестве́, великий Иоанне, возвеща́я Захарии радость и веселие и я́ко мно́зи о рождестве́ твоем возрадуются. Сего́ ра́ди и мы, дивному о тебе Божию благоволе́нию чудя́щеся и ра́дующеся, со благогове́нием в похвалу тебе вопие́м:

Радуйся, Совета Божия неизрече́нного таи́нниче.

Радуйся, дивнаго смотре́ния Его исполне́ние.

Радуйся, прежде лет многих проро́чеством Исайи проявле́нный.

Радуйся, ве́стниче пред лицем Господним, древне прорече́нный.

Радуйся, предназначенный бы́ти великим пророком Вы́шняго.

Радуйся, по обетова́нию Ангела рожде́нный.

Радуйся, еще во чреве матере твоея́ Духа Свята́го испо́лненный.

Радуйся, прежде рождества твоего на великое служение извеще́нный.

Радуйся, непло́дства родителей разреше́ние.

Радуйся, иере́я Божия радость и веселие.

Радуйся, дще́ре Аароно́вы прозябе́ние.

Радуйся, плод молитвы Богодарованный.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 2

Видя Захария я́вльшагося ему Ангела, смути́ся, и страх нападе́ нань, и не верова словесе́м благове́стия его о рождестве твоем: егда́ же за неверие немото́ю связан бысть, удивля́шеся пресла́вному чудеси́, всем сердцем вопия́ Богу: Аллилу́иа.

Икос 2

Разум неуразумева́емый разуме́ти и́щуще лю́дие, жду́ще Захарию, чудя́хуся, уме́дливу ему в церкви; изше́дшу же ему и не могу́щу глаго́лати к ним, но то́кмо помава́ющу, разумеша вси, я́ко виде́ние ви́де в церкви. Мы же, прославля́юще дивнаго Творца чудес, Бога, вопие́м тебе таковá́я:

Радуйся, благи́й виновниче безгла́сия о́тча.

Радуйся, слез ма́тере твоея́ пременéние на радость.

Радуйся, тоя́ поношения в людех отъя́тие.

Радуйся, великое рождшим тя утешéние.

Радуйся, я́ко в шесты́й месяц о зача́тии твоем Пресвятая Дева Мария в Назарéте от Ангела известúся.

Радуйся, я́ко о рождествé твоем мно́зи возвеселúшася.

Радуйся, я́ко имя благодатное от Ангела наречéнное, получúвый.

Радуйся, я́ко именем твоим немотствование отца твоего Заха́рии разрешúся.

Радуйся, я́ко Имя Божие о тебе отцем твоим благословúся.

Радуйся, я́ко о чу́днем рождествé твоем страх и удивление в о́крест живущих явúся.

Радуйся, я́ко по всей стране Иудéйстей о дúвнем рождествé твоем возвестúся.

Радуйся, я́ко тобо́ю спасение многим в мире сем явúся.

Ра́дуйся, велúкий Иоанне, Проро́че, Предтéче и Крестúтелю Госпо́день.

Кондак 3

Сила Вы́шняго разрешú непло́дство заматорéвшия во днех своих пра́ведныя Елисавéты: зача́т бо тя, славный Предтéче Госпо́день, и тая́шеся месяц пять, глаго́лющи: «я́ко та́ко мне сотворú Господь во дни, в ня́же призрé отъя́ти поношéние мое в человéцех». Егда́ же прия́ Иму́щую во чрéве Христа́, испо́лнися Духа Свя́та и возопú гласом вéлиим: «Отку́ду мне сиé, я́ко приúде Ма́ти Го́спода моего ко мне!» С Нéюже ра́дующися, взыва́ше Богу: Аллилу́иа.

Икос 3

Имéяй предъитú пред Го́сподем духом и сúлою Илиино́ю, еще из чрева ма́тере твоея́ испо́лнился есú Ду́ха Свята́го, отоню́дуже и Пророк дивный показа́лся есú, егда́ во утробе ма́тере твоея́ сый, взыгра́лся есú ра́дощами пришéствию Ма́тере Госпо́дни. Бога бо познал есú носúма в ложесна́х Благода́тныя и Того ма́терниим гласом проповедал есú: подоба́ше бо Божéственных вещей преславным быти началом. Сему у́бо благоговéйно удивля́ющеся, с ра́достию тебе вопиéм:

Радуйся, еще во утробе ма́терней предпосла́вшаго тя Господа чу́дным веселием предъявúвый.

Радуйся, я́ко тебе ра́ди и матери твоей Елисавéте воплощéние Христо́во откры́ся.

Радуйся, я́ко и та испо́лнися Ду́ха Свя́та.

Радуйся, я́ко и она предúвная проро́чица явúся.

Радуйся, я́ко от нея́ Пресвята́я Дева Мария Блажéнною в жена́х наречéся.

Радуйся, я́ко то́ю Она и Ма́терию Господа наименова́ся.

Радуйся, я́ко и безсéменный плод Тоя́ Благословéнным пронаречéся.

Радуйся, Прему́дросте Божéственныя предъявлéние.

Радуйся, святаго супру́жества благословéние.

Радуйся, непло́дных ложéсн дивное прозябéние.

Радуйся, рождением твоим удивúвый люди.

Радуйся, светлый Слова гла́се.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 4

Бу́рею сомнения смуще́нный, иере́й Заха́рия не мoжа́ше, по словеси́ ангельскому, проглаго́лати. Егда́ же по рождестве́ твоем, Предте́че Госпо́день, написа́ благода́тное имя твое, а́бие отверзо́шася уста́ и язык его, и глаго́лаше, благословя́ Бога, и проро́чествова, глаго́ля: «Благослове́н Господь Бог Изра́илев, я́ко посети́ и сотвори́ избавле́ние лю́дем Своим, и ты, отроча́, Пророк Вы́шняго нарече́шися, поя́ Тому: Аллилу́иа».

Икос 4

Слы́шаша о́крест живу́щий лю́дие о преславном и чу́дном рождестве́ твоем, со удивлением глаго́лаху в себе: «Что у́бо отроча́ сие́ будет?» Мы же тя, пресла́вный Предте́че Госпо́день, я́ко бо́льша всех рожденных жена́ми, достойно чту́ще, ублажаем си́це:

Радуйся, от зача́тия твоего благода́тных явле́ний испо́лненный.

Радуйся, в рождестве твоем Богом просла́вленный.

Радуйся, во младе́нчестве твоем от отца твоего Проро́ком Вы́шняго нарече́нный.

Радуйся, во о́трочестве твоем Духом Святым просвеще́нный и укрепле́нный.

Радуйся, Бога воплоти́вшегося сро́дник по плоти бы́вый.

Радуйся, от Бога высокое звание Предте́чи и Крести́теля прие́мый.

Радуйся, заре́, свет новый миру возвести́вшая.

Радуйся, звездо́, путь, веду́щий ко Христу, освети́вшая.

Радуйся, денни́це Солнца незаходи́маго.

Радуйся, свети́льниче Света неугасаемаго.

Радуйся, путь гряду́щему Христу уготовля́яй.

Радуйся, Ангела и человека в себе явля́яй.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 5

Богопроти́вное веле́ние беззако́ннаго детоубийцы Ирода изгна́ тя из до́му о́тча в непрохо́дную пустыню, носи́ма ма́терию, Предте́че Госпо́день, иде́же и пребыва́л еси́ до дне явления твоего ко Изра́илю, яды́й акри́ды и мед ди́вий и Богу вопия́: Аллилу́иа.

Икос 5

Ви́дяще дивное Божие о тебе промышле́ние, Иоа́нне богохва́льне, я́ко от младе́нческих пеле́н по́стническаго жития́ любитель показался еси́, отоню́дуже волею Вы́шняго послан был еси́ пропове́дати людем гряду́щее во Христе спасение. Сего́ ра́ди со удивлением и любо́вию тебе́ взыва́ем:

Радуйся, я́ко, еще младенец сы́й, царя Ирода устраши́л еси́.

Радуйся, от напра́снаго убие́ния тем десни́цею Вы́шняго сохране́нный.

Радуйся, пусты́ни шипо́к благово́нный.

Радуйся, высотою подвигов твоих всех удиви́вый.

Радуйся, пра́ваго пути верный указа́телю.

Радуйся, чистоты и целомудрия преди́вный хранителю.

Радуйся, ева́нгельскаго самоотвержения о́бразе соверше́нный.

Радуйся, мона́шествующих покро́ве и утвержде́ние.

Радуйся, богосло́вствующих умо́в просвещение.

Радуйся, гре́шным милосердия Бо́жия двери отверза́яй.

Радуйся, ка́ющимся грешником от Господа прощение подава́яй.

Радуйся, плоды́ достойны покая́ния твори́ти помога́яй.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 6

Пропове́дник славный ты, божественный Предте́че, показался еси́ в пусты́ни Иорда́нстей во дни явле́ния Христа Бога миру. Сего́ бо, Гряду́щаго к тебе, показал еси́ лю́дем, глаго́ля: «Се, А́гнец Божий, взе́мляй грехи́ мира»; Его́же мы верою позна́вше, пое́м Ему: Аллилу́иа.

Икос 6

Возсия́л еси́ свет истины, Иоа́нне богопросвеще́нне, всем явля́яй Сла́вы О́тчия Сияние, я́вльшееся пло́тски нас ради. Вопия́л бо еси́ в пусты́ни лю́дем: «Покайтеся, прибли́жи бо ся Ца́рствие Небе́сное: сотвори́те плоды досто́йны покая́ния. Се бо гряде́т по мне, Иже крести́т вы водою и ду́хом». Сего́ ра́ди похва́льная тебе вопие́м:

Радуйся, пришествия Месси́и возвести́телю.

Радуйся, путей Госпо́дних угото́вателю.

Радуйся, ве́тхия и новыя благодати хода́таю.

Радуйся, пророков преде́ле и нача́ло апо́столов.

Радуйся, гла́се Слова благознамени́тый.

Радуйся, покаяния пропове́дниче велегла́сный.

Радуйся, многих сынов Изра́илевых ко Господу обрати́вый.

Радуйся, люди соверше́нны Го́сподеви уготовавый.

Радуйся, фарисе́ев и саддуке́ев дерзновенно обличи́вый.

Радуйся, плоды достойны покаяния твори́ти научи́вый.

Радуйся, просвещения духо́внаго указа́телю.

Радуйся, и́щущим предста́тельства твоего неусы́пный засту́пниче.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 7

Хотя́щу от тебе крести́тися Господу Иисусу, Иоанне богоблаже́нне, глаго́лал еси́: «Аз требую Тобою крести́тися», оба́че повину́яся, ре́кшу Тому: «Оста́ви ны́не», воздви́гл еси́ десницу твою на главу Его и, крестив не тре́бующаго очищения, вопия́л еси́: Аллилу́иа.

Икос 7

Новую подая́ благодать крести́тися изво́ливый от тебе Господь, сподо́би тя Духа прише́ствие ви́дети и глас О́тческий с Небесе́, свиде́тельствующий Его Сыновство́, слышати. Отню́дуже в Трие́х Ли́цех Единому

Богу покланя́тися нас научил еси́, Его́же бре́нными прославля́юще устна́ми, в похвалу сия́ тебе приносим:

Радуйся, Тро́ическаго Богоявле́ния первый пропове́дниче.

Радуйся, в Трие́х Ли́цех Единаго Бога истинный покло́нниче.

Радуйся, Ду́ха Свята́го в виде голуби́не яснозри́телю.

Радуйся, снисхожде́ния Его от Отца на Сына свиде́телю.

Радуйся, гла́са с Небесе́ от Бога Отца слы́шателю.

Радуйся, явле́ние любве́ О́тчи к Сыну созерца́телю.

Радуйся, Сына Божия избра́нный Кlight Крести́телю.

Радуйся, воли Его святы́я исполнителю.

Радуйся, славнаго служения спасению рода человеческаго ревностный рачи́телю.

Радуйся, великаго Та́инства Креще́ния первый соверши́телю.

Радуйся, Божественныя ра́досте ве́стниче.

Радуйся, Новаго Завета первый учи́телю.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 8

Странное и неизрече́нное смирение воплоти́вшагося Бога Слова ви́дев, богоблаже́нне Крести́телю, Божественную Свою главу́ приклони́вша и рабское крещение прие́мша, ты и сам весь исполнился еси́ великаго смире́ния. Испроси́ у́бо боголюбе́зную добродетель сию́ и нам, одержимым го́рдостию, я́ко да от сердца смиренна вопие́м ему: Аллилу́иа.

Икос 8

Весь благода́тных дарова́ний испо́лненный, тече́ние вре́менныя жизни скончава́я, Иоанне богознамени́те, всех поучал еси́ исполнением Закона и покаянием благоугожда́ти Го́сподеви. Сего́ ра́ди благода́рственное хваление тебе, великому учителю истины, воспева́ем:

Радуйся, Закона и оправданий Господних насади́телю.

Радуйся, И́родова беззакония обличи́телю.

Радуйся, о исправлении того́ рачи́телю.

Радуйся, пра́вды ра́ди темничное заключение и у́зы претерпе́вый.

Радуйся, за истину во главу́ усеченный.

Радуйся, я́ко тело твое от учеников твоих че́стне погребе́ся.

Радуйся, я́ко Божиим смотре́нием глава твоя нетленна соблюде́ся.

Радуйся, я́ко та на утешение, освящение и цельбы́ христианом даде́ся.

Радуйся, я́ко и десни́це твоей, крестившей Господа, вернии благоче́стие покланяются.

Радуйся, я́ко от тебе мно́гая чудеса те́ми доны́не совершаются.

Радуйся, я́ко тобою ве́рнии от страстей безче́стия избавляются.

Радуйся, я́ко тобою гре́шнии к покаянию воздвиза́ются.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 9

Все естество ангельское удиви́ся высоте служения твоего, и Церковь благоговейно прославляет тя, я́ко друга Христа́ Бога, предше́дшаго пред Ним духом и си́лою Илиино́ю. Ревну́я бо по истине, дерзновенно обличал еси́ фарисе́ев и беззаконнаго И́рода, от него же и мученическую кончину прия́л еси́. Покланя́ющеся у́бо честне́й главе́ твоей, молимся ти: избави нас от страстей безче́стия, да чистым сердцем и усты́ поем: Аллилу́иа.

Икос 9

Вети́йство всякое земноро́дных не довле́ет достойно восхвали́ти тя, Иоанне богохва́льне: тебе бо уста́ Христова похвали́ша, вы́сша пророков и бо́льша всех рожде́нных жена́ми тя наименова́ша. Отню́дуже достойную похвалу принести тебе недоумева́юще, вопие́м ти сицева́я:

Радуйся, Церкве Христо́вы великая сла́во.

Радуйся, Ангелов предивное чудо.

Радуйся, пра́отцев радость и прославление.

Радуйся, пророков высокая похвало́.

Радуйся, апостолов богосве́тлый ве́нче.

Радуйся, святителей веле́ле́пая красото́.

Радуйся, мучеников в новой благодати нача́ло.

Радуйся, преподобных соверше́ние.

Радуйся, праведных удобре́ние.

Радуйся, девственников и по́стников основание.

Радуйся, всех христиан великое утешение.

Радуйся, я́ко от всех христианских родо́в имя твое прославляется.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 10

Спасти́ мир Прише́дшаго во плоти Христа Бога благовестил еси́ и су́щим во аде, я́коже бо денни́ца, предходящая солнцу, осветил еси́ во тьме и се́ни сме́ртней седя́щих. Отню́дуже вскоре Го́сподем изведе́н был еси́ со всеми от века праведными, поя́ Ему, я́ко Избáвителю и Победителю смерти: Аллилу́иа.

Икос 10

Стена еси́ и прибе́жище спасительное всем, моли́твенно к тебе притека́ющим, божественный Иоанне. Сего́ ра́ди песньми похвальными ублажа́ем тя си́це:

Радуйся, мощный заступниче наш и верный от бед храни́телю.

Радуйся, злостра́ждущих от ду́хов злобы скорый помощниче и избáвителю.

Радуйся, непло́дствующим благословение от Бога низпосыла́яй.

Радуйся, притекающих к тебе с верою от треволне́ния страстей избавля́яй.

Радуйся, во вражде су́щих скоро умиротворя́яй.

Радуйся, во всякой ну́жде и печали усердно притека́ющим к тебе скорую помощь подава́яй.

Радуйся, благотеку́щих от самообольще́ния и пре́лести изъима́яй.

Радуйся, вручающим себе твоему хода́тайству в час смертный помога́яй.

Радуйся, лю́бящих тя от воздушных мыта́рств предстательством твоим свобожда́яй.

Радуйся, почитающих славную память твою ве́чныя жизни молитвами твоими сподобля́яй.

Радуйся, нищих и вдовиц и сирот заступле́ние.

Радуйся, по Бо́зе и Богородице Христиа́ном прибежище и упова́ние.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 11

Пение всякое не довле́ет по достоя́нию до́блестей твоих восхвали́ти тя, Крестителю Господень. Но мы, любовию понужде́ни, дерза́ем воспевати вели́чия твоя, е́же ми́лостивно приими́ от нас, первостоя́телю у Престола Пресвятыя Троицы, и моли свободи́тися нам от вся́кия скве́рны греховныя, да чистым сердцем и устна́ми поем Богу: Аллилу́иа.

Икос 11

Светильника Света непристу́пнаго и всесветлых благода́тных дарова́ний всего исполнена тя, Иоанне богопросвеще́нне, ве́дуще, радостно приносим ти таковá́я:

Радуйся, самови́дче озарившаго тя свыше Божественнаго Света.

Радуйся, светом доброде́телей твоих просла́вивый Бога.

Радуйся, Пресвятыя Троицы велеле́пую славу яви́вый.

Радуйся, правый и дивный путь к Небеси́ показа́вый.

Радуйся, и су́щим во аде Бога, я́вльшагося во пло́ти, благовести́телю.

Радуйся, душ пра́ведных, от века в преисподней держи́мых, возвесели́телю.

Радуйся, Владыки Христа Бога дру́же искренний.

Радуйся, яви́вый миру Свет истинный.

Радуйся, светоза́рное света ева́нгельского сия́ние.

Радуйся, рода христианскаго прославле́ние.

Радуйся, Совета Божия исполне́ние.

Радуйся, я́ко от восто́к солнца даже до запад хва́льно имя твое.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 12

Благодати тезоимени́тый Крести́телю Госпо́день и тою обогати́вся, победоно́сец преславный показался еси́: победил бо еси́ враги́ и всякую зло́бу и великое служение твое му́ченическим по́двигом запечатле́л еси́. Ны́не же, предстоя́ Престолу Царя ца́рствующих, моли́ Его дарова́ти верным победы на враги́ и во всем благопоспеше́ние, в доброде́телех же благодатное укрепление, поющим Ему: Аллилу́иа.

Икос 12

Поюще Бога, дивно в тебе просла́вльшагося, хва́лим тя, богоблаже́нне Крести́телю, я́ко и́скренняго друга Христова, прославляем вели́кия по́двиги твоя, ублажаем мученическую кончину твою и сицева́я радостно вопие́м ти:

Радуйся, вселенский апо́столе и Новаго Завета первому́чениче.

Радуйся, явлением Христа на земли́ откры́вшагося Царствия Небеснаго первый пропове́дниче.

Радуйся, язы́ков Божественное призвание предвозвести́вый.

Радуйся, безве́стная и та́йная премудрости Божия миру яви́вый.

Радуйся, божественными дея́нии плодоно́сен паче иных яви́выйся.

Радуйся, я́ко светом дел твоих просла́вися Отец Небесный.

Радуйся, я́ко о памяти твоей Церковь Христо́ву весели́ши неизрече́нно.

Радуйся, я́ко ныне вечнаго наслажда́ешися веселия изоби́льно.

Радуйся, божественными лучами Трисо́лнечнаго Света осиява́емый.

Радуйся, я́ко со безпло́тными Трисвяту́ю песнь Богу немо́лчно вопие́ши.

Радуйся, я́ко ныне, зерца́лом разре́шшимся, несре́дственне зри́ши Святую Троицу.

Ра́дуйся, вели́кий Иоанне, Проро́че, Предте́че и Крести́телю Госпо́день.

Кондак 13

О великий и преславный Предте́че и Крести́телю Господень Иоа́нне, приими́ от нас ныне приноси́мое тебе моле́ние и твоими богоприя́тными к Богу молитвами изба́ви нас от всякаго зла, и ве́чныя изми́ му́ки, и наследниками Царствия Небеснаго соде́лай, да вовеки поем Богу: Аллилу́иа.

(Этот кондак читается трижды, затем икос 1 и кондак 1)

МОЛИТВА

святому Иоанну Предтече

Крести́телю Христов, пропове́дниче покаяния, ка́ющагося не пре́зри мене́, но совокупля́яся с во́и Небесными, молися ко Влады́це за мене́, недостойнаго, уны́лаго, не́мощнаго и печа́льнаго, во многия беды́ впадшаго, утружде́ннаго бурными помыслы ума моего. Аз бо есмь верте́п злых дел, отнюдь не име́яй конца греховному обычаю, пригвожде́н бо есть ум мой земным вещем. Что сотворю? Не вем. И к кому прибе́гну, да спасе́на будет душа моя? То́кмо к тебе, святый Иоанне, благодати тезоимени́те, я́ко тя пред Го́сподем по Богоро́дице вем бо́льша бы́ти рожденных всех, ты бо спод́обился еси́ косну́тися верху́ Царя Христа, взе́млющаго грехи мира, Агнца Божия. Его́же моли за грешную мою душу, да поне́ отныне, в первыйна́десять час, понесу тяготу́ благу́ю и прииму́ мзду с последними. Ей, Крести́телю Христо́в, честный Предте́че, кра́йний Проро́че, первый во благодати му́рениче, по́стников и пустынников наста́вниче, чистоты учи́телю и ближний дру́же Христов! Тя молю, к тебе прибегаю: не отри́ни мене от твоего заступле́ния, но возста́ви мя, низве́рженнаго многими грехи. Обнови́ душу мою покаянием, я́ко вторым крещением, поне́же обоего́ начальник еси́: крещением омыва́яй прароди́тельный грех, покаянием же очища́яй коего́ждо дело скверно. Очисти мя, грехами оскверне́ннаго, и пону́ди вни́ти, а́може ничтоже скверно входит – в Царствие Небесное. Ами́нь.

Примечания

1

В Новом Завете упоминаются три Ирода. Первый из них – тот, о котором здесь идет речь, был главой нового поколения царей. Он искал смерти Спасителя-Младенца и у светских историков называется Великим. Второй – Ирод Антипа, сын первого, человек любознательный, но без любви к истине, лукавый, распутный и суеверный. Он был тетрархом (четверовластником) или областеначальником Галилейским. Четверовластником он назван потому, что ему назначена была в управление только четвертая часть тогдашнего Иудейского царства. Он дозволил обезглавить Иоанна Крестителя и издевался над Спасителем в Его великих страданиях. Третий – Ирод Агриппа, племянник Ирода Антипы и внук Ирода Великого; он повелел казнить апостола Иакова и за свое высокомерие был съеден червями. Он был отцом другого царя, Агриппы, перед которым апостол Павел говорил свою защитительную речь (см.: Деян. 25 и 26).

2

Ирод (иудей по вере внешне, но в душе истый язычник-римлянин) всеми силами старался, чтобы погасить в иудеях их национальный дух и отнять силу и значение их древних уставов и священных отеческих преданий. Двор был устроен, и дворцовая жизнь велась у Ирода по образцам тогдашних римских вельмож-богачей. Своих сыновей он воспитывал в Риме и прелестью греческой образованности, введением льстящих чувственности языческих нравов и обычаев старался привлечь к себе лучших из молодого иудейского поколения, и тем растлевал их души. В самом Иерусалиме построил он театр, а в полях иерусалимских – амфитеатр, и устроил языческие зрелища и игры. В честь императора Августа строил города: Севастию, Кесарию, а вне Иудеи, в областях, присоединенных Августом к его царству,

воздвигал даже храмы и ставил в них его изображения. Домогаясь славы в потомстве, Ирод великолепно украсил храм Иерусалимский; но на главных его воротах поставил римского золотого орла и сжигал живыми тех ревнителей отеческой веры, которые осмеливались срывать этот ненавистный им знак власти.

3

Даже первосвященнический ефод – необходимую и отличительную часть первосвященнического облачения – хранил Ирод в укрепленном замке и выдавал по своему усмотрению. То же делали по его примеру впоследствии и римские прокураторы.

4

Сословие священников всегда пользовалось у иудеев уважением.

5

Бог через Моисея дал народу израильскому три рода заповедей: 1) заповеди нравственные, начертанные на двух скрижалях; 2) заповеди судебные, составлявшие свод еврейских гражданских законов; 3) заповеди обрядовые, относящиеся к богослужению и вообще ко всем религиозным обрядам в народной жизни. Они в указанном месте Евангелия названы уставами Господними.

6

Некоторые указывают на Хеврон и даже другие города как на местожительство родителей Предтечи; но новейшие и внимательнейшие из ученых путешественников по Святой Земле не находили там ни древних преданий, ни древних памятников, подтверждающих эту мысль.

7

Для избежания беспорядков при отправлении богослужения в Скинии Свидения Моисей разделил потомков первосвященника Аарона на шестнадцать очередей, или классов. Когда священническое племя размножилось еще более, Давид разделил всех священников на двадцать четыре класса. Каждый класс, состоящий из весьма значительного числа священнослужителей (более 5000), совершал богослужение в продолжение одной недели, или семи дней, и находился под распоряжением одного начальника, и по имени этого начальника, избранного в первый раз Давидом, называлась каждая чреда, или класс. Порядок преемственного служения в Скинии был определен жребием, и восьмая чреда выпала на долю Авии, от племени которого и происходил святой Захария. То же разделение подтвердил и Соломон после построения Иерусалимского храма; тот же порядок восстановили Езекия после нечестивого Ахаза и Неемия по возвращении из плена вавилонского.

8

Свт. Златоуст, блж. Августин, свт. Амвросий и Предание нашей Православной Церкви говорят, что Захария был иудейским первосвященником. Это мнение главным образом основывается на глубоком уважении современников к высоким нравственным достоинствам Захарии и на следующем соображении. Время года, когда Захария исполнял обязанности своего служения в храме Иерусалимском, совпадает с

днем праздника Очищения, который совершался в десятом месяце тисри, соответствующем концу нашего сентября и началу октября. Только однажды в год, и именно в этот день Очищения, верховный первосвященник иудейский входил для совершения каждения во Святая святых, куда не входил за ним никто из обыкновенных священников; между тем в повествовании святого Луки представляется, что Захария был один в том месте, где явился ему Ангел. Обыкновенный священник, каждодневно совершавший каждение, не имел нужды уединяться от подобных же священников и левитов. По мнению позднейших толкователей Святого Писания, Захария был обыкновенный чередовой священник. Это мнение основывают на следующих доказательствах. 1) Евангелист Лука называет великого первосвященника Архиереем, а Захария называется у него не только священником, но и некоторым из священников. 2) Захария был из Авиевой череды, а для первосвященника череды не существовало; он мог, когда ему угодно было, совершать всякое богослужение, предоставленное обыкновенным священникам. 3) Иосиф Флавий в списке первосвященников Иерусалимского храма не упоминает о первосвященнике этого времени с именем Захария. Однако эти два мнения не противоречат одно другому. В то смутное время в Иудее имя первосвященника в одно и то же время давалось не одному только лицу из потомков Аарона, которое действительно занимало место первосвященника в Иудее, но и прежним первосвященникам, еще живым, и даже готовящимся на место первосвященника (кандидатам). Первосвященниками назывались также старейшие в каждой из 24-х священнических очередей. Весьма вероятно, что Захария был главой священнического класса Авии, а потому и мог называться первосвященником. В этом смысле самого Иоанна Крестителя, как сына Захарии, главы племени Авиева, раввины называют великим священником. В случае болезни первосвященника, его отлучки или законом указанных препятствий к отправлению богослужения должность его мог исполнять и обыкновенный священник.

9

«Будеши молча и не могий проглаголати» – святой Амвросий, Феофилакт и другие переводят: «Ты будешь глух и не будешь иметь возможности говорить». И Святая Церковь в своих песнопениях в день зачатия Предтечи говорит устами Ангела: «Будеши глух и безгласен… не веровав моим глаголам, ныне оглохни и молчанию научися».

10

Ближайшим родоначальником их был Матфан, из колена Иудина. У него были три дочери – Мария, Совия, Анна. Совия была мать Елисаветы – жены Захарии – матери Предтечи. Анна была женой Иоакима – мать Пречистой Девы Марии. Таким образом, Елисавета была двоюродной сестрой Девы Марии, а Иоанн Креститель троюродным братом по плоти Иисусу Христу. Имя деве «Мариам». «Мариам», – «Мария» значит – «Госпожа».

11

Может быть, до начала владетельного племени Маккавеев потомки Давида еще и имели какие-либо отличия среди иудейского народа, но с этого времени род Давидов окончательно слился с простым народом. Мария и Иосиф были потомками Давида, только по разным линиям: Иосиф – по линии от Соломона, Мария – по линии от Нафана.

12

Ткань пурпурного цвета.

13

По свидетельству Священного Предания, прав. Захария принимал самое живое участие в первых важных обстоятельствах земной жизни Пресвятой Девы. Так, когда праведные родители Ее – Иоаким и Анна – привели Ее, трехлетнюю, в храм Иерусалимский, чтобы по обету своему посвятить Господу, Захария, как священнодействующее тогда лицо, по вдохновению свыше превознес похвалами юную Деву как будущую Матерь обетованного Мессии и совершил дело удивительное и странное для всех ревнителей закона – ввел отроковицу Марию в Святая святых, куда не дозволялось входить никому, кроме великого первосвященника, и то однажды в год. Во время пребывания ее при храме Иерусалимском, особенно после смерти праведной матери Ее, Захария с отеческой нежностью заботился о Святой Деве, поручив Ее надзору самых благочестивых жен, посвятивших себя Богу (по некоторым преданиям, праведной Анне, дочери Фануиловой – пророчице). При выборе попечителя и хранителя девства Святой Марии Захария был также первым действующим лицом.

14

Если на основании древнейшего предания, принятого Восточной и Западной Церквями, зачатие святого Иоанна отнесено к 23 сентября 748 года, то 24 июня 749 года от построения Рима должно почитаться днем рождения Предтечи.

15

Обрезание служило отличительным признаком народа Божия, отделяло его от всех других народов и глубоко уважалось евреями как знак народного превосходства. Закон обрезания получил свое начало в лице Авраама и был видимой и потомственной печатью завета с Богом. Заповедь обрезания дана была с такой строгостью, что всякий из рода Авраамова, необрезанный в известный, определенный срок, осужден был на истребление от своего рода. Закон обрезания повторен был целому народу еврейскому через Моисея, который познал собственным опытом всю важность этого Божественного постановления прежде, чем сделался законодателем: на пути в Египет из земли Мадиамской Бог угрожал ему смертью за необрезанного сына. Обрезать нужно было крайнюю плоть, а орудием обрезания могли быть острый камень или стальной нож. Обрезание имело таинственное значение: предшествующее ему состояние знаменовало нечистоту и порчу человеческой природы, а обрезание – исправление этого повреждения через Мессию, имевшего родиться без мужа; само действие символизировало внутреннее обрезание, или умерщвление плотского и рождение духовного человека.

16

Евреям не дано было особенного повеления Божия на то, чтобы при обрезании детей нарекать им имена; но этот весьма древний обычай мог иметь своим основанием или то, что Бог, при своем обетовании Авраму перед установлением закона обрезания, нарек новое имя: Авраам, а потом Саре – Сарра и наследнику обетования – Исаак; или то, чтобы в самом имени давался обрезанному постоянный случай

воспоминать Святой Завет, от соблюдения которого зависело его благополучие. Иногда, при особых, впрочем, обстоятельствах, давалось имя младенцу и матерью.

17

Всего вероятнее – письменными, потому что иными знаками трудно было объяснить то, чего хотели теперь от Захарии его родственники.

18

По закону Моисееву мать, разрешившаяся младенцем мужского пола, почиталась в продолжение семи дней нечистой и, кроме того, 33 дня не могла приходить в храм, участвовать в общественном богослужении и прикасаться к чему-либо священному. Если младенец был женского пола, то родившая его считалась нечистой 14 дней и, кроме того, 66 дней не могла приходить в храм и прикасаться к святыне.

19

Святой Иоанн с детства до самой кончины своей был назореем; между тем ниоткуда не видно, чтобы он когда-нибудь самостоятельно и открыто в храме Иерусалимском принимал на себя обеты назорея. Назореями в Ветхозаветной Церкви назывались лица мужского и женского пола, дававшие перед Богом обет воздержания от употребления некоторых вещей, дозволенных законом. Сам Господь изрек законы для назореев (Чис. 6). Назореи должны были соблюдать три главных правила: 1) не пить вина и никакого опьяняющего напитка; даже не есть сушеного винограда, его зерен, самой его кожи. 2) Не стричь и не брить волос на голове своей. 3) Всемерно избегать прикосновения к мертвым. Назореи были двоякого рода: одних посвящали Господу с первых дней жизни до смерти, каковы были, например, Сампсон и Самуил; другие давали обеты назорейства только на известный, определенный срок. В законе не предписано никаких особенных обрядов при произнесении кем-либо обетов назорейства; по окончании срока назорейства совершались в храме особые жертвы и обряды, указанные в законе. Впрочем, были примеры, что те назореи, которые находились вдали от Иерусалимского храма, между тем как срок их назорейства кончался, могли слагать с себя обеты назорейства через одно только острижение волос на голове своей.

20

По преданию, 14 тысяч младенцев сделались жертвой Иродовой ярости. Говорят, что будто бы в это время даже один из сыновей Ирода пал под мечом убийц – слепых исполнителей его воли. Слух обо всем этом достиг Рима. Когда император Август услышал, что в числе детей, которых Ирод повелел умертвить, убит и сын Ирода, он сказал: «У Ирода лучше быть свиньей, чем сыном» (потому что Ирод, соблюдая обычаи иудеев, не убивал свиней). По мнению большей части толковников, избиение младенцев Вифлеемских произошло на втором году от Р. Х. Ирод вскоре после этого умер лютой смертью.

21

Тертуллиан говорит, что еще в его время указывали следы крови Захарииной на месте его святотатственного убиения. В мечети Омаровой, построенной на месте Иерусалимского храма, находится небольшая пещера, называемая магометанами сходом в подземное царство душ. Наш древний русский

паломник – игумен Даниил – сообщает предание, что в этой пещере убит Захария, сын Варахии.

22

Святой Василий Великий, святой Петр Александрийский, святой Иоанн Златоуст, святой Епифаний и др. говорят, что Иисус Христос имел здесь в виду Захарию, отца Иоанна Крестителя. И действительно: 1) Спаситель, в указанном месте (Мф. 23, 29–35) обличая иудеев за избиение пророков, приписывает эти злодеяния виновным в том отцам их; их же называет только сынами убийц, сочувствующими делам своих предков; а умерщвление Захарии, сына Варахиина, приписывает прямо тем людям, к которым обращает речь Свою, и представляет их самих виновниками этого убийства. (*Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником*). 2) По церковному преданию, отец Захарии – родителя Предтечи – назывался Варахией. Если святой Лука употребляет имя Захарии без отеческого его названия (Лк. 11, 51), то он делает то же и в первой главе при наименовании отца Предтечи (1, 5, 12, 13, 67). Между тем святой Матфей, говоря о том же Захарии, прямо называет его сыном Варахии (Мф. 23, 35). Примечательно, что святой Матфей, повествовавший также и об Иоанне Крестителе, только раз, и именно здесь назвал по имени его родителя. 3) Иисус Христос в рассматриваемом нами месте поставляет Захарию в числе пророков, и притом как бы последним из предвозвестивших о пришествии Спасителя мира и убитых самими иудеями. Святому Захарии – отцу Предтечи – действительно приписывается в Евангелии дар пророчества. Он же по справедливости может считаться последним из убитых иудеями пророков, ибо, хотя собственно последним ветхозаветным пророком называется сын Захарии – Иоанн Креститель, но убийцами его были не собственно иудеи, а Ирод Антипа, правитель Галилеи. Следовательно, в указанном изречении Спасителя вряд ли можно говорить о каком-то другом Захарии.

23

Большая часть толкователей Евангелия под словом акриды разумеет саранчу– небольшое крылатое насекомое, видов которого довольно много. Некоторые виды саранчи жителями Востока употребляются в пищу. Она не запрещена и законом Моисеевым и употреблялась в Палестине бедными жителями. Другие толкователи, например святой Афанасий и Климент Александрийские, Исидор Пелусиот, Никифор и многие из новейших, под акридами разумеют побеги или почки молодых растений и деревьев, которые составляли пищу святого Иоанна. Арабы, живущие недалеко от пещеры святого Иоанна, на основании древних преданий до сих пор указывают на одно растение, называя его деревом хлеба святого Иоанна; бедные из обывателей и теперь питаются им. Это растение – рожковое дерево. В пользу последнего мнения можно привести следующее: 1) Саранча в Палестину прилетает редко; в иные годы ее вовсе не бывает. 2) Сбор, приготовление саранчи в пищу и ее хранение требуют особых забот: как же согласить с этим слова Златоуста, что святой Иоанн стол имел всегда готовый, даже в самом нежном возрасте? Что было бы необыкновенного, если бы Иоанн употреблял пищу для бедняков на Востоке обычную? Не выше ли его в этом отношении были бы пустынники Фиваиды, питавшиеся одними травами и кореньями? Поэтому некоторые ученые под акридами не решались понимать саранчу, почитая ее пищей, не приличной для святого Иоанна. Мед в Палестине был домашний, добываемый из пчелиных ульев при домах, и дикий, который собирали в полях, горах и лесах. В прежние времена меду здесь было много: в лесах он тек иногда по земле; каменные расселины, в которых пчелы клали мед, назывались камнями меда. Святой Иоанн питался диким медом, а этот мед горек. Полагают, что дикий мед, которым питался в пустыне Иоанн Креститель, из сахарного тростника, который впоследствии служил главной пищей святых отшельников здешних мест.

24

Филон говорит: «Наши законы привлекают к себе всех: варваров, иноплеменников греков, обитателей материка, а равно и жителей островов, на востоке, западе и в Европе». Обращающиеся в иудейскую веру из язычников назывались прозелитами. Их было два рода: а) прозелиты правды, которые вполне принимали иудейскую веру, были обрезываемы, полностью подчинялись закону Моисееву, и б) прозелиты врат, от которых требовалось только исполнение так называемых семи заповедей Ноя: 1) не служить идолам, 2) не хулить имени Божия, 3) не убивать, 4) не грабить и не красть, 5) не совершать блуда, 6) не есть удавленины и мяса, оторванного от живого животного, 7) наблюдать законные отношения к другим и иметь судей и судилища. Писатели иудейские называют прозелитов язвой Израиля.

25

Название этой секты производят от сирийского слова «назап» – «воздержанный, терпеливый». Писатели, пристрастные к ессеям, говорят, что ессеи древнее всех мудрецов греческих, и начало их возводят даже к самому Моисею. Такие же сектанты из иудеев, но оторвавшиеся от Палестины и жившие в Египте, особенно в окрестностях Александрии, были ферапевты. Они отличались от ессеев своим более созерцательным характером и преимущественно аскетическим образом жизни. «Ферапевты, – говорит преосв. Порфирий, – рабы Божий, провождавшие жизнь благочестивую, иудейские монахи, жившие общинами раньше появления христианства; потом они уверовали во Христа».

26

По завещанию Ирода Великого, Иудея, Самария и Идумея, составлявшие половину его царства, назначены были в управление старшему сыну его Архелаю, но, как мы уже видели, Архелай после десятилетнего своего правления за свою жестокость и по интригам партий иудейских свергнут был Августом с престола. Кто был Лисаний – определенно не известно; предполагают, что это был второй правитель Авилинии. Авилиния получила свое название от главного своего города Авилы.

27

Расстояние от Иерихона до Иордана более 10 км. На одном из холмов находятся остатки монастыря Иоанна Крестителя, обозначавшего место крещения Спасителя и построенного еще до Юстиниана, в незапамятное время. Иордан – главная река Палестины, вытекает от подошвы Антиливана, из небольшого озера Фиала, у города Панеода; проходит через два озера – Самохонитское и Тивериадское; течет через всю Палестину, от севера к югу, и впадает в Мертвое море. Месяц тисри, в который совершался у иудеев праздник Труб, соответствует нашему сентябрю.

28

«Вся» – усиленное выражение вместо «весьма многие» из жителей Иерусалима и Иудеи и прилегавших к Иордану с той и другой стороны областей: Самарии и Галилеи с запада, Итуреи, Трахонидиты и Галаада – с востока.

29

Ясное на это указание сделано святым евангелистом Лукой (Лк. 3, 18) после изложения бесед Предтечи народу в словах: *Многое и другое благовествовал он народу, поучая его.*

30

Так ошибочно изображают это даже знаменитые художники-живописцы.

31

Что именно так совершал свое крещение Предтеча Господень, на это указывает святой евангелист Лука, повествуя о крещении святым Филиппом евнуха царицы Кандакии: *Продолжая путь, они (Филипп и евнух) приехали к воде; и евнух сказал: вот вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказали остановить колесницу; и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и окрестил его. Когда же они вышли из воды, Дух Святой сошел на евнуха, а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь* (Деян. 8, 36–39). Словом «окрестил» переведено здесь греческое слово, которое значит – «погрузил в воду».

32

Лютер, Цвингли и Кальвин утверждают, что нет никакого различия между крещением Иоанновым и крещением Христовым. Это заблуждение осуждено было Тридентским Собором.

33

См., например, как толкует это выражение свт. Иоанн Златоуст: «Это животное убивает мать, его рождающую, и, разгрызая у нее чрево, как говорят, выходит на свет: так и фарисеи поступали, убивая своих отцов [пророков] и разрывая своими руками учителей».

34

Так как пост и молитва – отличительные действия строгой религиозной жизни, то поэтому многие из церковных писателей почитают Предтечу Господня учредителем монашеской жизни.

35

Ремесло древодела не почиталось у иудеев ремеслом низким. Вообще любая ручная работа считалась у иудеев занятием почетным, и каждый иудей от поселянина до первосвященника обучался какому-нибудь ремеслу. У древних иудеев было даже присловье: «кто не обучает своего сына какому-нибудь ремеслу, тот учит его красть». Ремесло плотника приходилось применять и в синагоге, и в храме, поэтому избирали его своей профессией люди даже знатного происхождения; оно не возбраняло избранию в первосвященники, тогда как, например, кожевник мог сделаться раввином, но первосвященником быть никогда не мог.

36

В церковных песнях ясно выражается мысль, что Господь Иисус нисшел в глубь Иордана, что Иордан одел Его водами своими, что Он погрузился в них всем Своим телом, и тварь увидела Его плотью крыемого в водах.

37

Напротив того самого места, где в Иордане благоволил принять крещение от святого Иоанна Господь Иисус Христос, был создан благолепный монастырь; но теперь от развалин этого монастыря уцелела одна только зала нижнего этажа, в которой иноки из обители святого Саввы совершают иногда службу в день Богоявления; от церкви едва уцелело несколько полуразрушившихся стен. Прежде от монастыря до Иордана был сход по мраморной лестнице, от которой теперь остались лишь куски разбитого мрамора ослепительной белизны. На берегу Иордана напротив обители видны развалины церкви или часовни, построенной против места самого крещения.

38

По мнению некоторых толкователей Писания, слова Отца Небесного были торжественным подтверждением того свидетельства, какое мог выразить святой Иоанн об Иисусе Христе в минуты Его крещения. Предтеча, совершая крещение над Спасителем, мог открыто указать на Него стоявшему на берегах Иордана народу самой формулой, какую, вероятно, и употребил он тогда. Вместо того чтобы сказать, как это было при совершении им крещения над другими, «я крещу тебя во имя Того, Кто имеет прийти за мною», Креститель мог произнести: «Вот тот Мессия, о Пришествии Которого я предвозвещаю».

39

У некоторых церковных писателей встречается предание, что крещение Спасителя произошло ночью, даже в полночь. Неизвестно, на чем основано это предание. Святые отцы, например, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский и др., в своих поучениях на день Крещения Господня и в евангельских на тот же день толкованиях не делают даже и намека на то, будто бы Крещение Спасителя совершилось ночью. В поучениях Златоуста есть только известие, что в его время (так же, как и у нас в России во многих местах) православные христиане под праздник Богоявления, в полночь, брали воду из источников, и эта вода имела особую силу. «Сей есть день, – говорил он, – в который Христос крестился и освятил естество вод, и потому на праздник Крещения все, почерпнув воды в полночь, приносят ее домой и хранят весь год. И – явное чудо – та вода в существе своем не портится от продолжения времени, но, почерпнутая ныне, целый год, а часто два и три года остается свежей и неповрежденной и после такого времени не уступает водам, только что почерпнутым из источников». Но в этих словах святителя можно ли видеть указание на то, что Крещение Спасителя совершилось ночью или в полночь? Да и удобно ли было Крестителю совершать крещение темной ночью в быстром Иордане? У Златоуста можно видеть указание, что Креститель не удерживал при себе на ночь своих слушателей, но отпускал их домой.

40

Что касается характера и действенности крещения, которое Господь Иисус Христос во время земной

Своей жизни преподавал иудеям через Своих учеников, то мнения об этом отцов и учителей Церкви и толкователей Писания неодинаковы. Тертуллиан, Златоуст, Феофилакт, Евфимий и другие говорят, что оно по своей силе и действенности не выше было крещения Иоаннова, потому что не имело благодати Святого Духа, так как Иисус еще не был прославлен, и целью того и другого было только приведение крещаемых ко Христу. Блаж. Августин, а вслед за ним и многие из западных толкователей Писания и богословов утверждают, что крещение, производимое апостолами во время земной жизни Христовой, было существенным таинством возрождения. Иные – что оно стало иметь такую действенность только после торжественного своего установления, что оно не совершалось еще во имя Трех Лиц Божества, но только во имя Иисуса Христа. Примечательно, что апостолы перестали крестить после заключения Иоанна в темницу; так как при их посланничестве Господом к овцам погибшим дома Израилева на них не возлагалась обязанность крестить, и вопроса о крещении не было до самого воскресения Иисуса Христа из мертвых, после которого апостолы уже получили торжественное и определенное повеление от Господа крестить все народы во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

41

Ни один из евангелистов не следовал событийному порядку при повествовании о заключении святого Иоанна в темницу: Матфей и Марк соединяют это повествование с рассказом об усекновении Предтечи; а Лука упоминает об этом заключении даже прежде повествования о крещении Христовом. Неясность этого обстоятельства дала некоторым повод утверждать, будто бы святой Иоанн заключен был в темницу два раза: в первый раз в Иерусалиме, по распоряжению великого Синедриона в то время, когда Господь Иисус после Своего крещения пребывал в пустыне искушения. Об этом заключении и говорят, будто бы, евангелисты Матфей в гл. 4, и Марк в гл. 1. Страх от народа будто бы принудил врагов Предтечи возвратить ему свободу. Спустя год после этого святой Иоанн снова был заключен в темницу по повелению Ирода, о чем упоминают евангелисты: Матфей в 14 главе, Марк в 6 и Лука в 3 главе.

Вот, по Н. Тильману, основание предположения о первом заключении святого Иоанна в темницу, отличном от заключения его Иродом: из Евангелий Матфея и Марка известно, что Иисус Христос после Своего крещения и после победы Своей над диаволом в пустыне возвратился в Галилею, когда разнесся слух, что Иоанн заключен в темницу; а из Евангелия Иоанна видно, что Иисус Христос возвратился в Галилею на брак в Кане вскоре после Своего крещения. Следовательно, Предтеча был взят под стражу тотчас после крещения Христова и прежде, чем Иисус возвратился в Галилею, и прежде брака в Кане. Между тем евангелист Иоанн говорит весьма ясно, что после брака в Кане Иисус Христос отправился в Капернаум, отсюда в Иерусалим на праздник Пасхи, а из Иерусалима – в окрестные страны, где Он и крестил в то же время, что и Иоанн в Еноне. С этим можно согласиться, но только допустив, что святой Иоанн после своего заключения получил свободу и продолжал по-прежнему крестить. Неосновательность такого предположения прежде всего доказывается тем, что невозможно оправдать ту эпоху, на которую указывают как на время первого заключения святого Иоанна в темницу.

Понятно, что святой Иоанн не мог быть взят Синедрионом под стражу прежде посольства к нему из Иерусалима священников и левитов. Это посольство было во время окончания поста Христова в пустыне; так как на другой день после ухода этого посольства святой Иоанн свидетельствовал о Христе, говоря, что он (Иоанн) видел Духа Святого сошедшим на Него; следовательно, это было после крещения Христова. В следующий день святой Иоанн еще раз свидетельствовал о Христе, и в это время Андрей с другим учеником Иоанновым последовал за Иисусом. Нельзя думать, что Иисус имел учеников прежде Своего поста в пустыне, потому что евангелисты Лука и особенно Марк весьма ясно говорят, что Иисус после крещения Своего от Иоанна тотчас отведен был Духом в пустыню. Итак, совершенно несправедливо

предположение, будто бы святой Иоанн был в темнице после крещения Христова и прежде окончания Его подвигов в пустыне.

42

В словах иудейского историка Иосифа Флавия о святом Крестителе можно отчасти видеть предлог, под которым фарисеи хотели скрыть беззаконный арест человека Божия. Флавий упоминает о Крестителе при рассказе о войне Ирода с Аретой, его тестем. В одном из сражений войско Ирода было разбито, и иудеи думали, что это поражение было праведным наказанием Божьим Ироду в отмщение за смерть Иоанна Крестителя. «Тетрарх, – пишет Иосиф Флавий, – предал смерти этого праведного человека, который увещевал людей к исполнению добродетели и в особенности благочестия и правды и в то же время преподавал крещение водой, поучая, что исполнение этого обряда тогда только приятно будет Богу, когда они будут воздерживаться не от одного какого-либо порока, но когда с очищением своего тела будут сохранять и чистоту своего сердца. Но так как народ сходился к нему толпами и с жадностью слушал его учение, то Ирод, опасаясь, чтобы влияние этого человека не произвело против него какого-либо волнения со стороны иудеев, так как они могли бы исполнить все по могущественному слову Иоанна, рассудил, что гораздо благоразумнее будет избавиться от него прежде, чем произойдет какое-нибудь новое возмущение, чтобы не сожалеть после, что упущен благоприятный случай к его аресту. Итак, обременив оковами, Ирод отослал Иоанна в Махеронт, где и приказал его умертвить».

43

Иудеи смотрели как на великих пророков особенно на тех, которых пророчество о Христе было яснее других; посему Исайю они поставляли выше прочих пророков.

44

Саломия, плясавшая в собрании мужчин, конечно, нарушала восточные приличия: на Востоке только рабыням в угоду своим деспотам позволялось, легко одевшись, плясать во время пиров; но вспомним, что это было во времена Ирода Антипы, больше грека, чем иудея, который, по примеру своего отца, из угодливости римлянам старался во всем подражать тому, что делалось в Риме при дворах царских и вельможеских. Там, по примеру греков, со времен Августа пиры заканчивались мимическими танцами и небольшими сценами из произведений драматических поэтов. Иосиф Флавий говорит, что, будучи в Риме, он встретил там одного комедианта из иудеев, Алитура, который своим театральным искусством на пирах приобрел такое благоволение императрицы Поппеи, что мог выпросить у нее все, чего только хотел. Сам Нерон состязался с ним, чтобы взять пальму первенства в танцах. Все подобное перенято было от римлян иудейскими царями. Ирод Великий, к великому соблазну иудеев, устроил великолепный театр при своем дворце и пригласил знаменитых в то время актеров и танцоров, равно как и славнейших борцов для иерусалимского амфитеатра. Антипа был верным подражателем своему отцу. Не мудрено, что Саломия воспитана была как современные ей гречанки или римлянки, и таким воспитанием убита была в ней стыдливость восточной девицы.

45

Русские путешественники по Святой земле Норов и Муравьев, основываясь преимущественно на местном предании, утверждают, что мученическая кончина Предтечи последовала в Севастии и

погребальную его пещеру здесь считают местом темничного его заключения и усекновения; но писатели новейшие на основании свидетельств Иосифа Флавия и Евсевия Кесарийского местом кончины святого Иоанна полагают крепость Махер (Махеронт). Это мнение принять удобнее, потому что: а) хотя Самария восстановлена и великолепно обстроена была Иродом Великим и в честь Августа названа им Севастией, но после его смерти она находилась, как и вся Самарийская область, под властью уже не Ирода Антипы, а римского прокуратора Пилата; следовательно, самовластно распоряжаться Севастией, жить здесь, долго держать здесь своих узников и пировать здесь со всеми своими галилейскими вельможами Ирод едва ли мог, едва ли это позволили бы ему подозрительные римляне. Да и что за нужда была Ироду пировать в чужом дворце, когда у него был свой великолепный дворец в Тивериаде? И не удобнее ли было, если это только нужно было, перевести святого Иоанна в Тивериаду, чем в Севастию? б) заключение святого Иоанна было во время открывшейся войны Ирода с аравийским князем Аретой, и во время войны этой последовало и усекновение Предтечи. В это время Ироду Антипе нужно было быть как можно ближе к театру военных действий, и именно в крепости Махеронте, которая и построена была с целью защиты от нападения на Перею кочевых племен, в) нет ничего удивительного, что в местном предании место погребения Предтечи слилось с местом его заключения и усекновения: в самарийской пещере долго хранились мощи святого Иоанна среди гробов пророков Авдия и Елисея, скончавшихся в Самарии; притом обширная погребальная пещера самарийская весьма похожа на древние восточные темницы.

46

Деятельность учеников Предтечи не ограничилась земной жизнью их учителя. И по смерти святого Иоанна они распространяли его проповедь о Христе не только по пустынным берегам Иордана, не только по Иудее и Галилее, но и по странам Малой Азии, совершая и установленное им крещение над принявшими его учение. Вот почему в разных концах Римской империи встречались последователи великого пророка Божия. Проповедь Иоаннова учения была наилучшим приготовлением к принятию учения евангельского. Как с родными и знакомыми встречались проповедники христианства с последователями святого Иоанна Крестителя; некоторое внутреннее родство связывало их между собой, и при первых словах о Христе, при первом соприкосновении с Его последователями ученики Иоанна являлись учениками Христа. Замечательнейшее в этом отношении явление представляет Аполлос. Он был александрийским иудеем, сведущим в Святом Писании, красноречивым. Наставленный в начатках пути Господня, он говорил и учил о Господе правильно, зная только Иоанново крещение. Придя в Ефес, он смело начал свою проповедь в иудейской синагоге. Услышав его, Акила и жена его Прискилла, ученики святого апостола Павла, приняли его к себе, точнее и подробнее изложили ему учение Господне и сделали последователем Христовым. Из Ефеса Аполлос вознамерился идти в Ахаию. Ефесские братья-христиане своими письмами расположили местных учеников радушно уверовавшим своим благодатным учением, потому что сильно и открыто опровергал иудеев, доказывая из Писания, что Иисус есть Христос. Во время пребывания Аполлосса в Коринфе прибыл в Ефес апостол Павел. Найдя здесь некоторых учеников, спросил их: *Приняли ли вы Святого Духа, у веровав?* Они отвечали ему: *Мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святой.* Павел сказал им: *Во что же вы крестились?* Они отвечали: *В Иоанново крещение.* Тогда Павел сказал: *Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса.* Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса. И когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить на других языках и пророчествовать (Деян. 18, 24–28; 19, 1–7). Конечно, не в одном Ефесе последователи Иоанновой проповеди были так близки к проповедникам Христовым и без особенно трудных убеждений присоединялись к Христу как готовые уже к спасению.

Некоторые, однако, из учеников Предтечи оставались слепо приверженными одному ему, так что и

после смерти его не хотели присоединиться к Иисусу Христу и своим отделением положили начало еретической секте, существующей и до сих пор. На Востоке, в Индии, Персии и Аравии, и теперь еще есть последователи Предтечи, известные под именем мандантов, или учеников Иоанна Крестителя. Верования мандантов – вообще смесь всяких элементов, и христианских, и иудейских, и языческих, и магометанских. Заблуждение человеческое завладело частями того святого учения, которое преподавал святой Иоанн, когда эти части в раздробленном виде достигали стран отдаленных и когда за их целостью не наблюдала душа самого учителя, в своем земном служении стесненная пределами пространства и времени. Святой Иоанн не хотел учреждать особого самостоятельного общества. В сектах, прикрывающихся его именем, для нас важно то значение, какое имеет для людей на протяжении многих веков это великое имя. Это далекий отголосок того могучего впечатления, какое произвел на свое время Богопросвещенный проповедник. Нужно необыкновенно сильное действие человеческой личности, для того чтобы через восемнадцать с лишком веков ее именем могло держаться целое общество и авторитетом ее придавать себе силу и освящение.

47

А.С. Норов. Иерусалим и Синай. СПб., 1878. С. 28.

48

Драгоман – военный переводчик в странах Востока.

49

Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. Изданы Православным Палестинским обществом по подлинной рукописи / Под ред. Николая Барсукова: В 4 ч. СПб., 1885–1887. Ч. III, с. 24, 186, 280, 365, 370; Ч. IV, с. 117, 121; *Норов А.* Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1879. С. 28.